

КАМА-САМУХА

санатана дхарма

*Пер. с санскрита, предисловие и комментарий
А. А. Игнатьева,
Калининград,
2016*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Кама-самуха. Перевод	21
Комментарий	124
Словарь имен	177
Словарь предметов и терминов	179
Словарь топонимов и этнонимов	181
Словарь флоры и фауны	183
Источники «Кама-самухи»	185
Известные антологии санскритской поэзии.....	188
Литература	189
Об авторе перевода	194

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вашему вниманию представляется перевод с санскрита на русский язык «Кама-самухи», малоизвестного памятника санскритской словесности, посвященного теме любви. Само слово kАma обозначает прежде всего эротическую любовь, чувственное желание и чувственное наслаждение [Арте 1988: 143; Monier-Williams 2015: 271]. Это слово служит также именем бога любви, аналога древнегреческого Эроса. Бог Кама представляется в образе прекрасного юноши, восседающего на попугае и держащего знамя с изображением дельфина и лук, в котором вместо тетивы пчелы, а также пять цветочных стрел. Этими стрелами он возбуждает в сердцах всех существ любовную страсть [Индийская философия 2009: 432; Индуизм 1996: 226; Мифы 1991: 618]. Что же касается слова samUha, то его значениями являются «обилие, множество, количество, объединение, союз» [Кочергина 1996: 203; Арте 1988: 589–590]. Таким образом, само название «Кама-самуха» может быть переведено как «собрание [стихов] о любви» или даже «энциклопедия любви».

Индийская культура с самого начала была пронизана эротизмом. Как замечает Артур Бэшем, «вся индуистская литература, и религиозная, и светская, буквально изобилует намеками с сексуальным смыслом, половой символикой и откровенными эротическими описаниями» (цит. по [Бэшем 1977: 184]). И вторя ему, У. Донигер пишет, что «Кама столь же стар, как индуизм» [Doniger 2016: 149]. Уже в знаменитом космогоническом гимне Ригведы «Насадия» (X.129) желание (kАma) рассматривается как «первое семя мысли», как первотолчок в процессе миропроявления [Ригведа 1999: 286]. Человеческая любовь мыслится как отражение любви божественной. В другом месте Ригведы возникновение вселенной оказывается плодом соития отца-Неба с матерью-Землей: «Мать приобщила отца к закону: / Ведь (еще) раньше она сошлась (с ним) духом (и) мыслью. Она, желая удержать (плод), была пронзена, увлажненная плодом» (I.164.8) (цит. по [Ригведа 1989: 201]). Таким образом, Небо и Земля выступают прообразом вселенской родительской пары. Этот образ станет популярным в поздних слоях самхит и в брахманах, где его могут воспроизводить другие божественные пары [Pintchman 1994: 31]. Соответственно дождь оказывается семенем, оплодотворяющим землю (I.100.3; 128.3; III.55.17). Боги подвержены тем же страстям, что и люди. Так, Солнце преследует богиню зари Ушас (ср. Эос древнегреческой мифологии): «Сурья наступает сзади на сверкающую / Богиню Ушас, как юноша на женщину» (I.115.2) (цит. по [Ригведа 1989: 140]).

В ведах обрядность мыслится в образах любовных отношений. Возжигание жертвенного огня трением двух кусков дерева уподобляется соитию: верхний кусок представляет мужской орган, а нижний – женский (Ригведа III.29.1–3) [Там же: 314]. Соответственно освящаются и любовные

отношения мужчины и женщины. В гимне X.85 земная свадьба уподобляется браку бога Сомы, отождествляемого с месяцем, и Сурьи (здесь *suṅuA*, с долгой гласной «а», что означает женский род), дочери солнечного божества Савитара. Путь свадебного поезда соответствует здесь пути Солнца по небу, а отдельные свадебные аксессуары (наряд невесты, детали колесницы, запряженные в эту колесницу быки) – элементам мироздания [Ригведа 1999: 220–224]. Этот гимн и поныне исполняется в Индии на церемонии бракосочетания [Пандей 1990: 172].

Атхарваведа демонстрирует примеры любовной магии: здесь содержатся заговоры, призванные приворожить любимого (или любимую). Эти заговоры носят высокохудожественный характер и могут тронуть и сердце современного читателя, например, I.34.4: «Я слаще, чем (самый) мед, / Слаще, чем трава медовая, / Пожелай же ты меня, / Как медовой веточки! / С обнимающим тростником сахарным / Обошел я вокруг тебя для согласия; / Чтобы стала ты меня любящей, / Чтоб не стала ты избегать меня!» (цит. по [Атхарваведа 1995: 173]). В Атхарваведе же упоминается Кама как божество любви. Впрочем, ведийский Кама весьма отличен от милого юноши позднейших сказаний и поэм: к нему обращаются не только для того, чтобы поразить «хорошо нацеленной» стрелой сердце любимой женщины (III.25.3), но и чтобы наслать на врагов «бездетность, бездомность, нужду» (IX.2.3) [Атхарваведа 2007: 49].

Подобное мы наблюдаем и в примыкающей к ведам литературе (брахманы, араньяки, упанишады). С одной стороны, обрядность осмысливается в эротическом ключе. Например, в «Шатапатха-брахмане» жертвоприношение отождествляется с любовным соитием, так как «алтарь (*vedI*, ж.р.) – женщина, и огонь (*agni*, м.р.) – мужчина, женщина возлежит, обнимая мужчину, и таким образом происходит соединение, дарующее потомство» (цит. по [Сыркин 1996: 8]), далее, части алтаря уподобляются частям женского тела (I.2.5.15–16). С другой стороны, любовные отношения подвергаются сакрализации и ритуализации. В той же «Шатапатха-брахмане» (X.5.2.9–12) соитие Индры и Индрани изображается как любовное соединение обычной человеческой пары, но при этом плодом их соития оказывается все мироздание (*idaM sarvam*) [Pintchman 1994: 53]. В «Брихадараньяка-упанишаде» (VI.4.3) сказано: «Ее лоно – жертвенный алтарь. Волоски – трава для жертвоприношения. Кожа – давила [сомы]. *Labia pudenda* – огонь в середине. Поистине, сколь велик мир того, кто совершает жертвоприношение ваджапея, сколь велик мир того, кто производит совокупление, зная это. Он приобретает добрые дела женщин. Но у того, кто производит совокупление, не зная этого, женщины приобретают его добрые дела» (цит. по [Упанишады 2000: 153]).

Наконец, в ту пору практиковались и собственно сексуальные обряды. В частности, согласно реконструкции, проведенной на основании текста «Ваджасанейи-самхиты» (23), первоначально основным элементом жертвоприношения ашвамедха (*ashvamedha*, «жертвоприношение коня»)

было ритуальное соитие царицы со жрецом. Любопытен способ совершения этого обряда. Несколько человек поднимали вверх царицу, и то же самое проделывали со жрецом. В таких необычных условиях они и должны были совершить соитие. Возможно, сразу же после этого жреца казнили. То, что это был обряд плодородия, свидетельствуют слова древнего комментатора, описывающего соитие в терминах сеяния зерна [Bhattacharyya 1975: 11; Bhattacharyya 1999: 281]. Впоследствии этот «непристойный» обряд был заменен имитацией совокупления царицы под покрывалом с умерщвленным жертвенным конем, при этом женщины, участвовавшие в обряде и представляющие все слои общества, ритуально оплакивали коня и обменивались репликами «непристойного» эротического содержания со жрецами [Индуизм 1996: 71; Bhattacharyya 1999: 281].

Возникновение подобных представлений и обрядов некоторые исследователи, в частности, Н. Бхаттачарья, видели в условиях жизни людей. Земледелие на первоначальном этапе было занятием женщин, произошедшим от собирательства, поэтому у народов, основой хозяйства которых стало возделывание земли, ранее существовавший культ Богини-Матери получает дополнительный импульс. Плодовитость женщины в представлении древних земледельцев была магическим образом связана с плодородием земли. Земля, почва были уподоблены женщине, засеянная нива – женщине, «понесшей во чреве своем». Рождение из зерна новых колосьев напоминало рождение ребенка. И потому, для того, чтобы способствовать хорошим урожаям, равно как и продолжению рода, почитали Богиню-Мать. Уподобляя женщину земле, различными магическими ритуалами древние люди стремились соединить силу женского плодородия с полями и садами. Эти обряды могли иметь различный вид: ритуальное обнажение и танцы перед богом дождя, вспахивание поля обнаженными женщинами, эротические пляски и церемонии [Индуизм 1996: 188; Bhattacharyya 1996: 8]. Н. Бхаттачарья выделяет два основных метода: ритуальная нагота и соитие [Bhattacharyya 1975: 9].

Известно, что во многих областях земного шара был распространён обычай, когда женщины обнажались на поле, что должно было благоприятствовать хорошему урожаю. Этому обычаю следовали жительницы Древней Греции (праздник в честь богини плодородия Деметры), фламандки и британские жрицы дохристианской эпохи, а также китайские шаманки, особенно при вызывании дождя. Этот же обычай был широко распространён и в Индии [Ibid.: 9]. Один из подобных обрядов красочно описан в историко-фантастическом романе Д.В. Морозова «Дваждырожденные»: «Однажды, гуляя у реки, в которой мы с Нанди так любили купаться, я обнаружил, что вода покинула ее. Сухой белый песочек омывал костяки каких-то павших от жажды животных. Многие деревья стояли без листьев, трава потеряла мягкость и свежесть. Неподалеку от своей хижины я вдруг услышал удары барабана и заунывное пение, больше похожее на стон толпы. Пройдя через поредевший лес, я вышел к поляне и

застыл в тени деревьев как вкопанный, поняв, что стал свидетелем таинства, видеть которое не позволялось ни одному мужчине. На поляне было более двух десятков девушек в ярких, праздничных одеждах, умощенных сандаловой пастой. Девушки танцевали – взявшись за руки, быстро шли по кругу, одновременно скидывали руки, прогибались в талии и пели, все время пели, почти не раскрывая рта. Бой барабанчика, который держала одна из танцующих, стал все учащаться, все быстрее двигались босые ноги, изрезанные о сухую траву. Дыхание танцующих стало прерывистым, хриплым, по лицам текли капли пота, зрачки закатывались в транс. Среди танцующих я увидел Нандини. Ее глаза сияли потусторонним страшным огнем безумства, губы покраснели, как от жарких поцелуев. Одна из девушек, не прекращая танца, сорвала с себя покрывало и, отбросив его в сторону, стала извиваться, как змея в любовном экстазе. Ее примеру последовали другие, в том числе и Нанди. Я впервые увидел ее крепкое тело – бедра, налитые женской силой, руки, вьющиеся змеями. Капли пота выступили в темно-коричневой ложбинке между зрелых грудей с задранными вверх сиреневыми сосками. Что-то тревожное, противоестественное было в этом танце любви, лишенном радости, больше похожем на человеческое жертвоприношение. Я чуть не вскрикнул, когда у Нанди подкосились ноги, и она упала голой спиной в колючую траву так, словно это было ложе из лепестков жасмина. Но она, кажется не почувствовала боли, потому что продолжала извиваться на земле, запрокидывая голову, словно в любовном томлении, прогибалась в талии и бесстыдно раздвигала ноги. Треугольник тени под нежной округлостью живота хищно кидался то вниз, то вверх. Рядом с ней одна за другой простерлись в пыли другие девушки с оскаленными в страсти зубами и разметавшимися прядями волос. Я больше не мог смотреть на этот грубый, почти первобытный обряд, давно забытый в моей деревне и бесшумно повернул назад в чащу. Я понял, кому отдавались в страсти эти девушки, чью любовь призывали. Бог Индра – повелитель грозы и небесного огня должен был возгореться страстью при виде обнаженных девственных тел и пролить животворный дождь на иссохшуюся землю» [Морозов 1998: 23–24].

Праздники, отмечающие различные этапы сельскохозяйственной деятельности, почти всегда были связаны с обрядами, включающими ритуальное соитие. Например, у многих племён американских индейцев существовал обычай выбирать мужчину и женщину, которое соединялись в поле. В данном случае речь идет об одной паре, но иногда это принимало форму массовых оргиастических торжеств. Среди хос в Чатанагпуре во время праздника урожая девушкам предоставлялась полная свобода в любовных делах. У бхуия в Ориссе подобный праздник урожая носил название магх порай. В Ассаме во время весенних торжеств женщины пользовались полной свободой «без какой-либо угрозы для своей репутации» [Bhattacharyya 1975: 9–10]. В маратхской поэтической антологии «Саттасаи» не раз упоминается разгул, царивший во время весеннего праздника

«Мадана»: «Отовсюду тянет рисовой водкой. / Дует ветер с Малаи. / Плохи дела. Поймешь разве, матушка, / Кто чей возлюбленный?» (цит. по [Индийская лирика 1978: 70]).

Отголоском подобных традиций является современный праздник холи, знаменующий окончание холодного сезона и наступление весны, а также созревание и сбор зимнего урожая. Холи отмечается в полнолуние, а Луна, как известно, всегда была тесно связана с женской сексуальностью, магическими силами и плодородием. В праздновании холи достаточно явно присутствует эротический элемент. В некоторых деревнях мужчины инсценируют попытки овладения женщинами, а те отбиваются, причем обе стороны осыпают друг друга бранными словами. Распеваются особые песенки в честь наступления весны, отличающиеся весьма фривольным содержанием. Представители всех каст и сословий, мужчины и женщины, старики и дети посыпают друг друга цветным порошком и обливают краской, причем чаще всего красного цвета, цвета жизни. Н.Р. Гусева видит в последнем обычае один из «самых четких пережитков магии плодородия» [Котин 2005: 21–27; Bhattacharyya 1975: 287–288]. Однако, как замечает Н. Бхаттачарья, современные участники праздника и не догадываются о первоначальном значении этого обычая [Bhattacharyya 1975: 9–10].

Развитие представлений о каме – чувственной любви – в индуистской культуре приводит к тому, что в первые века н.э. она входит в состав трех целей жизни человека (puruShArtha), наряду с дхармой – следованием религиозным предписаниям и артхой – деятельностью, направленной на обеспечение материального благополучия (позже к ним добавились еще и четвертая цель – мокша – освобождение. При этом, по мнению В.Г. Лысенко, кама заняла самое низкое положение в иерархии целей человека, и при любом конфликте этих целей именно камой и следует жертвовать. Хотя кама рассматривается как цель жизни применительно к мужчине, это вовсе не означает, что женщина оказывается только простым инструментом для получения наслаждения. В сфере камы прекрасный пол не только приносит удовольствие, но и сам его получает [Индийская философия 2009: 432].

Нормативные предписания, касающиеся камы, нашли свое отражение в текстах, относящихся к жанру камашастр (ср. дхармашастра и «Артхашастра»). Всем известно ставшее одним из символов индийской культуры слово «Камасутра», и действительно, это самая известная и древняя из дошедших до нас камашастр (составлено это произведение было, по видимому, в III–IV вв. в Западной Индии). Однако содержание «Камасутры» вовсе не сводится к пресловутой «технике секса», с чем у многих ассоциируется этот памятник. Скорее, это своего рода индийский домострой. Читатель «Камасутры» узнает, как выбрать невесту и завоевать ее сердце, как должна вести себя жена или жены, в случае полигамной семьи, как не быть обманутым гетерой, наконец, даются советы медицинского и магического характера [Ватсыяна 1996]. Стиль трактата – сухой и лаконичный, автор часто ссылается на мнение авторитетов и буквально на каждом шагу

прибегает к классификациям. Среди исследователей «Камасутры» вызывает различное отношение. По мнению А.Я. Сыркина, которому принадлежит заслуга ее перевода на русский язык, «содержание «Камасутры» явственно перекликается с современной проблематикой, а отдельные её наблюдения не только интересны, но и злободневны. Уже высказывалось мнение о том, что «Камасутра» во всяком случае гораздо разумнее, например, множества аналогичных наставлений, издававшихся в Англии вплоть до начала XX в. (цит. по [Ватсьяна 1996: 40]). А.Я Сыркин особенно высоко оценивает внимание «Камасутры» к интимным чувствам и переживаниям женщины, что, как он замечает, отличает ее в положительную сторону от аналогичных трактатов, созданных в рамках других цивилизаций [Там же: 41]. Также и А. Бэшем указывает на то, что автор «Камасутры» проповедует не просто удовлетворение страсти мужчины, но изысканное наслаждение для обеих сторон, связанное с интеллектуальным общением и общностью культурных интересов [Бэшем 1977: 185]. Положительную оценку «Камасутры» разделяет и отечественный исследователь В.А. Ефименко [Ефименко 1996: 67].

Однако имеется и другая точка зрения, представленная Н. Бхаттачарьей, подвергшего автора «Камасутры» жесткой и несколько наивной критике за педантизм, поверхностность, схоластизм, слепое следование дхармашастрам в том, что касается нормативных аспектов, и даже за отсутствие практического знания темы [Bhattacharyya 1977: xi] (видимо, намек на то, что согласно преданию Ватсьяна был монахом-аскетом [Ватсьяна 1993: 17], а стало быть, сам не мог иметь реальных отношений с женщинами). Кроме того, не следует забывать, что «Камасутра» предназначалась для обеспеченных городских слоев, что дало Н. Бхаттачарье как приверженцу марксизма дополнительный повод для нападок на это произведение.

Впрочем, среди современных индийцев можно встретить и намного более благожелательное отношение к трактату Ватсьяны. Так, индийская писательница Сандхья Мульчандани, представляющая либеральный индуизм, полагает, что целью автора «Камасутры» было показать, как можно достичь полноты удовольствия в тех условиях, когда браки устраивались старшими родственниками, брачный союз по любви был редкостью, а общественные условия оставляли очень мало времени для частной жизни. Она также отмечает влияние «Камасутры» на искусство [Mulchandani 2006: 23].

Преподающий в Университете Колорадо индийский ученый С.К. Гаутам посвятил свою работу «Foucault and the Kamasutra. The Courtesan, the Dandy, and the Birth of Ars Erotica as Theatre in India» [Gautam 2016] изучению «Камасутры» в сопоставлении с концепцией истории сексуальности, созданной французским философом и культурологом Мишелем Фуко (1926–1984). Как известно, Фуко противопоставляет *ars erotica* или искусство любви, основанное на удовольствии и присущее

незападным культурам, и западную *scientia sexualis*, или науку о сексуальности, основанную на истине и собственном «Я». Фуко утверждает, что *ars erotica* не существовало на Западе, потому что наслаждение не смогло обрести для себя дискурсивную и легислативную (связанную с установлением собственных законов) автономию и всегда жило в тени других дискурсов, таких как философия, мораль, религия, закон и наука [Gautam 2016: 1–3].

Что касается Индии как царства *ars erotica*, то именно «Камасутра» стала успешной попыткой обрести легислативную автономию для сексуального наслаждения от дискурса брахманического закона (дхармы). Последний сосредоточен на институте семьи и лежит в основе кастового патриархального общества. В дискурсе дхармы подчинение наслаждения брахманическому закону идет рука об руку с подчинением женщины мужчине. Оба этих процесса столь неразрывно связаны, что являются двумя аспектами одного и того же феномена. Поэтому автор «Камасутры» стремится отыскать вне круга идентичности некое пространство, где и женщина, и наслаждение могут обрести автономию. И здесь мы сталкиваемся с фигурой гетеры (куртизанки, *gaNika*). К гетере не применимы законы касты и патриархальной семьи. Таким образом, она, являясь суверенной фигурой, занимает в сфере эротики такое же центральное положение, что царь в сфере политики. Исследователь рассматривает место гетер в жизни древнеиндийского общества. В «Камасутре» есть, конечно, и другие женские фигуры, такие как жена (*bhAryA*), незамужняя девушка (*kanyA*), чужая жена (*paradAra*) и женщина, снова вышедшая замуж (*punarbhU*). Но эти фигуры либо не воплощают дискурс эротического наслаждения (*kAma*) в его легислативной автономии от дискурса дхармы, либо делают это только частично, а не полностью, как гетера. Но хотя она и представляет суверенную фигуру в сфере эротики, ей нужен партнер-мужчина, и таким партнером в «Камасутре» выступает *nAgaaka* – горожанин, утонченный эстет и интеллектуал, которого Санджай К. Гаутам именуется денди, сравнивая с денди Бодлера. При этом исследователь выделяет особый вид денди – *viTa*, наставник или гуру для гетеры [Ibid.: 6–8].

Другая линия исследования, которую проводит автор, это родство индийского искусства любви и театра. Не случайно для обозначения партнеров в «Камасутре» используются театроведческие термины: *nAyaaka* (актер, мужчина) и *nAyika* (актриса, женщина). По мнению Гаутама, использование языка театра оправдано именно в контексте отношений между куртизанкой – суверенной фигурой в сфере эротики – и ее партнером-денди. Обе этих фигуры играют главную роль в происхождении театра и выступают своего рода мостом между двумя фундаментально значимыми для традиционной индийской культуры текстами – «Камасутрой» и «Натьяшастрой» (театроведческим трактатом). Интеллектуальное родство между двумя этими текстами находит свое отражение в том, что «Натьяшастра» определяет *rasa* или эстетическое наслаждение высшей целью

театра и, более того, провозглашает сексуальное наслаждение (kama) высшей целью жизни, что даже автор «Камасутры» не рискует сделать [Ibid.: 8–10].

И совсем недавно американский индолог Уэнди Донигер опубликовала книгу «Redeeming the Kamasutra» [Doniger 2016]. По ее признанию, толчком к написанию работы с таким названием послужило, во-первых, предпринятое ей новое исследование «Артхашастры» Каутильи, а вторых, волна пуританизма, охватившая Индию в последнее десятилетие. Донигер задалась целью показать индийцам, что «Камасутра» должна быть предметом их национальной гордости, а не «национального стыда» [Ibid.: 11–12]. Сочинение Ватсьяны она называет «великим шедевром культуры» [Ibid.: 16], созданным в ту пору, когда «европейцы в культурном отношении качались на ветках деревьев» [Ibid.: 19]. Отмечается энциклопедический характер текста, в расхожем сознании ассоциируемого исключительно с причудливыми позами, которые, по мнению Донигер, не имели отношения к реальной жизни индийцев [Ibid.: 20, 32]. Мир «Камасутры» это мир обеспеченных слоев населения, но, в отличие от Н. Бхаттачарьи, Донигер не предаёт из-за этого «Камасутру» анафеме, отмечая попутно, что Ватсьяна уделял мало внимания варновым и кастовым различиям [Ibid.: 21–22]. Сравнивая «Камасутру» с «Артхашастрой» и «Законами Ману», автор констатирует относительно более либеральное отношение трактата Ватсьяны к женскому образованию и личной свободе, чем то, которое можно наблюдать в «Артхашастре», и гораздо более либеральное, чем в «Законах Ману» [Ibid.: 97, 151] и даже называет его «революционным документом» [Ibid.: 152]. По мнению Донигер, «Камасутра» и сегодня может дать многое женщинам [Ibid.: 96], хотя и отмечает в ней присутствие «темных» сторон [Ibid.: 68–69, 105]. Касаясь значения трактата для индийской культуры, исследователь отмечает её глубокое влияние на образ жизни двора и знати, придворную поэзию и эротизм движения бхакти [Ibid.: 69–70, 152]. Кроме того, Донигер подвергает критике перевод «Камасутры», связываемый с именем сэра Ричарда Бёртона. Как оказывается, на самом деле этот перевод был выполнен двумя индийскими пандитами, Бхагаванлалом Индраджитом и Шиварамом Парашурамом Бхиде, которые искажали или пропускали места, где женщинам предоставляется больше преимуществ. В итоге, «Камасутра» Бёртона это «памятник английской литературы, но никак ни памятник индийской литературы» [Ibid.: 154–159]. И наконец, Донигер обрушивается на современных консервативно настроенных индуистов. По её мнению, в индуизме всегда присутствовал и аскетический элемент, и эротический, но при этом одно никогда не отрицало за другим право на существование [Ibid.: 159–163].

Как уже было сказано, слово «Камасутра» является общеизвестным и даже нарицательным, однако за пределами Индии немногие знают, что помимо шедевра Ватсьяны в последующие времена на санскрите было создано еще немало (таковых насчитывают более сотни [Ватсьяна 1996: 16])

трактатов по искусству любви. К числу наиболее известных принадлежат «Рати-рахасья» («Тайна любовной страсти») Коккоки (XII в.), «Нагара-сарвасва» («Городская энциклопедия») Падмашри (между X–XIV в.), «Панча-саяка» («Пять стрел») Джьотиришвары (перв. пол. XIV в.), «Рати-манджари» («Гирлянда любовной страсти») Джаядевы (между XIV–XVI вв.), «Рати-ратна-прадипика» («Светоч соковища страсти») Девараджи (XV или XVII в.) и «Ананга-ранга» («Театр Бестелесного» т.е. Камы) Кальянамаллы (XVI в.). Подробная характеристика этих работ содержится в книге Н. Бхаттачарьи «History of Indian Erotic Literature» [Bhattacharyya 1975: 102–122]. И этот же исследователь обрушивает на камашастры жесточайшую критику. По его мнению, все авторы последовавших за «Камасутрой» эротологических трактатов были слепыми подражателями Ватсьяны, чуждыми духу научного исследования и стремившимися потыкать извращенным вкусом своих богатых покровителей. Они наполняли свои сочинения описаниями поз соития, являвшихся исключительно плодом их воображения, и давали фантастические рецепты афродизиаков, не обладая никакими познаниями в медицине. В результате такого «антинаучного» подхода, как пишет Н. Бхаттачарья, в области эротологии в Индии за период около 1500 лет не было сделано ничего нового [Bhattacharyya 1975: 102–105].

Более снисходителен к поздним камашастрам А.Я. Сыркин. По словам этого индолога, охватывая тот же круг вопросов, что и «Камасутра», эти произведения уступают ей в полноте сведений, хотя и содержат зачастую интересную информацию, отсутствующую в тексте Ватсьяны (четыре типа женщин, эрогенные зоны женского тела и их связь с фазами Луны, влияние драгоценных камней на сексуальное поведение человека, способы обретения сына). С. Мульчандани просто отмечает, что эти тексты концентрировались на физической стороне любви [Mulchandani 2006: 24]. Заметим, что в самой Индии «Рати-рахасья» пользуется не меньшей популярностью, чем «Камасутра» [Ватсьяна 1996: 16–17], а «Ананга-ранга», написанная по заказу мусульманского правителя Лад Хана, была переведена на персидский и арабский языки и стала очень популярной в мусульманском мире [Kama Samuha 2008: 36–37]. У. Донигер отмечает это как пример индуистско-мусульманского культурного синтеза [Doniger 2016: 154]. Поэтому было бы ошибкой полагать вслед за Н. Бхаттачарьей, что эти сочинения не заслуживают никакого интереса. Вместе с тем неверно и утверждение А. Вигасина, написавшего, что поздние камашастры находятся под влиянием мистики тантризма [Индуизм 1996: 227]. По сути, камашастры это сугубо светские тексты, чьи предписания не ставят никаких мистических целей, в отличие от тантрических сексуальных практик. Кроме того, мы не располагаем никакими сведениями, чтобы авторы камашастр принадлежали к каким-либо школам тантры. Зато среди них были мусульмане, как например, Али Акбар Шах, перу которого принадлежит эротологический трактат «Шрингара-манджари» («Лиана любви») (XVIII в.) [Bhattacharyya 1975: 122],

что лишний раз указывает на надконфессиональный характер индийской придворной эротической культуры.

Зато никто не ставит под сомнение связь камашастр с классической санскритской литературой и, в особенности, с поэзией (в данном очерке мы выносим прозу и драматургию за скобки, поскольку они практически не послужили источниками для «Кама-самухи»). «Наука страсти нежной» оказала на санскритских стихотворцев огромное влияние, и понять их творчество без знания «Камасутры», «Рати-рахасьи» и подобных текстов невозможно. Любовь здесь занимает первое место. Любовная лирика на санскрите, равно как и эпические поэмы, наполнены столь яркими и чувственными образами, что человеку европейской культуры многое здесь могло показаться чересчур грубым, откровенным и даже непристойным. Впрочем, и сами индийские «критики» обрушивались на великого Калидасу за то, что он, по их мнению, вышел за рамки приличия, описывая любовные игры Шивы и Парвати в «Кумара-самбхаве». Впрочем, их возражения касались не самой возможности откровенно писать о радостях плоти, а то, что поэт приписывает такие вещи божественной паре. У более поздних санскритских авторов (Бхарави, Магха и их последователи), а также у мастеров пера, писавших на новоиндийских языках, эта откровенность достигает еще большей степени [Бэшем 1977: 185–186; Bhattacharyya 1975: 52–53; Doniger 2016: 164].

Повсюду мы встречаем подробное описание прекрасного женского тела. Идеальная «богиня любви» должна быть стройной, но при этом иметь пышные формы. Цвет её кожи напоминает чистое золото (хотя Калидаса предпочитал смуглый цвет). У неё длинные, густые и иссиня-черные волосы, украшенные яркими цветами (некоторые при этом воспевали завитки, украшающие лоб). Глаза часто сравниваются с глазами газели или трясогузками, а брови представляются в образе лука. Губы ярко-красные, подобно плодам бимбы. Носу, ушам и щекам обычно не уделяется большого внимания, зато воспеваются напоминающие плоды граната зубы. Предметом же наибольшего восхищения служат полные округлые груди, сравниваемые то с парой золотых сосудов, то с горами, то со сладостными плодами, то с буграми на голове слона. Не меньше ценятся бедра, тяжелые и округлые, будто изогнутый хобот слона, и гладкие, как стебель бананового дерева, а также круглый и глубокий пупок, подобный водовороту, поглощающем мужские взоры (или сердца). Что касается ладоней и стоп, то они должны быть небольшого размера [Ingalls 1965: 164; Shastri 2010: 127–128]. Интересно отметить, что в противоположность женщине внешность мужчины описывается очень редко, и «герой-любовник» оказывается нечто вроде бесплотного духа рядом со своей роскошной возлюбленной.

Как и в случае с камашастрами, может возникнуть соблазн связать любовную поэзию с тантризмом. Однако изысканные гимны женской красоте не связаны прямо с обожествлением женщины в тантре, скорее, это просто проявление некоего аналога куртуазности, присущей утонченной

культуре. Корифеи эротической лирики могли быть придворными, но опять-таки, нам ничего неизвестно об их тантрических посвящениях. Заметим еще, что в отношении шактизма и тантры западные исследователи (Д. Кобурн, Т. Пинчмен и др.) высказывают (иногда с большим сожалением) замечание, что воспевание и даже обожествление женского начала в шактистских и тантрических текстах никак не связано с реальным местом женщины в обществе, которое современным людям может показаться «приниженным», и тем более не имеет ничего общего с феминизмом [Coburn 1991: 172; Pintchman 1994: 195–197]. То же самое справедливо и в отношении куртуазной санскритской поэзии.

Санскритские поэты отдавали предпочтение коротким стихотворениям в одну строфу. Если стих посвящен любви, то здесь обычно обыгрывается какая-либо одна эмоция или ситуация (например, жена со слезами провожает мужа в дорогу или устраивает сцену ревности, заподозрив любимого в измене. Иногда встречаются стихотворения-диалоги). Наиболее выдающимися мастерами этого короткого жанра являются двое: Амару и Бхартрихари. Творчество Амару наполнено пылкой чувственностью, и ему наиболее удаются образы юной наивной девушки и робкой молодой жены. Строфы Бхартрихари не такие яркие и выразительные, по замечанию А. Бэшема, в них чувствуется затаенная неудовлетворенность [Бэшем 1977: 451], но зато искренность отображаемых чувств придает им особое очарование.

Язык санскритской поэзии является крайне изысканным, поэты всегда стремились избегать вульгарности [Ingalls 1965: 198]. Художественную выразительность и красоту поэтической речи придают аланкары (alaMkAra, букв. «украшение») – разнообразные стилистические обороты (подробнее об аланкарах см. [Гринцер 1987: 56–140]).

Отдельные стихотворения Амару, Бхартрихари и некоторых других авторов объединяются в сборники, именуемые шатаками («стостишиями»). Именно таким образом существуют «Амару-шатака» и три шатаки Бхартрихари: «Нити-шатака» («Сто строф о житейской мудрости»), «Шрингара-шатака» («Сто строф о любви») и «Вайрагья-шатака» («Сто строф об отрешении») [Бхартрихари 1979; Индийская лирика 1978: 126–149; Классическая поэзия 1977: 60–77]. Наряду с этим создавались большие антологии, включающие стихотворения множества различных поэтов. По замечанию Ю.М. Алихановой, антология (koshā), возможно, является жанром, чье происхождение уходит вглубь веков. Первые упоминания о нем относятся к гуптской эпохе. В трактате по поэтике Бхамахи, предположительно, датированном V в., антология не фигурирует в списке поэтических жанров, хотя у последующих теоретиков, начиная с Дандина (VII–VIII вв.) она обычно упоминается [Индийская лирика 1978: 35]. Самая древняя из сохранившихся антологий – это «Субхашита-ратна-коша» («Сокровищница благих речений»), составленная буддийским монахом Видьякарой во второй половине XI в., но отражающая поэзию

преимущественно VIII–IX вв. Эта антология включает 1738 стихов, сгруппированных по темам в 50 разделов («враджья») [Ingalls 1965; Ingalls 2000].

Одиночные стихотворения вместе с «поэмами о вестнике» (например, «Мегха-дута» («Облако-вестник») составляют жанр поэзии малых форм или «частичной» поэзии (khaNDa-kavya) [Ingalls 1965: 39–46; Ingalls 2000: 37–40].

Создавали санскритские поэты и произведения крупной формы, принадлежащие к жанру «великой поэмы» (mahAkavya). [Ingalls 1965: 39–46; Ingalls 2000: 37–40]. Впрочем, отдельная строфа, даже если она входила в состав большого произведения, продолжала рассматриваться как самостоятельная единица [Гринцер 2008: 527]. «Великая поэма» это крупное поэтическое произведение на эпический или мифологический сюжет; иногда еще подобные произведения называют «искусственным эпосом» или «придворным эпосом», потому что они создавались в придворной среде и были предназначены для чтения, а не для слушания, как фольклор [Русанов 2002].

Среди произведений этого жанра обычно выделяют поэмы Калидасы «Кумара-самбхава» («Рождение Кумары») [Классическая поэзия 1977: 25–53] и «Рагху-вамша» («Рад Рагху») [Калидаса 1996], а также созданную значительно позже поэму Джаядевы «Гита-говинда» (XII в.) [Джаядева 1995]. Что касается прочих известных поэм, как например, «Шिशупала-вадха» Магхи (VII в.), то их европейские исследователи ранее часто критиковали за вычурность и бессвязность повествования. Была в ходу даже т.н. «теория деградации», согласно которой первоначально процветающий в эпоху Калидасы жанр постепенно превратился в «жалкие словесные побрякушки». Причина появления подобной теории заключалась в том, что европейцы долго оценивали санскритскую литературу в соответствии со своими вкусами и пристрастиями, будучи не в состоянии преодолеть свои культурные стереотипы [Бэшем 1977: 446–450; Русанов 2002: 10–11].

Сведения обо всех поэтических произведениях, послуживших источниками для «Кама-самухи», равно как и об их авторах, можно отыскать в приложении «Источники “Кама-самухи”».

В нашу эпоху вряд ли кто-либо назовет санскритскую любовную поэзию «аморальной», каковой её считали англичане позапрошлого столетия. Однако встречающиеся в ней метафоры и современному читателю могут показаться странными и непривычными. Таково, например, сравнение походки красавицы то с походкой слона, то с походкой гуся. Первое для нас носит явно отрицательный оттенок («топает, как слон»), а второе и вовсе звучит нелепо. Или что общего у глаз с трясогузками, а у звона браслетов с гусиным гоготаньем? Как можно сравнивать члены женского тела то с озером, то с колесницей, то с войском? Однако при более глубоком знакомстве с санскритской поэзией все становится в её шедеврах знакомым и родным.

Сделав краткий обзор развития понятия «камы» и его отображения в научной и поэтическом творчестве, теперь обратимся непосредственно к «Кама-самухе». До недавних пор об этом произведении практически ничего не знали. Заслуга его введения в научный оборот принадлежит д-ру Амалу Шиву Патхаку из Университета Лакхнау (the University of Lucknow). Он издал текст памятника в 2008 г., снабдив его своим переводом на английский (правда, не отличающимся точностью и красотой слога) [Kama Samuha 2008].

По сведениям, сообщаемым А.Ш. Патхаком, до нас дошло множество манускриптов, хранящихся в библиотеках по всей Индии [Ibid.: 44], что говорит о том, что в свое время это произведение пользовалось большой популярностью. Для публикации ученый выбрал манускрипт BORI. 15/1869-70C 283/1884-86 как наиболее полный (он содержит 799 стихов).

Кроме того, в приложении издание содержит дополнительные стихи из других манускриптов [Ibid.: 232–238].

Все наши сведения об авторе, месте и времени создания «Кама-самухи» основываются на тексте самого памятника. Эта информация содержится либо в начальных стихах, либо в стихах, завершающих отдельные разделы. Из них мы узнаем, что автором является Ананта, брахман из рода Бхамалла (bhAmalla), по профессии врач (6, 27, 78 и др.). На профессиональную принадлежность автора указывает проскальзывающее в некоторых стихах его знакомство с аюрведой и употребление аюрведических терминов (34, 43, 54, 58, 66, 276, 277, 279, 280). Жил Ананта в городе Ахмадабаде, построенном мусульманским правителем Гуджарата Ахмад Шахом (в «Кама-самухе» – Ахиммадой (677)) в 1410–1441 гг. Точные даты рождения и смерти автора произведения нам неизвестны, но благодаря вышеуказанным сведениям мы можем предположить, что время его жизни приходится на XV в. В ряде стихов Ананта пишет о себе как о пожилым (vR^iddha) (340, 620, 677). По мнению А.Ш. Патхака, этот факт, а также то, что последний раздел «Кама-самухи» посвящен отрешению от мира (vairAgya), свидетельствует, что составление произведения относится к позднему периоду жизни автора. Сам А.Ш. Патхак в качестве даты написания указывает 1457 г. [Kama Samuha 2008: 38]. В тексте памятника также упомянуты отец и дед автора. Отца Ананты звали Манданой (maNDana), и он был придворным и слоновым врачом (6, 78, 480). Что же касается деда, то известно лишь его имя – Нараяна (nArAyaNa) (69).

Жанр, к которому принадлежит «Кама-самуха», достаточно трудно определить. Собственно в тексте она именуется махакавьей, т.е. «большой поэмой», однако на первый взгляд не может быть отнесена к этому жанру, поскольку «большая поэма», как мы помним, это все же сюжетное произведение, а в «Кама-самухе» сюжет отсутствует, если не считать некоего его зачатка в стихах 70–78. Однако «исчезновение» сюжета характерно для поздней махакавьи, и по мнению исследователя А.К. Уордера, «Шишупалавадха», например, это скорее антология, чем эпос [Русанов 2002: 14]. В еще

большей степени это справедливо для «Кама-самухи». А.К. Патхак утверждает, что её текст наполовину состоит из материала, заимствованного у других авторов, причем в ту пору заимствование не считалось чем-то предосудительным [Гринцер 1087: 47–55]. Впрочем, простейший анализ позволяет сказать, что подавляющая часть содержания «Кама-самухи» составляют заимствования. Сам Ананта признает, что он включил в созданное им произведение стихи «хороших поэтов» (5, 601, 626). Вообще же заимствованный материал включает как одиночные строфы, так и цитаты из поэтических произведений крупной формы и камашастр. При этом источник, в отличие от других антологий, никогда не указывается. Такое разнообразие источников превращает «Кама-самуху» в нечто среднее между поэтической антологией и сборником наставлений по искусству любви.

Вот количество стихов, заимствованных автором «Кама-самухи» из тех или иных произведений:

- «Амару-шатака» – 19,
- «Вайгарья-шатака» – 12,
- «Вени-самхара» – 1,
- «Кумара-самбхава» – 3,
- «Кутгани-мата» (комментарий) – 7,
- «Мегха-дута» – 1,
- «Нагананда» – 2,
- «Нагара-сарвасва» – 2,
- «Нагара-сарвасва» (комментарий) – 7,
- «Панчатантра» – 1,
- «Рагху-вамша» – 2,
- «Расика-прия» (комментарий на «Гита-говинду») – 2,
- «Рати-рахасья» – 3,
- «Рати-рахасья» (комментарий Каньчинатхи) – 1,
- «Сахитья-дарпана» (комментарий) – 2,
- «Смара-дипика» – 16,
- «Чаура-панчашика» – 4,
- «Чаура-панчашика» (комментарий) – 1,
- «Шрингара-тилака» Калидасы – 6,
- «Шрингара-тилака» Рудраты – 6,
- «Шрингара-шатака» – 23.

Как мы видим, Ананта больше всего заимствует у таких признанных корифеев санскритской словесности, как Бхартрихари и Амару, реже – у Калидасы. Цитаты из сюжетных произведений крупной формы редки, встречаются единичные стихи из «Мегха-дуть», «Кумара-самбхавы», «Шишупала-вадхи», «Вени-самхары», «Нагананды» и «Чаура-панчашики». Что касается камашастр, то наибольшее число заимствований приходится на «Смара-дипику» (причем в одном месте они идут блоком), попадают также цитаты из «Нагара-сарвасва», «Рати-рахасьи» и комментариев к этим текстам. Станным образом Ананта в плане цитирования полностью

игнорирует «Камасутру», хотя в одном из стихотворения она упоминается (336)).

Набор метров, используемых в лирике, включает как короткие размеры (шлоку, упаджати и близкие к нему 11-сложные), так и главным образом длинные, наиболее излюбленными из которых являются васантатилака (14 слогов), шикхарини (17 слогов с цезурой после 6-го) и шардулавикридата (19 слогов с цезурой после 12-го слога).

Теперь о структуре и содержании «Кама-самухи». Произведение состоит из разделов, которые иногда делятся на подразделы (обозначения «раздел» и «подраздел» условные, поскольку в самом памятнике они не используются). Первые семь стихов составляют введение, содержащее традиционные обращения к богу Ганеше и богине Сарасвати, а также краткие сведения об авторе и его роде. Затем идет первый раздел, посвященный временам года (9–69) и состоящий из шести подразделов, по подразделу на каждое время года (в Индии их именно шесть: весна (vasanta), лето (grIshma), сезон муссонных дождей (prAvR^it), осень (sharad), зима (hemanta) и прохладный сезон (shishira)). Самый крупный из этих подразделов посвящен, что и следовало ожидать, весне (21 стихотворение), а самый короткий – осени (4 стихотворения). В целом этот раздел продолжает традиции сезонной лирики, возникшей во времена империи Гуптов (IV–V вв.). Раздел, посвященный временам года, имелся в значительном количестве антологий, при этом особое внимание уделяется воспеванию весны (vasanta-varNana). Именно в эпоху Гуптов оформился, вероятно, особый жанр поэмы, где к картине сезонных изменений в природе дается параллельная картина сезонных изменений в жизни и развлечениях людей. До нас дошла только одна такая поэма – «Риту-самхара» («Времена года»), приписываемая Калидасе, но, по мнению Ю.М. Алихановой, есть все основания полагать, что в ту пору этот жанр пользовался большой популярностью [Гринцер 2008: 514, 518, 528; Индийская лирика 1978: 43]. В то же самое время тема сезонных развлечений не чужда и эпической поэме. Ее можно отыскать в поэме Калидасы «Рагху-вамша» («Род Рагху»), где описываются любовные наслаждения сластолюбивого царя Агниварны, разнообразящиеся от сезона к сезону (19.37–47) [Калидаса 1996: 309–311], а также в «Киратарджуние» (10.31–35) Бхарави (VI в.) и уже упоминавшейся «Шишупала-вадхе» (6.1–21) Магхи [Ingalls 1965: 110].

Затем следует второй раздел, посвященный воспеванию красоты женского тела (70–319). Этот раздел соответствует популярному в ту пору специфическому жанру накхшикх (nakhshikh, букв. «от ногтей ног до макушки головы»), когда внешность героини восхвалялась с головы до ног. Данный раздел состоит из подразделов, посвященных отдельным членам тела красавицы, причем самые интимные детали ее облика обрисовываются в подробностях. Самый объемный из этих подразделов посвящен груди (81 стихотворение). Читая эти стихи, остается лишь согласиться с Е.Ю. Ваниной, которая заметила: «Поэты состязались в пышных и изящных сравнениях,

живописуя пробор красавицы или складки на её животе, но, если просмотреть все эти описания в различных произведениях средневековой индийской литературы, с древних времен до нового времени, может создаться впечатление, что поэты, жившие в различные эпохи и писавшие на разных языках, воспевали под разными именами одну и ту же женщину» (цит. по [Ванина 2007: 266]).

Описание внешности идеальной красавицы сменяет небольшой раздел, посвященный поведению новобрачной (nava-surata) (323–340). Он соответствует такой популярности в камаштрах теме, как «обращение с девушками» (kanyA-prayuktaka). В «Камасутре» этой теме посвящен третий раздел [Ватсьяна 1993: 82–93]. В стихотворениях на эту тему, включенных в «Кама-самуху», как и повсюду в индийской литературе, новобрачная описывается как робкая и застенчивая девушка, которая, однако, на ложе любви постепенно становится все более страстной и раскованной, доставляя своему мужу ни с чем несравнимое удовольствие.

Вдоволь налюбовавшись молодой женой на супружеском ложе, Ананта переходит к другой не менее любимой индийскими авторами теме, связанной с уходом мужа на чужбину, страданиям в разлуке (прежде всего, жены, хотя иногда и мужа), а также любовным соблазнам, подстерегающим путников. Популярность этой темы связана с тем, что в Индии часто путешествовали не только купцы, но и крестьяне, в период сравнительного затишья уходившие из своих деревень в чужие земли, чтобы, видимо, работать по найму. Теме путешествия и разлуке посвящены восемь разделов (341–542), всего 201 стихотворение, то есть четверть всего объема памятника. Назовем эти разделы:

- 1) любимый отправляется в путь (vallabha-prayANAvasthA) (341–360);
- 2) описание путника (pathika-varNanaM) (361–369);
- 3) путник говорит (pathika uvAcha) или влюбленная женщина и путник (sakAmA-pathika-varNanaM) (370–392);
- 4) описание удивительных женщин (vichitra-strI-varNanaM) (393–432);
- 5) описание жены (priyA-varNanaM) (433–451);
- 6) находящаяся в разлуке женщина через посланца отправляет письмо (viyoginI dUstasya haste lekha-patraM preShayati) (452–480);
- 7) сетования женщины, находящейся в разлуке (viyoginI-pralApaH) (481–520);
- 8) возвращение мужа (priyAgamanaM) (521–534);
- 9) вопросы путешественника (pathika-prashnaM) (535–542).

Следует отметить, что четвертый из указанных разделов не совсем соответствует своему заглавию и его правильно было бы назвать «разное». Также добавим, что весь блок разделов, посвященных разлуке, всецело принадлежит поэзии (kAvya), поскольку в камаштрах эта тема не рассматривается.

За лирическими стихами о горечи разлуки и радости новой встречи следует самый интригующий, пожалуй, блок разделов, посвященных

искусству любви (543–662). Этот блок включает не только поэзию, но и наставления «технического» характера, соответствуя второму разделу «Камасутры», носящему название «О любовном соединении» (sAmprayogikAdhikaraNa) [Ватсьяна 1993: 61–81]. В этом блоке содержатся следующие разделы:

1) начало соития (suratArambhaH) (543–581). Этот раздел включает в основном описание сексуальных поз, заимствованное из «Смара-дипики»;

2) середина соития (surata-madhya-varNanaM) (582–585). Содержит лирические стихи.

3) обратное соитие (viparIta-surata-varNanaM) (586–594), то есть когда женщина находится на мужчине. Содержит как лирику, так и «технические» рекомендации из «Смара-дипики»;

4) окончание соития (suratAvasAnaM) (595–601);

5) слова мужчины, обращенные к любимой во время ссоры по окончании соития (suratAntakalahe strI-priya-vAkyam) (602–620);

6) слова женщины, обращенные к подруге по окончании любовных наслаждений (surata-krIDAntaraM sakhIM prati kAminI-vAkyam) (621–626);

7) женщина возвращается от мужа домой, и вопросы и ответы в ее беседе с путешественником (bhartuH sakAshAt kAminI gR^ihaM prati gachChatI tatra tasyaiva pathikasya prashnottaram) (627–635);

8) «обитатели Камы» (kAma-sthAnAni) (636–662). Этот раздел посвящен тому, что в наши дни принято называть эрогенными зонами женского тела. В «Камасутре» этой теме не уделяется внимание, но зато она рассматривается в других камашастрах, начиная с «Рати-рахасьи» Коккоки [Kama Samuha 2008: 33], см., например, «Ананга-рангу» (II) [Sacred Sexuality 2013: 5]. И раздел об «обителях Камы» как раз содержит два стиха из «Рати-рахасьи» (660, 661). Согласно Коккоке, ссылающемуся на школу Нандикешвары, центр эротического напряжения в женском теле в день полнолуния находится на большом пальце правой ноги, а затем «мигрирует» через различные места по правой стороне тела к голове, находясь в каждом из мест в определенный лунный день (rati-tithi). Затем, в новолуние этот центр начинает постепенно нисходить с головы по левой стороне, доходя до большого пальца левой ноги. Поэтому мужчина должен уделять внимание тем или иным местам на теле возлюбленной в зависимости от убывания и роста Луны [Bhattacharyya 1975: 107].

Вслед за этим идет блок разделов (663–751), соответствующий пятому разделу «Камасутры» «Относительно замужних женщин» (bhAryAdhikaraNa). Открывается он разделом «О способах наслаждения женщиной» (strI-sevA-prakAra) (663–677), в котором дается классификация женщин по возрастам и излагаются советы относительно того, как обращаться с женщиной того или иного возраста. Этот раздел включает цитаты из «Нагара-сарвасва» (663, 664, 669, 672, 673, 676), «Рати-рахасьи» (665) и комментариев Каньчинатхи к «Рати-рахасье» (668). Затем следуют разделы, посвященные описанию влюбленной женщины (sakAmA-

lakShaNaM) (678–691), безразличной женщины (viraktA-lakShaNaM) (692–704), верной жены (pati-vratA-lakShaNaM) (705–734) и развратницы (asatI-lakShaNaM) (735–751). Все эти разделы являются сугубо лирическими.

Завершает «Кама-самуху» раздел «Об отрешении от мира» (vairAgya) (752–799), содержащий много стихов из «Вайрагья-шатаки» Бхартрихари. Как замечает А.Ш. Патхак, включение этого раздела в посвященный эротике сборник является уникальным [Kama Samuha 2008: 43]. Однако при этом Ананта не уделяет внимания таким популярным для камашастр темам, как обращение с чужими женами (в «Камасутре» – pAradArikAdhikaraNa) и применение искусственных средств (в «Камасутре» – «тайное наставление» (auraniShadikAdhikaraNa).

Настоящий перевод ДМ осуществлен с оригинала: Kama Samuha of Sri Anant Kavi. Text with English Translation, Critical Introduction and Appendices by Amal Shib Pathak. N.D.: Chaukhambha Publications, 2008. Деление на разделы производится согласно подлиннику. Были пропущены стихи с неясным содержанием или лишенные какой-либо эстетической ценности, а также не был включен перевод стихов 752–799. Перевод снабжен необходимым для его понимания комментарием и четырьмя словарями: 1) имен, 2) предметов и терминов, 3) топонимов и этнонимов, 4) флоры и фауны. Настоящее издание содержит также приложения «Источники “Кама-самухи”» и «Известные антологии санскритской поэзии».

КАМА-САМУХА Перевод

Шри-Ганеше поклонение!

Посредине всего мира
Сияет вместе с богами
И чтится Индрами среди данав
Уносящий все страхи
Владыка препятствий,
Которому служат сонмы людей и змеев,
Он одерживает победу, недругов губитель,
От тупости избавляющий все существа. (1)

Милостью Сарасвати люди сочиняют стихи,
Поэтому непоколебимо должно поклоняться этой богине. (2)

Милостью Бхарати многомудрым,
Обретшим среди поэтов царское положенье,
Блага сами служат,
Да прольёт она на нас процветанье! (3)

О Ламбодара, кто твои стопы не чтит,
Того ждет участь Гаутамы, Дурвасаса и Вишвамитры. (4)

Припав прежде к стопам сына Махешвары и дочери Творца,
Я сочинил «Кама-самуху», включая туда стихи хороших поэтов. (5)

Сын советника Манданы из рода Бхамаллы,
Я, Ананта, эту великую поэму составил. (6)

Эта книга, пользу приносящая людям,
Пусть станет известна милостью Сарасвати и гуру. (7)

Теперь описание времен года, и первой будет весна.
Таково влияние весны,
Что дни постепенно возрастают,
А ночи сжимаются,
Словно молодая жена
В страхе пред близостью с мужем. (8)

Благоуханные дуновенья заставляют гнуться заросли сандала,
Разносят пыльцу из бутонов лотосов, целуют рощи манго,
Повергают в дрожь источающие обильный аромат чампаки,
Разносят брызги от водочерпальных колес,
Стоящих вблизи на краю садов, и иссушают пот. (9)

Дует южный ветер, рассыпая жемчужины,
Оставленные женами змеев на берегах Кавери,
Слегка поднимая края одежд на полной груди женщин Карнаты,
Игриво трепля локоны на головах женщин Латы
И – о горе! – жен путников склоняя ко греху. (10)

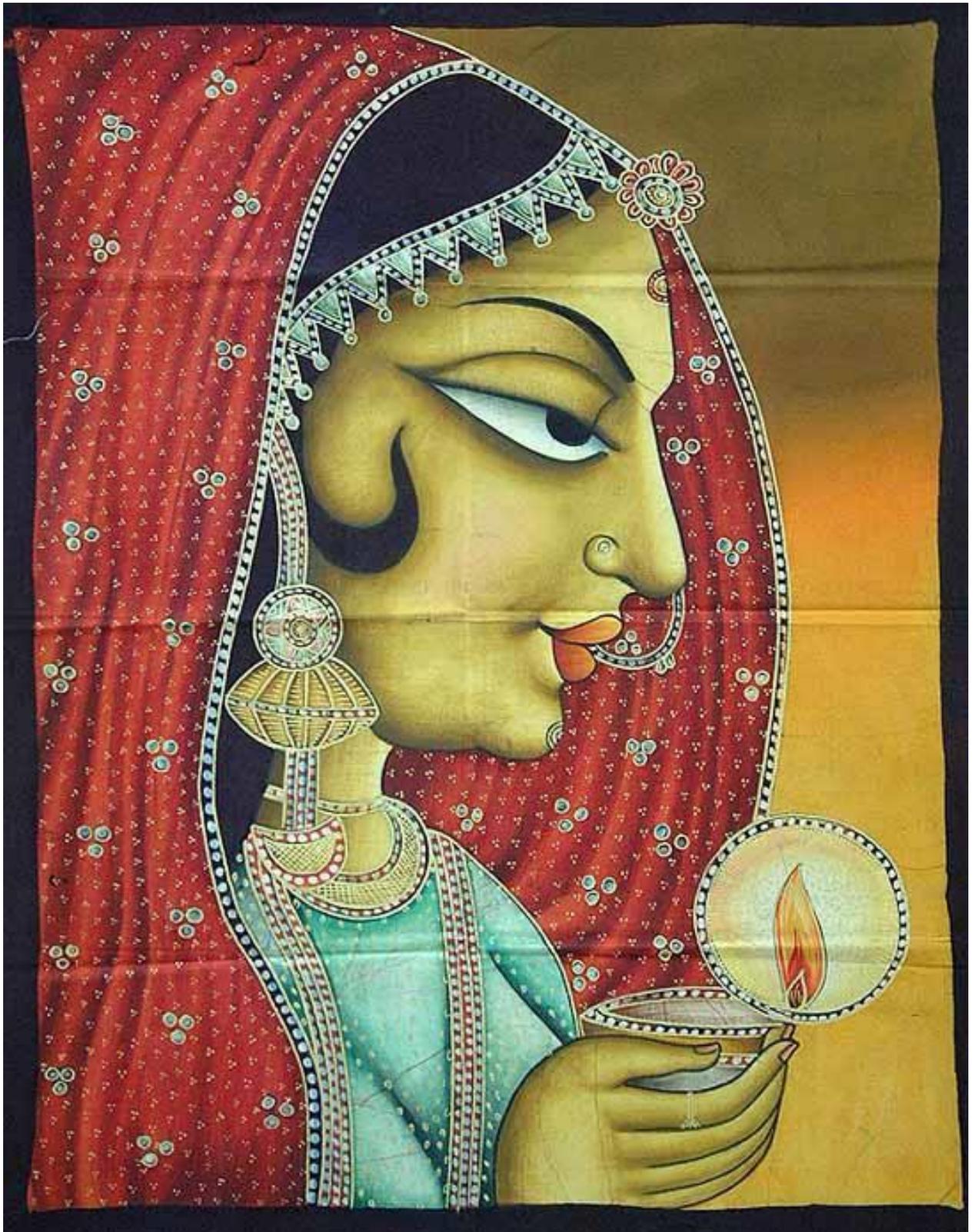
«Если в начале весны
Истомленная долгой разлукой
Любимая расстанется с жизнью,
Кого в её смерти винить,
Юность её иль любовь иль Цветочнострелого бога», –
Так размышляя, он услышал
Звучное кукованье кукушки: «ту хи». (11)

Свежая листва на деревьях
Во всех лесах сверкает,
Словно лесной пожар.
Эта весна опаляет в ярости землю,
Прохладное время гоня прочь. (12)

Под кукованье кукушки
Покрылись цветами киншуки
И набухли почки на манго,
На дворе весенняя пора,
А Кришна не пришел, подруга,
Какая участь ждет меня? (13)

Когда наступила весна,
Какова будет участь жен,
Пребывающих с любимыми в разлуке,
Пусть в душе они жестами рук
Тщеславного Каму и вразумляют. (14)

Сладострастное дерево, жажда потомства,
Своими побегами гору сразу покрыло.
Времена года нисходят на землю,
Не чиня несчастий праведным людям. (15)

Рощи палаши в цвету,
Пыльцу лотосов ветер разносит,
Нежные лианы источают благоуханье,
Похищающее разум. (16)

То весеннее время явилось, как Хануман,
Ветром целуя тычинки цветов,
Владыка ясного лунного диска,
На которого бросают взоры красавицы,
Томимые желаньем в разлуке. (17)

Радую все существа,
Побуждая лотос счастья цвести,
Нежной зеленью распространяя повсюду Бестелесного праздник
По собственной воле обнимая вражийских красавиц,
Аромат любви, подруга, словно воплощенный человек,
Весною очарованный, играет. (18)

В эту весеннюю пору
Ветер, наполненный благоуханьем цветов
И бутонов манго, подобных цветочному луку,
Уносит пот с груди красавицы
После наслажденья с любимым
Словно правильный вор. (19)

Целуя лица-лотосы женщин прекраснобедрых,
Радую бутонами манго кукушек и попугаев,
Шествует ликуя Царь весны,
Словно Бестелесный, тело обретший. (20)

В красных одеждах, со светлым телом,
С цветами палаши в волосах
Он желает увидеть бутоны манго в клюве кукушки –
Поэтому покровителем манго зовётся Васанта. (21)

Весной, опасаясь холодов возвращенья,
Кукушка кукует в лесу,
И лотосы на глади вод расцветают,
Словно желая послушать её. (22)

Кукушки и прочие птицы издают сладостные звуки,
И даже деревья словно опьянены страстью по воле Камы. (24)

Зацвели манго, киншуки, ашоки и наги,
Распустившийся в лесу жасмин, источая божественный запах,
Вместе с кукованьем кукушки порождает пьянящую страсть.
Достойна почитания Высочайшего мужа благословенная весна. (25)

Рычит и шествует Царь весны,
Друг Владетеля пяти стрел,
Единственная причина мира,
Это чудо, о подруга. (26)

Созерцая благословенную Шараду,
Могущую свершить все трудные дела,
Живущую в устах поэтов,
Склонившись перед стопами наставника,
Полными блаженства,
Ананта сказ о весне творит. (27)
Таково в великой поэме «Кама-самуха» описание весны.

Теперь описание лета.

На исходе лета дул ветер,
Разжигаящий, даже будучи слабым,
Огонь в сердцах женщин,
Чьи мужья отправившись в путь,
Уносящий усталость влюбленных,
Вызванную лихорадкой страсти,
Разносящий благоуханье зрелых яблок
И больших распутившихся кадамбы цветов. (28)

Светлый дом, из которого жара изгнана
Брызгами прохладной воды из фонтана,
Где курятся сандал и алоэ,
Месяц на небе, ложе, украшенное цветами,
Лежа на котором, камфору и мускус вдыхаешь,
И пылкая возлюбленная без канчуки –
Вот это летом обитель блаженства. (29)

Семь вещей летом счастье даруют:
Ложе, красный сандал, пальмовое вино,
Тилак, Месяц на небе,
Роца пальм и бурный поток. (30)

Одежда, в которой не чувствуешь зноя, несущий прохладу ветер,
Лотос, холодно-лучистая Луна, студеная вода,
Источающее благоуханье озеро и речные берега –
Вот что радует в летнюю пору. (32)

Миражи перед глазами,
Животные, сходящие с ума от зноя,
Горячие воды, долгие дни,
Весь мир словно охвачен лесным пожаром. (33)

Сухой юго-западный ветер траву выжигает,
Таков признак лета, вызывающего возрастание желчи и давления крови. (34)

«Нашим недругам, ветрам природным,
Дают приют сандаловые чащи», –
С такою мыслью ветер от опахал
Сандал на телах иссушает. (35)
Таково описание лета.

Теперь время дождей.
«Сжав ночи, забрав воду из рек,
Выжигая лесные чащи, иссушив всю землю,
Куда запропастилось Солнце?» – с такою мыслью на поиски
Во все стороны отправляются тучи, молниями озаряя мир. (36)

Молодица, конь, юные годы, восходящее Солнце,
Горячее питье, Шрути и музыка –
Эти семь даруют усладу в дождливое время. (38)

О путник, расстанется с жизнью твоя любимая
В дождливое время года, если ты домой не вернешься,
Когда воркует павлин, и тучи грохочут,
И цветет в изобилие жасмин. (39)

Желтые одежды, молоко, лист, дом, полный голосов,
Древние сказания и любимая с очами, точно лотос –
Эти семь в дожди приносят наслаждение. (40)

Хмельной напиток, бутоны кадамбы,
Леса, где деревья трутся друг об друга под ветрами,
Поля, покрытые водой, полные груди любимой и крики павлина –
Вот причины для радости в дождливое время. (41)

Земля, обратившаяся в ложе из изумрудных трав,
Реки, полные воды,
Все молодостью дышит,
И грохочущие тучи закрыли десять сторон света. (42)

«Зачем идти, если нет больше любимой,
А если она жива, равным образом идти не стоит», –
С такой мыслью путник взирает на скопление туч молодых
И не возвращается домой. (44)

И даже те, в ком беззаботность детства
Не поглощена юностью, другом Смары,
Волнуются при виде тёмных туч над лесом. (45)

«Даже хотя я молода,
Я боюсь с приходом темноты молнии и грома», –
Так думая, Ночь прячется в пещере Говардханы,
Ожидая восхода Солнца. (46)

Юная женщина в нарядных одеждах,
С полной и высокой грудью, горящая желаньем,
И благоуханье распустившихся цветов жасмина
Кого не порадуют в дождливое время года? (47)

С приходом дождей при виде неба
Синего, как цветок атаси,
Даже те, кто живет в разлуке,
Не испытывают страха. (48)

Заслышав грозный грохот туч в начале ночи,
Юная жена, оставив стыд, от страха любимого обнимает. (49)

Не спеша утихомирить гнев любимой,
В ссоре отвернувшейся от него на ложе,
Он ожидал, что, испуганная громом,
Она повернется и попадет в его объятия. (50)

С луком и стрелами, в великолепные одежды облаченный,
И с перьями павлина в волосах
Он, благословленный владыка туч, гордость дождливого времени года,
Забавам предается в горных пещерах. (51)
Таково описание дождливого времени года.

Теперь описание осени.

Нежно прикасаясь к полногрудым красавицам, стерегушим рисовое поле,
Разнося благоуханье распустившихся саптапарны цветов,
Разбрызгивая воду из колодцев и с полей, заставляя лотосы качаться
И мучая жен путников, дуют, неся усладу, осенние ветра. (52)

Прекрасны лотосы в озерах с прозрачною водою,
И блистает земля видом зелени подтопленных рисовых полей. (53)

Страдая от желчи и давления крови,
С колотящимся сердцем
Люди терзаемы лихорадкой
В осеннее время. (54)

Носящая гирлянду из благоуханных цветов жасмина,
Вокруг которой роятся пчелы,
Умещающая свое тело ароматным маслом и сандаловой пастой,
Испуская лунный свет, качается на качелях
В осеннюю пору пылкая женщина, развлекаясь в ожиданье любимого. (55)
Таково описание осени.

Теперь описание зимы.

Зимою, насытившись молоком, простоквашей и маслом, Облаченные в
рдяные одежды,
С телами, умощенными шафраном из Кашмира,
Утомлённые дивными любовными утехами,
С орехами и листьями бетеля во рту
Счастливицы спокойно почивали дома,
Обняв женщин с округлой грудью и бедрами. (56)

Подогретая вода, теплое сезамовое масло,
Листья бетеля, юноша и юность,
Жар Солнца и молоко, что вскипятили,
Рассеивают страх людей пред холодом и покой даруют. (57)

В крепких объятых холода Солнце слабо греет,
Стороны света мрачны в зимнюю пору, а мокрота и ветер преобладают в
теле. (58)

Благодаря покрывалам, углю
И теплу женской груди в безветренных домах
Богатыми побежденный холод
Отыгрывается на бедняках. (59)

Одежда, выкрашенная мареной, хлеб и масло
И любимая с роскошным телом –
Эти три от холода спасут зимою. (60)

С телом, умащенным мускусом, шафраном и алоэ,
Истомленный забавами с любимой
Спал счастливец долгими зимними ночами,
Отгоняя холод прикосновеньем к полной груди молодой. (61)

Растительное масло, тепло, бетелевые листья,
Красные пилюли и одежда,
Подогретая вода и юность –
Эти семь зимой приносят радость. (62)

Тот, кто зимой не наслаждается
Любовью с прекрасной женщиной,
Игривой, смеющейся, веселой,
Воистину, обделен Судьбою. (63)

Напрасно он родился,
Напрасны знания его, достоинства и юность,
Если проходят зимние ночи
Без объятий газелеокой. (64)

О зима, я вспомню, когда пройдешь ты, две хороших вещи:
Воду, без усилий ставшую холодной, и ночи наслаждения с любимой. (66)
Таково описание зимы.

Теперь описание прохладного времени года.
И днем и ночью облачно,
Деревья стоят без листвы,
Ветер и мокрота преобладают в теле,
Значит, пришло прохладное время года. (66)

В конце зимы игривый ветер страсть возбуждает в существах,
Заставляя покрываться почками деревья манго
И принося благоуханье манго с Малайских гор,
Таково прохладное время года. (67)

Радостный Владелец пяти стрел
Словно в страхе перед зимою
Прибегает за теплом к напоминающим неприступные горы
Грудям женщин с прекрасными бровями, юношей приглашая. (68)
Таково описание времен года.

Советник Мандана, сын Нараяны – радость собрания ученых,
Его сын теперь поведет речь о любовной страсти. (69)

*Теперь излагается объяснение любовной страсти, терзающей женщин.
Вот описание девицы.*

Некая целомудренная женщина,
Терзаемая стрелами Камы и жаждущая потомства,
Ночью не напрасно соединяясь с мужем,
Обрела дочь, подобную божественной деве. (70)

Изо дня в день росла она
Словно возрастающий лунный серп
И приобрела прекрасные черты,
Подобно другим долям Луны, исполненным сиянья . (71)

Разве это не сама Лакшми явилась,
Покинув грудь своего господина Мурари,
В гнев на мужа, или богиня Бхавани на землю снизошла?
Отчего, о Творец, ты не дал мне тысячу глаз,
Чтоб любоваться этой девой
С подвижными ресницами и очами, точно синий лотос? (72)

В детстве на берегах Мандакини игрою
В песочные алтари, мячи и куклы
Средь подруг постоянно она забавлялась,
Словно удовольствие в том находила. (73)

Ее стройное тело даже без украшений
Больше вина пьянило,
Став еще одним оружием Камы в дополнение к цветочным стрелам,
И вот в пору юности вслед за детством вступила она. (74)

Лицо великолепье Луны заключает, очи – соперники лотоса по красоте,
Локоны подобны волнистым потокам Калинди.
За исключением юности её, какой же иной восхвалить источник достоинств
благих?
Будучи Цветочнострелого знаменем, юность её торжествует победу, разум
юношей помрачая. (75)

Луну бранит, не радуется ложу, усыпанному лотосов лепестками,
Камфору бросает, не желает идти в дом наслаждений, где льется холодная
вода,
И только лишь вздыхает утомленно та женщина из Саураштры и думает,
Что тот юноша, что ввергнул её в это состоянье, несомненно, приятель
Смары. (76)

Прекрасные очи, своим взором возвратив к жизни
Сожженного Каму, над Махешварой торжествовали победу. (77)

Ананта, сын Манданы, прекрасный, как Манматха, сведущий во всех науках,
Желаний исполнитель, описывает состоянье детства. (78)
*Так в великой поэме «Кама-самуха», сочиненной Анантой, сыном
придворного врача Манданы, заканчивается вторая глава, называющаяся
«Описание детского состояния».*

Теперь начинается описание юной девицы от волос до кончиков ногтей.

Сейчас описание волос.

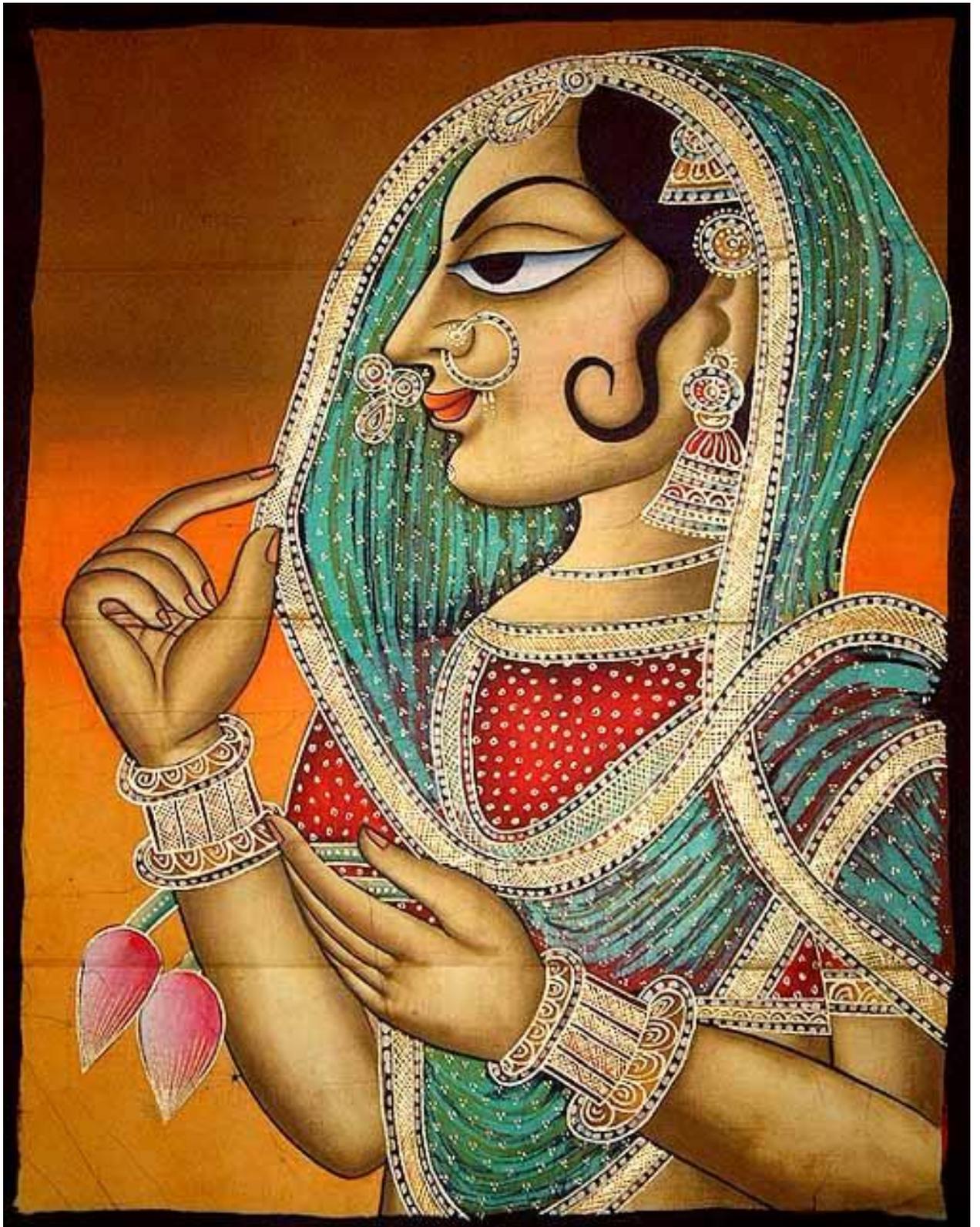
Эти длинные волосы, украшенные чампакой и прочими цветами,
Блистают словно браслет канкана иль радуга на фоне недавно возникших
облаков. (79)

После омовения из трёх прядей заплетённая коса
Сияет вместе с твоим браслетом канкана,
Точно помраченье змей,
Точно светоч Манданы-владыки. (80)

Прекрасные, словно белый лотос,
И великолепно убранные волосы девы
Напоминают колчан Манматхи,
Полный стрел, чьи наконечники в крови. (81)

В ниспадающих на грудь и надушенных благовониями
Распущенных девичьих волосах, украшенных жасмином,
Кама, весною изнуренный,
Снова обретает силы. (82)

И даже если есть стыд в их сердце,
То, без сомнения, завидев петли-волосы
Тех юных дев,
Оставляют заботу о потомстве оленихи. (83)

Женщина согнутые пальцы-побеги в волосы запускает,
С мыслью поднять их и заплести в узел, глядя рассеянным взором,
И когда она руки поднимает вверх, с груди её китайский шелк спадает
И она, от стыда подмышками грудь сжимая, связывает спутанные волосы
свои. (84)

Коса газелеокой блистала,
Покоясь на упругих, полных и округлых грудях,
Подобно огромной змее,
Стережущей золотые сосуды с амритой. (85)

Посрамленные великолепной толстой косою этой девы
От стыда павлины и олени в лес удалились. (87)
Таково в великой поэме «Кама-самуха» описание волос.

Теперь описание лба.

Её подруги покрыли
Её чело рисунками сандалом,
И бледный цвет чела выглядит
Словно повязка на ране от стрел бога любви. (88)

О дева, линия тилака на челе твоём
Блестит словно стрела
На натянутом луке бровей,
И я не знаю, кого она поразит. (89)

О дева, тилак на лоб
Мускусом не наноси, не наноси,
Иначе, увидев твоё лицо с пятнышком,
Раху проглотит его по ошибке. (90)

Тилак на лбу её, нанесенный меж двух изогнутых бровей
Сияет словно стрела на луке Смары,
После завоевания двух миров
Готового к вторжению на небеса. (91)

Тилак, нанесенный мускусом
Из пупков оленьих, сверкает словно чудо,
Порождая гордыню у юных красавиц
И страх у слуг, словно в бедствиях меч государев. (92)

Сандал на твоём челе – лунный свет,
И точка тилака блестит,
О дева, подобно Луне.
В океан бурной страсти
Она ввергает мужские сердца
И белые лотосы заставляет раскрыться. (93)
Таково в великой поэме «Кама-самуха» описание лба.

Теперь описание бровей и глаз.

Ее дивные длинные брови
Словно нарисованы прутиком сурьюмою,
При виде этих бровей, в игре искусных,
Бестелесный свой великолепный лук
Выронил из рук. (94)

Пораженные стрелами
Их кокетливых взоров
Вне себя от страсти мужчины
Чей рассудок вор Смара похитил. (95)

Эти брови – лук Владельца пяти стрел
Для завоеванья мира,
А высокий нос подобен трубке,
Чтоб дротики страсти пускать. (96)

Показывающие темный лотос зрачков,
Извергающие слёзы,
Подведенные сурьюмою её очи,
Несчастную трысогузку гордости лишили. (97)

Сожжённный Пинакином
Кама в темный пепел обратился,
Поэтому женщины
Сурьюмою глаза подводят. (98)

Пока прекрасноликая бровями-лианами играет,
Стрелы её кокетливых взоров пронзают сердце моё. (99)

До тех пор на верном пути находится мужчина,
До тех пор он чувствами владеет,
Испытывает стыд и скромн,
Пока острые стрелы взоров игривых красавиц
Оперенные темными ресницами и выпущенные из лука бровей,
Натянутого до ушей, его сердце не поразят. (100)

Изнуряет тело, сотрясает разум, вызывает жар
И обморок взор её, подобный яду. (101)

Газелеokie, свои глаза сурьюмой подведя,
При виде глаз горожанина стыд испытали. (102)

О юная простушка, лук необычен твой,
Из него ты поражаешь сердца не стрелами, а только тетивой. (103)

До тех пор в сердцах людей достойных
Блещет светоч чистого различенья,
Пока не поразят их игривые взоры
Газелеоких женщин. (104)

Острыми стрелами-взорами,
Выпущенными из упругого лука бровей-лиан женщин
Лучником Дельфинознаменным
Пораженный, чей олень-сердце жертвой не падет, увы! (105)

Глаза, ведающие о прошлых жизнях,
Милого от немилото отличают,
Они открываются, милого приметив,
И смыкаются при виде супостата. (106)

Блестящие, ясные, зардевшиеся и искоса смотрящие –
Таковы четыре вида глаз. (107)

Блестящие при встрече с другом,
Ясные при виде сына,
Смотрящие искоса – в обществе любимой,
Зардевшиеся – при приближении врага. (108)

Хотя при старших от стыда она глаза отводит постоянно,
Однако желание узреть лицо любимого движет ими словно незримой силой.
(109)

Одно тяжкое порочное деянье
Свершается в этом городе благочестивых,
Копья взоров красавиц,
Чьи очи, как белые лотосы, юношей поражают. (110)

Повеленья женщины с красивыми бровями
Дельфинознаменный исполняет,
Ибо на кого она укажет взором,
В том любовь и зародиться. (111)

О дева, не подводи сурьюю очи,
Сбивающие спесь с газели,
Ведь даже и без яда
Цель поразит стрела. (112)

Напрасно жизнь прошла того мужчины,
Кто усладу не нашел
В огромных и радостных очах любимой,
Глядящих в душу и сурьюмою подведенных. (113)
Таково в великой поэме «Кама-самуха» описание глаз.

Теперь описание носа.
Желает Кама свои старые стрелы разметать,
Используя новое оружие,
Поэтому её нос выглядит
Словно перевернутый колчан. (114)

Даже полная нектара, обречена Луна исчезнуть,
Но подобно жемчужному украшенью на носу
Она словно пьет лица амриту,
Чьим взором был Бестелесный к жизни возвращен. (115)

Ее нос выглядит словно цветок сезама,
К брахманам, гуру и богам всегда почтительна она,
Златокожая, как цветок чампаки,
Прекрасная, как кувалаи лепесток,
Подобна распустившемуся бутону лотоса
Эта женщина иль зонту Камы. (116)

Некий ученый муж сказал,
Что нос её подобен цветку сезама иль клюву попугая,
Но среди цветов и попугаев
Не отыскать красой подобного её ланитам и очам. (117)
Таково описание носа.

Теперь описание губ.
Подобные тени дерева
На тропе в пустыне
Эти твои уста, о дева,
Чье сердце не заставят
Томиться жаждой? (118)

Нужно лишь немного красной краски,
И красавицей при помощи уст завоеван мир. (119)

Сладости уст, подобных бимбы плодам,
Еще не отведал влюбленный,
Разве не подобен скотине тот,
Кто не вкусил нектар, что женщиной зовётся? (120)

—О дева, что за черное пятнышко у тебя на устах?
—Это любимый, испивая остатки нектара с уст моих, поставил печать. (121)

В три места Творец нектар поместил:
В уста почтенных женщин,
В стихи добрых поэтов
И в мелодичное звучание лютни. (122)

Царапина на устах царицы,
Подобных бимбе, блестит,
Как если бы её супруг,
Испив нектар, отметину поставил. (123)

Повреждения на любом сокровище
Его ценности лишают,
Но уста-сокровища любимой с ранкой
Становятся безмерно дорогими. (124)

Как мудрые могут говорить
О подобии уст и коралла,
Когда уста твои нежны
И влагой покрыты? (125)

О газелеокая, это не следы
От зубов любимого на твоих устах,
Это сделал попугай, подруга,
Приняв твои зубы за зрелые плоды граната. (126)

Иногда даже недостаток
Как отличительное свойство вещи
Достоинству равен,
И так следы от укусов
На устах-лепестках молодежи
Становятся украшением. (127)
Таково описание губ.

Теперь описание зубов.
Улыбаясь, показывает ли она свои зубы во рту,
Или это ряд жемчугов,
Иль чакоры, питающиеся лучами восходящей Луны её лица,
Или зрелые бутоны граната или кораллы,
Так дева с красивыми зубами своей улыбкой
Юношей в замешательство ввергает. (128)

Ее зубы подобны диамантам
Или плодам граната.
В соединении с сияньем уст
Ими вселенная покорена. (129)
Таково описание зубов.

Теперь описание лица.
Подобного чудесному лицу моей любимой
Создать не в силах он,
Хоть до сих пор Хладнолучистый
Свой диск создает и создает и снова разрушает. (130)

Позор стихам того глупого, несчастного поэта,
Кто сравнивает женское лицо с Луной,
Откуда на Луне нахмуренные брови,
Иль смущенье, иль взгляд кокетливый,
Откуда гнев иль милости улыбка? (131)

О счастливица, на твоём теле зримо чудо это,
На умощенном чистым сандалом лице
Два прекрасных ока, что синим лотосам подобны,
Они все виды чувств в любви передают,
И лицо-Луна все большее великолепье обретает. (132)

Блистают лица газелеоких, подобные Луне,
И серьги золотые в их ушах сверкают. (133)

Ясная улыбка сияет на её рдяных устах,
Подобно цветку иль плоду, появившемся на коралловом древе. (134)

Не слышно и не видно,
Чтоб лотос на лотосе вырос,
Но, о юная простушка, на лотосе-лице твоём
Два синих лотоса возникли. (135)

Уста, что не пели сладостных песней,
Что не молвили слов на санскрите,
Что лицо милой не целовали,
Те уста дыра лишь только. (136)

Лицо можно с Луной сравнить,
Если без пятен она,
Но с чем сравнится
Очарованье женских глаз? (137)

Кто сможет забыть лицо любимой
В конце любовных наслаждений,
С едва открытыми очами,
С изогнутыми бровями,
Зубами покусывающую нежные уста,
Лепечущую: «Нет, не надо!»
И с бледными ланитами,
Увлажненными каплями пота? (138)

Мужчина, который не наслаждался лицом любимой,
Благоухающим камфорой и гвоздикой,
С устами, красными от бетеля,
Напрасно жизнь того прошла. (139)
Таково описание лица.

Теперь описание шеи.
Жемчужное ожерелье на шее красавицы
Своей округлостью её грудь напоминает,
Они подчеркивают великолепие друг друга,
Взаимно служа украшением и тем, что украшают. (140)

Рядом с этой мило лепечущей девой
Как кукушка может зваться сладкоголосой?
Голос девы нежности от рождения полон,
А кукушка лишь только весною кукует в лесу. (141)

Шея этой пылкой красавицы
Прекрасна в сочетанье с грудью упругой,
Не иначе бог любви избрал их обителью своею
С ожерельем из звезд. (142)
Таково описание шеи.

Теперь описание рук и пальцев.
Откуда это несравненное действие
Нежных рук любимой:
Когда они обнимают за шею,
То наполняют дыханьем жизни,
А когда разжимают объятья,
Ввергают в погибель. (143)

Прекрасны руки этой женщины-лотоса,
Подобные лотоса стеблям.
Своими очаровательными жестами
Она ввергнет в смущенье даже сердце гордеца. (144)

Ладони уместно с лотосом сравнить,
Чье божество является в украшениях на пальцах. (145)

О дева, твои нежные руки-лианы
Подобны банана стволу.
Мужчин обнимая за шею,
Сердцу они даруют прохладу. (146)

Ее руки нежнее, чем шириши цветы, так думаю я.
Но Дельфинознаменный, даже потерпев поражение,
Ими Хару за шею схватил. (147)

Мужчина, который не наслаждался
Руками девы, что в украшениях
И умащены мускусом, камфорой и шафраном,
Напрасно жизнь того прошла. (148)
Таково описание рук.

Теперь обращаемся к теме груди.
Поклонение персям газелеокой,
Подобно Шанкаре, саморожденным,
Сандалом умощенным,
Пребывающим близ сердца,
Несущим на себе отметины
Полумесяцев-ногтей. (149)

Трутся об друга
Пышные белые перси лотосоокой,
Так что даже лотоса волокно
Не пройдет меж ними. (150)

Жемчужное ожерелье с её высоких персей
Спадает, точно Ганга с гор,
И сияющий ряд волосков, молодые синие лотосы напоминая,
Подобно Каушики сливается с ним воедино.
И считая место их слиянья чистотой тиртхой,
Месяц ради избавленья от пятна
Совершает омовенье там, украдкой ставя отметины ногтей. (152)

Канчука, вытканная при помощи иголки,
Находит покой и радость
Лишь на достойных восхваленья
Округлых грудях прекраснобровых женщин.
Разве не попадет в рай мужчина,
Пронзенный острыми стрелами на поле любовной брани,
Когда к нему прильнут эти груди-кувшины? (153)

Пламя светильника,
Что тонкостанная спрячет под подол,
Чтоб защитить его от ветра,
Задрожит при виде великолепия её грудей. (154)

Зря прожил свою жизнь мужчина,
Который не наслаждался женской грудью
В весеннюю пору,
Когда леса стоят в цвету. (155)

О сердце-путник, не блуждай
В глухом лесу женского тела,
Непроходимом из-за гор грудей;
Там грабитель Смара тебя поджидает. (156)

Поселись на берегу Ганги,
Чья вода прочь грехи уносит,
Иль меж грудей юной девы,
Что похищают сердце. (157)

Чем больше любимый
Живет в её сердце,
Тем больше выпирают перси,
Опасаясь стеснения. (159)

Канчука обрела великолепье
Благодаря золотому ожерелью,
А ожерелье стало красивым,
Соприкасаясь с грудями. (160)

Завидев перси этой тонкостанной девы,
Головою юноша трясет,
Словно отводя взор,
Упавший в промежутке между ними. (161)

Разве это чудо, если пылкая женщина
При помощи грудей завоевала мир,
Ведь даже один, препоясав чресла,
Способен одержать победу, что ж говорить о двух? (162)

Твои перси, о большеокая,
Блистают словно два царя,
Вторгающиеся во владения друг друга,
Не зная перемирья и требуя уплаты дани. (163)

Ее перси высоки, талия тонка,
А бедра тяжелы –
Кого не сведет с ума
Молодое тело девы с очами олененка? (164)

Сгорая от страсти, я касаюсь рукою
Твоей косы-змеи и грудей округлых,
И пью нектар из чаши уст, подобных плодам бимбы,
Трижды, о пылкая, я райское удовольствие вкушаю. (165)

Достоинства мужчин, оцененные ими самими,
Не приносят счастья и благополучья, подобно тому как перси красавиц,
Оцененные и другими, двойное приносят благо,

Поэтому мудрые свои достоинства в расчет не принимают. (166)

Под предлогом, что ветер колышет края ее одежды,
Некая красавица, хитрая и терзаемая страстью,
Выставляет напоказ свои перси-кувшины,
Подобные буграм на голове слоновьей. (167)

О путник, не блуждай по неприступным горам женских грудей,
И не странствуй в чаще волосков, где находится озеро-пуп,
Там притаился сын Мадхусуданы, он вор,
Лишающий мужчин одежды даже днем, а что ж говорить о ночи? (168)

Когда перси растут,
Тогда становятся косыми глаза,
Увы, несправедные, грешные по природе своей
Не в силах вынести возвышенья других. (169)

Даже в зачатке эти перси
Привлекают взоры людские,
Что ж случится, когда они расцветут,
Друг друга стесняя? (170)

Стыд, появившийся с ростом грудей,
Игривостью она побеждает,
И застенчиво с милым
Тонкостанная шутит. (171)

«Отчего, на врага полагаясь,
Ты лицо-Луну свое увлажнила слезами?» –
Так словно вознамерились молвить
Округлые перси красотки. (172)

Словно два золотых сосуда
Для помазания Цветочного владыки,
Словно два диска,
Отражающих блеск жемчужного ожерелья,
Словно два бугра
На голове царя слонов во время течки,
Словно две луковицы со стеблями-руками,
Словно плоды на лиане мнимой,
Несет она два сокровища –
Полные очарованья перси. (173)

Ты нежна, они упруги,
Ты тонка, они полны,
Твое лицо прекрасно, а их сосцы темны,
Вот почему от сердца удалились перси. (174)

Как два плода на дереве юности с отметинами от клюва попугая,
Как бугры на голове слона во время течки, израненные стрекалом,
Как сосуды с амритой, добытые из океана для наслаждения благочестивых,
Так эти перси стройной женщины блистают со свежими следами от ногтей.
(175)

Все, что ни есть упругого в теле,
Нашло прибежище в девичьих грудях,
С мыслью «Мы вниз упадем»
Они отказать не смогли. (176)

Красота, что оказалась избыточной,
Для иных членов тела,
Соединившись в области груди,
В перси обратилась. (177)

Подобно тому как перлы на ожерелье
Служат высоким девичьим грудям,
Промежутки меж стрелами Камы
Очистили сердца владеющих собою. (178)

На тройной стезе трех складок,
На перекрестке грудей женщин с подвижным взором,
Обманывает Мадана-пишача мужа,
Что хоть немного заплутал. (179)

Девушка, носящая канчуку,
Держит перси-плоды
В своих руках-побегах
Словно юношам показывая их размер. (183)

Украшающие область выше пупа,
Блистающие точно Месяц молодой,
Вступившие в пору юности цветущей,
Эти полные перси в канчуке прибежище нашли. (184)

На царской колеснице распространяя блеск и склонившись,
С расцветшим лицом-лотосом странствует газелеокая дева,
Обеими руками пару кокосов держа,
Словно показывая юношам упругость своих грудей. (185)

Зрелая в высшей степени поэзия,
Нарушающая древние устои,
Наиболее чтится среди поэтов.
Подобным образом чаруют
Округлые высокие перси красавицы,
Выпирающие из-под канчуки. (186)

Из всех вещей прелестных наиболее прелестны
Перси красавицы с подвижным взором,
И словно для отвращения дурного глаза
Творец сосцы их пометил сурью. (187)

Владыка дня, Ганеша, Капалин, Капали,
Мурари, Виринчи и прочие боги
При виде этих грудей вниманья полны;
Пусть они всегда вас берегут! (188)

При помощи округлых и полных грудей
Пылкая женщина очаровала троёмирье. (189)

Похитившие блеск золотого ожерелья,
Напоминающие бугры на голове великолепного слона во время течки,
Эти перси молодницы украшены блестящими сосцами,
Пусть они всегда оберегают вас! (191)

Жар страсти иссушил сандаловую пасту
На грудях красавицы милой,
И словно стрелы Цветочнострелого
Глубоко проникли в её сердце,
И лишь оперение осталось. (192)

Лиана растет на горе,
Гора не стоит на лиане,
Но нынче противоположное случилось:
На золотой лиане возникли две горы. (193)

Опасаясь того, чтоб перси не похитили
Великолепье бугров на голове,
Слоны спрятали свой жемчуг,
Прежде носившие его открыто. (194)

Кувшины белых девичьих грудей,
Которым придали упругость,
Отправляются на огонь гончара,
Что цветочный лук изготовил. (195)

Очами сердца перси
При творении установил Творец,
Но женщины без раздумья
Приспособили их для дела воровства. (196)

Невежды сравнивают их с кривыми буграми
На голове слона, что привлекательности лишены,
И словно из-за этого порока
Груди ясноокой обрели темные сосцы. (197)

Воинскую доблесть грудей женщин с изогнутыми бровями
Даже Творец не в силах описать,
Они не склоняются, даже сжимаемые милым на поле любовной брани
И не выпадают из-под канчуки. (198)

Как описать красоту грудей лотосоокой?
Ты, собирающий дань
С семи материков,
Сам здесь подать платишь. (199)

Чтоб блага пожелать любимому,
Входящему в обитель ее сердца, некая женщина
Жемчужное ожерелье поместила себе на грудь,
Подобно тому как вешают гирлянду на ворота. (200)

О тонкостанная, если ты создана,
Чтобы носить перси-кувшины,
То отчего кувшины ты носишь на голове,
Которую надлежит украшать цветами,
О женщина с вьющимися волосами? (201)

Правильно, о дева, что наружу ты выставила округлые перси,
Ибо ты ведаешь, какая мука это в сердце. (202)

Некая тонкостанная дева
Побудила меня к воздержанью,
И я не знаю, что сделают со мною
Её высокие перси. (203)

– О прекрасная дева,
Отчего твои перси поникли?
– Потому что, если совершают подкоп,
О глупец, даже горы рушатся вниз. (204)

Высокие и полные перси,
Умашенные черным алоэ
И сияющие благодаря жемчужному ожерелью,
В ком желанье не породят? (205)

Ее перси, подобные сосудам
Для начала торжества в честь Камы,
Прикрытые руками-побегами,
Кого от горестей не избавят? (206)

– Что это за два проросших лотоса, подобных игрушкам царя Манобхавы,
Как они появились на одном стебле ряда блестящих волосков,
Хоть паре этих дисков не сравниться с лицом-Луной,
– Это два бугра на голове слона юности, погрузившегося в воды океана
красоты. (207)

Её перси оберегают упругость,
Хоть за это они и подвергаемы тренью,
Приняв ее, словно нашедшую прибежище,
А ранее изгнанную из всех частей тела. (208)

Похищая чужие сердца,
Поникли перси пылкой красотки,
Кто сможет благо вкушать,
Другим причиняя страданье? (209)

Одна канчука, две груди,
Не подобает их объединенье,
Канчука давит на её груди,
Женщину приводя в волненье. (210)

Необычен огонь, заключенный в округлых грудях страстной женщины,
Издали он опалает тело, а рядом дарует прохладу. (211)

Почиёт любовник, истомленный утехами,
На грудях у любимой своей,
Словно на прохладном каменном ложе,
Омываемом Ганги волнами. (212)

Иногда достоинство становится пороком,
А недостаток обращается во благо,
Так, смиренность – это зло,
А твердость – добродетель в случае груди. (213)

К чему, о дева, талисман носить тебе?
К твоим волосам и грудям руки любимого прикасаться должны. (214)

Упругие и высокие женские перси,
Даже когда они на поле брани любовной
Другим теснимы и без канчуки,
Подобно героям, не отступают. (215)

О сестра канчука, скажи,
Какие епитимьи ты на себя налагала,
И я их да исполню,
Желая жить на склонах этих груди. (216)

Опасаясь стрекала погонщика, пара бугров
На голове слона обратилась в женские перси,
Тем не менее ногти-стрекала их яростно ранят.
Воистину, что начертано на челе, не изменишь. (217)

Высоко вознесшись по воле Судьбы,
Перси, полные достоинств, обрели общество звездного ожерелья,
Происходящего из хорошего рода и ведущего правильный образ жизни,
Но нынче упало оно, из-за того, что перси поникли.
О светолика, отчего печалишься ты,
Кто процветанье обрел, общение с добродетельными оставив? (218)

Что за великое доброе дело,
О канчука, на земле ты совершила?
Под тобою – перси,
А на тебе – жемчужное ожерелье. (219)

О подобии груди плодов бильвы говорят мудрецы,
И поэтому они темные сосцы обрели; даже в возвышении бывает изъян. (220)

Во время любовных утех перси всегда без канчуки,
По воле ветра движется все, и где отыскать единство? (221)

Одна девица к своему любимому, холодному к ней, обняв, прижалась сзади
грудью,
И чувствует, что острые сосцы её пронзили его спину. (222)

Я думаю, что лишь газелеokie покой сулят,
И лишь меж их грудей освобожденье обретешь. (223)

Пройдя сквозь круглое окно,
На теле прекраснорубовой играет лунный свет,
Желая близости трепетных грудей,
Пройдя столь долго, он словно распадается на части. (224)

Женщина то закрывает одеждой
Полные, высокие и упругие перси,
То открывает их, любуясь на отметины ногтей,
Что оставил любимый; эта женщина словно бедняк,
Заполучивший драгоценность. (227)

Истомленный утехами плоти, на натертых шафраном персях любимой,
Подобных буграм на голове слона во время течки,
Возлежа и тело ее обхватив руками, счастливец
Проводит ночь, уловив недолгое время для сна. (228)

Склонившись пред стопами-лотосами среди йогинов пребывающей
Дочери Бхавы, богами, людьми и поэтами чтимой,
И также наставникам почести воздавая,
Творит сведущий Благословенный Ананта в стихах описание груди. (229)
Таково в великой поэме «Кама-самуха» описание груди.

Теперь описание талии.
Даже одного Бали связав,
Хари величье обрёл,
Стройная дева же, три бали имея,
Остаётся смиренной. (230)

На талии девы, обликом подобной жертвеннику,
Имелись три ненаглядных складки,
Словно это лестница ранней юности,
Используемая Камой для восхожденья. (231)

Своей тонкой талией
Она Ганешу посрамила,
А волну её трёх складок узрев,
Творец был очарован. (232)

О, как небрежен был Благословенный Владыка тварей,
Что он создал её тонкостанной и худощавой,
Если ветер на неё подует,
Что ей тогда делать? (233)

Под бременем грудей, в пору юности
Обретших чрезвычайную полноту,
Дева с продолговатыми очами, точно синий лотос,
Очень тонкую талию получила, так думаю я. (234)
Таково описание талии.

Теперь описание линии волосков на животе.
Идя от глубокого пупа, свежий ряд
Черных волосков на животе тонкостанной сиял,
Пересекаясь с поясом,
Словно срединная жемчужина на нём. (235)

Свежий ряд черных волосков
Блестел выше озера ее глубокого пупа,
Словно бутоны шайвалы, выпавшие из клювов
Чакравак-грудей, испугавшихся Луны её лица. (236)

Этот водоворот твоего глубокого пупа, о красавица, блистает,
И вместе со зрачками в нем тонут глаза влюбленных мужчин. (237)

Её глубокий пупок-озеро Брахма сотворил,
А лес волосков на его чистом берегу сам по себе возник. (238)

Чтобы наполнить груди-сосуды
Амритой из пупка-колодца,
Лакшми-юность словно забросила
Веревку в образе ряда волосков. (239)
Таково описание линии волосков на животе.

Теперь описание лона.
О йони, здесь обожди,
Сюда придем мы,
Словно мучимые самостью,
Когда посох снова отрастет. (240)

Она живет меж обширных и чистых бедер,
С устами, обращенными вниз, в зарослях молодой травы,
Беззубая, она поглощает время,
Пусть богиня, зовущаяся лоном, нас охранит. (241)

Своим единственным зубом змея лона,
Обращенная вниз, ужалила мир,
И против её яда нет ни заклятья, ни лекарства
От Гаруды или Имеющего на знамени Гаруду. (242)

Тот худший из грешников, кто творит грехи
Размером в два кулака и четыре пальца.
Женщины же благословенны благодаря лону,
Которое можно покрыть ладонью. (243)

Мужчина, который не наслаждается
Тремя складками и глубоким пупом под ними,
И бедрами, украшенными пояском,
Меж которых сокрыта тайна, напрасна жизнь того прошла. (244)

С золотым пиппалой, растущим у подножья двух платанов,
Можно сравнить воочию лучшую часть тела газелеокой. (245)

Во вратах лона находится место,
Подобное большому листу пиппалы,
И поцелуй сюда, вершина всех удовольствий,
Как говорят, снимает страсти жар. (246)

Посредине меж гладких бедер
Блистают волшебные чертоги Смары,
Дарующие прохладу как у подножия платана
И напоминающие золотой ашваттхи лист. (247)

Что может лучше её лоно скрыть,
Чем лист ашваттхи,
Иначе отчего она дрожит от страха,
Когда нечто иное ее лоно покрывает. (248)

Вокруг лона женщины из Бенгалии
Блестели молодые волоски,
Словно зерна сезама, помещенные Творцом
В золотую раковину для насыщения Маданы. (249)

Подобный листу ашваттхи, цветом напоминающий
Красный сахарный тростник, пустынников забаву,
Сравнимый с копытцем газели, о стройная,
Этот твой град Маданы все одолевает. (250)

–О дева, что это, чарующее и приносящее счастье, заметно меж бедер твоих?
Что это, привлекающее в тебя влюбленных, блистает посередине?

–Это жертвенный столб. –Кого? –Манобхавы.

–Нечист он?

–За сезамовые зерна, преподносимые влюблёнными в меня, я даже дарую награду, как подобает, такую, что и Брахма не в силах описать. (251)

Таково описание лона.

Теперь описание ягодиц.

При виде пышных ягодиц лотосоокой, омовенье совершившей,
Её подруги в своих мыслях обратились в мужчин. (252)

Тонкостанные любят носить разноцветную одежду,
И их поясицу всегда кушак украшает. (253)

Таково описание ягодиц.

Теперь описание ног и бедёр.

Даже достигшие состоянья зрелости

Её бедра нельзя сравнить

Ни с хоботом царя слонов из-за грубости слоновьей кожи,

Ни со совершенно холодным стволом банана. (255)

Стволу банана с женскими ногами не сравниться никогда,
По природе холоден он, поэтому здесь нету сходства. (256)

Бедра прекрасной женщины
Посрамили слоновой хобот,
Поэтому слоны, мучимые великим горем,
Глубоко вздыхают. (257)

Таково описание ног и бедер.

Теперь описание стоп и пальцев.

Разбрызгивая красный лак

С блестящих ногтей больших пальцев на ногах,

Её стопы словно усеяли землю

Лотосами, растущими на суше. (258)

Их ноги, украшенные нупурами,
Были созданы Творцом,
И, кажется, что они похитили
Чарующую походку гуся. (259)

Юная прелестница блистает,
Разжигая огонь вожделенья,
И мельканье её стоп
Побуждает пьянеть от желанья. (260)

Стопами, подобными лотосам рдяным,
Пальцами, на которых блистают кольца из золота,
И потоками слёз
Женщины очаровывают мудрецов. (261)

Вступив в молодые лета,
Гордая дева похищает слоновью походку,
А затем звоном нупур
Сбивает с толку царских гусей. (262)

Словно играючи, ступает прелестница
Слоновьей походкой
И, блистая сияньем ногтей,
Как будто преподносит цветы богине-земле. (263)

Великолепен ряд ногтей
На ногах прекраснобровой,
Они словно жемчужное ожерелье,
Явившееся из океана красоты. (264)

Самое чарующее среди всех чарующих сказаний,
Дарующее усладу добрым людям, томимым страстью,
Описание красавицы с головы до пят
Ананта сотворил. (265)
Таково описание стоп и пальцев.

Теперь описание всего женского тела.
Один лишь мимолетный взор
Её чарующих очей,
Подобных кувалаи лепестками,
Способен осчастливить.
Что ж говорить о страстных,
Подобных амрите объятых? (268)

Разве не об их красоте, счастливых признаках
И благополучии мудрые говорят?
В своих нарядах все они
Сердца даже йогинов похищают. (269)

Под бременем груди и бедер
Медленно-медленно шествует она,
Ловко упражняясь здесь
В похищении сердец молодых людей. (270)

Дуновеньем от края их одежд
Светильник отправляется в нирвану.
Так отчего же, побывавши в их объятьях,
В ад попадёт мужчина? (271)

Меж добродетельными и лишенными достоинств
Великая разница зрима,
Жемчужное ожерелье украшает женскую шею,
А нупуры – ноги. (272)

О мать, тело моё стало неуклюжим,
Лианы-брови изогнулись,
Сердце наполнилось боязнью,
Взор стал непостоянным,
На груди две округлости появились,
Ягодицы тяжесть обрели,
Талия куда-то исчезла,
А ноги лишились быстроты. (273)

Стойкость всегда сохраняй
В своем сердце, о дева, не бойся,
Такая неуклюжесть поражает женщин,
Когда юность детству приходит на смену,
Лекарство ведающий, умеющий нужное прописать
При благих и дурных симптомах
Врач – твой муж, в этих делах искусный,
Ему свое тело покажи. (274)

Лицо её Луне подобно-добно,
Перси полны и упруги-пруги,
И в бедрах она широка-рока,
О, сколь прекрасна эта молодлица-дица! (275)

Благодаря питью нектара с уст уходит питта,
С прикосновением к груди вата исчезает,
Постоянное соитие от капхи избавляет,
Женское тело это лекарство от трёх видов болезней. (276)

–Куда собрался ты, о брат? –В дом врачевателя.
–Зачем? –Там исцеленье от болезней.
–Разве в твоём доме нет любящей жены, которая способна вылечить от всех недугов?
Вата уйдет благодаря сжиманию её груди, питта – с питьем амриты с её уст,
Шлешма – благодаря усталости, порожденной упражнением в соитие. (277)

Эти твои губы, о дорогая, плод амалаки,
Две груди – хитавасти и вибхитаки,
А обитель Маданы – плод харитаки,
От недугов трех видов исцеляет три этих плода. (278)

–О царь врачей, скажи, какое лучшее лекарство
От множества стрел кокетливых взоров этой стройной девы?
–Предписано пить мёд с её уст
И накладывать повязку рук на её округлые перси. (279)

–О врач, скажи, каково лекарство для мужчин,
Сжигаемых кокетливыми взорами тонкостанной девы?
–Крепкие объятия – целительная пища,
А поцелуй в губы – отвар лечебный. (280)

Дева несет косу на своей груди,
Красой подобную хвосту павлина,
Шелковая одежда после купания
Прилипла к её грудям.
Кто обнимет и поцелует эту деву,
Прекраснолицую и тонкостанную, с прерывистым дыханьем,
Тот вкусит нектар, ради которого глупые боги,
Старанье прилагая, вспахтали океан. (281)

Ее ладони можно по ошибке принять за цветы мадхуки,
Очи – за синие лотосы, губы – за бандхуку,
На косу её, восхищающей родичей, садятся пчелы, томимые желаньем,
Которых трудно отогнать. Сколь много мест, о молодлица, от них ты бережешь. (282)

Появление трясогузки на диске Луны, испускающем холодные лучи,
Ряд зерен граната в расцветшем лотоса бутоне,
И пара плодов малуры на ветке дерева маданаки,
Три этих необыкновенных и дарующих наслаждение вещи вместе сегодня видел я. (283)

Амрита в устах женщин,
А в сердце лишь только халахала-яд,
Вот почему с уст пьют,
А по сердцу кулаками бьют. (284)

Своим миловидным животом Ганешу посрамив,
Своей косою вогнав в стыд змей, а лицом – Луну,
Она вознамерилась мир завоевать,
Напрасно мудрые её зовут бессильной. (285)

Глупы и неверно мыслят поэты,
Которые женщин беспрестанно слабыми величают.
Ведь, бросая свои игривые взоры,
Женщины даже Индру и прочих богов одолели, какие ж слабые они? (286)

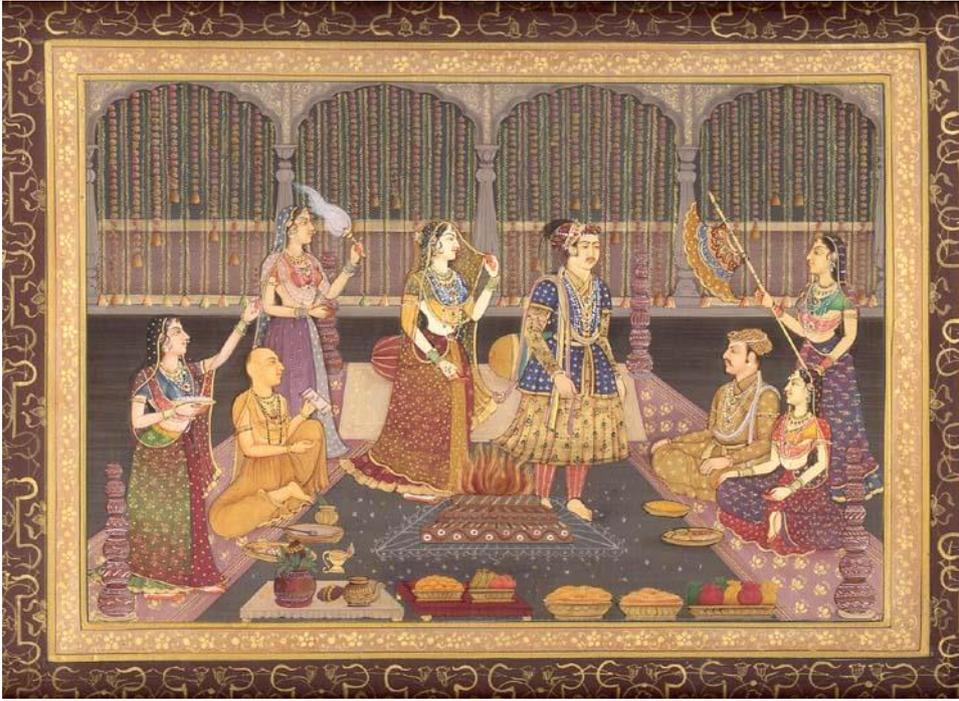
Мудрые говорят, что бесполезны руки, не прикасавшиеся к перьям,
И уши, которым не довелось выслушивать
Хитрых слов посланницы от любимой, лишь дыры только.
И зубы, не искусавшие уста во время любовных забав, камням подобны.
Так разве не скот мужчина, что сладости женщины не вкусил? (288)

С красными, слипающимися от сна глазами,
С телом, покрытым следами от женских ногтей,
Её муж откуда-то возвращается на рассвете домой –
Такую женщину древние поэты прозвали «кхандита». (289)

В холодное время горячо ее тело,
В жару же она холодна точно лед,
Такова по природе нежная дева,
«Шьяма», – мудрые зовут её. (290)

У шьямы смуглое тело,
Шьяме шестнадцать лет,
Шьяма жизнь не давала ребенку,
И у неё сладкий голос. (291)

Воспоминанье о ней рождает страданье,
А лицезренье её сводит с ума,
Прикосновенье к ней опьяняет,
Как может милосердной зваться она? (292)

Из объятий мужа выскользывает, как змея,
И старается быть незаметной,
При виде его дрожит, как испуганная антилопа,
Прикосновений его не терпит,
Так как же новобрачной вынести соитья бремя? (293)

Кого на земле красавица не покорит,
Шафраном покрывающая тело,
Чьи белые перси колышутся в такт ожерелью,
И звон нупур на чьих лотосах-ногах подобен гусиному гоготанью. (294)

С лицом-лунным камнем,
С сапфирами-волосами,
С ногами-рубинами,
Блистая она словно созданная из сокровищ. (295)

В молодые годы даже у обуздавших себя ум неспокоен,
Подобно тому как во время дождей
Прорастают побеги на царской дороге. (296)

Без сока кхадире уста газелеоких не обретают цвет,
А без ожерелья перси привлекательности лишены. (297)

Необычно воинское уменье
Великого духом Манматхи,
Он пронзает сердце,
Нетронутым оставляя тело. (298)

Сладость уст, грудей упругость, взоров острота,
И поэтических творений зрелость ведомы опытным ценителям красот. (299)

Стремящиеся к освобождению пусть всегда предают себя божественной реке,
А страстные пусть наслаждаются пылкой женщиной, игривой во время забав любовных. (300)

О женщина с непостоянным взором,
Ты упражнялась в новом виде воровства,
Даже днем у бодрствующих мужчин
Ты сердце издали похищаешь. (301)

Поклонение Манматхе,
Чья обитель – женщины
С полной и высокой грудью
И походкой, медленной из-за тяжелых бёдер. (302)

Женщина с пышными бёдрами
Одновременно и амрита, и яд.
Для любимых ею она лиана, полная амриты,
А для тех, к кому безразлична – ядовитый побег. (303)

Сначала амрита сладких слов, затем лицо-Луна, а после Лакшми-краса,
Затем Камадук любовных игр, затем слоновья походка, затем зубы-ожерелье жемчугов,
И наконец, из океана тела прекрасной женщины, вспаханного юности горой,
Явился яд ее нежных взоров, что даже Владыка вынести не в силах. (304)

Видя лицо-полную Луну, уста-лианы нектара, зубы-ряды жемчугов,
Шри-красоту, слоновью походку, ощущая благоуханье париджаты и прочих райских деревьев,
Слыша речь-корову желаний, будучи пронзаем потоками стрел кокетливых взоров,
Словно испивая яд калакуту, думаешь, не ради тебя ль, лунолика, боги вспахали молочное море? (305)

Лицо, дразнящее Луну, очи, что над лотосом смеются,
Тело, что ярче золота блестит, локоны, одолевающие черных пчёл,
Перси, ввергшие в смущенье бугры на голове слоновьей, тяжелые бедра,
Мягкие пленительные речи, такие украшения даны девицам от природы.
(306)

Двигается она длинной извилистой походкой,
Словно ядовитая змея,
Синими лотосами блистающая на капюшоне,
Великая, как Гималаи,
Если кого взор ее ужалит,
То мечутся во все стороны врачи в поисках лекарства,
Но для меня, раненного очами той простушки,
Нет ни заклятья, ни иного средства. (307)

Волосы закрывают даже уши, взор пронизателен,
По своей природе белые зубы блистают, хоть они и во рту,
Перси-кувшины постоянно служат жемчужному ожерелью приютом,
О тонкостанная, тело твое хоть и покойно, во мне страсть возбуждает. (308)

Женщины из Саураштры искусны в любви, а маратхки – простушки,
Любвеобильны прелестницы, уроженки Малвы краев, им нравится своей
одеждой блистать,
Гордые своими достоинствами, любят петь светлокожие гуджаратки,
А кашмирки сладкоречивы, женщины этих шести видов сердца юношей
похищают. (309)

Кто не касался тяжелых бедер женщин Карнаты,
Кто гуджаратку в уста не целовал на ложе любви,
Кто даже во сне не обнимал перси-кувшины кашмирки,
Юность бесплодна того, как цветок жасмина в чаще лесной. (310)

Женщины из Карнатаки искусны в любви, женщины Латы всегда наполнены
страстью,
Женщины Чолы имеют длинные волосы и прелестные длинные очи, а
гуджаратки любят богатство,
Жестоки к мужчинам женщины Малвы, а бенгалки очень мудры,
Женщины с востока полногруды и прекраснооки, а южанкам все достоинства
присущи. (311)

Счастлив ты на земле, если род твой высок, как перси маратхки,
Если ты мягкоречив, как женщина Латы, если твой голос глубок, как пупок
женщины Чеди,
Если мудрость твоя широка, как бедра абхирок, и длинна, как чёрные
локоны бенгалок,
Если в бою ты суров, как карнатка на ложе любви, если уста твои сладостны,
как у кашмирки. (312)

Перси свои маратхка не столь открывает, как женщина Андхры,
Но и не прячет так, как гуджаратка.
И смысл слов, наполовину явный и наполовину скрытый,
Отчего-то привлекает, подобно груди женщины из Махараштры. (313)

С лотосом-лицом, руками-лотоса стеблями, наполненная водой игры и
кокетства,
С бедрами, как камнями у тиртхи, с очами-шапфари, с волосами-травой
шайвала,
С персями-чакраваками эта милая женщина подобна пруду,
Что создал Творец для купания тех, кого огненные стрелы опаляют. (314)

Ее лицезреньё похищает сердце,
Прикосновенье к ней уносит силу,
Соитье с ней семени лишает,
Поистине, не женщина, а ракшас. (315)

Тот счастлив мужчина, который делит ложе со своей любимой,
Чья талия словно линия, проведенная кистью,
Чьи руки-лианы – округлые бокалы вина,
С милой головкой, овеваемый ветром дыхания её,
Испив с её уст нектар любви и погрузившись в дремоту. (316)

Коса на голове её шевелится в такт очам, словно она сбивала ею
простоквашу,
Как если б Бестелесный, гордый, что в одиночку мир завоевал,
И в гневе, что от Бхавы поражение потерпел, отбросил лук
И за меч схватившись, с ним упражнялся по утру. (317)

Ее седалище – превосходная колесница, перси – лошади, брови – лук, взоры
– стрелы,
Ее полные бедра и косметика – броня, рдяные губы – знамя,
Звон нупур и колокольчиков на пояске – звуки раковин и дундубхи,
возгласы – рев слоновий,
Ногти и зубы – несравненное оружие пылкой красотки, с ней в битву вступи!
(318)

Описание великой красоты, наполняющей с приходом юности все члены тела
женщин с очами олененка,
Творит Ананта, свою славу как поэта умножая. (319)
Итак, в «Шри-Кама-самухе» закончено описание всех членов тела девицы.

Теперь описание первого соития.

Ту красавицу с прелестными членами
Подруги в дом наслаждений отвели,
Где находился муж,
И когда любимый её склонял к соитию,
Даже её слова, полные упреков,
Были приятны его уху. (320)

Накинув на себя темно-синий покров,
Неся на поясе сапфир,
Словно проглоченная ночью,
Некая девушка с подвижным взором
На свиданье к любимому пошла. (321)

Счастлив тот мужчина,
В чьи уши беспрестанно падают слова:
«О нет, нет, не надо, пусти, пусти меня!»
Слова прекрасных женщин,
Трясущих ладонями и покрытых испариной
От напряженья первого соития. (322)

Когда, целуемая, лицо отвращает, в объятья заключаемая,
Вертится на ложе, дрожит чрезмерно
И бормочет неразборчиво какие-то слова,
Лишь больше сердце радуется супружница младая. (323)

Когда к ней обращаются, ответа не дает,
Уйти желает, повесив верхнюю одежду,
На ложе показывает спину,
Однако мужу мила она. (324)

Опускает очи долу, как только на нее муж посмотрит,
Когда он обращается к ней, она не промолвит ни слова,
На ложе лежит, от него отвернувшись,
Дрожит, когда он силой обнимет её,
Стремится из дома исчезнуть,
Когда уходят подруги,
Пусть новобрачная свершает все наперекор
Желаньям мужа, но все же она радуется ему. (325)

Девочка худенькая, и нежно её тело –
Об этом ты не беспокойся.
Посмотри, как большая черная пчела
Наслаждается цветка бутоном.
Поэтому в уединенном месте безжалостно её терзай.
Ведь стебель сахарного тростника
Сока не дает, если мягко на него давить. (326)

Мужчинам не по нраву чересчур юные жены –
Услышав такие слова от подруги, она считает их правдой.
Но позже разнообразными соитьями, объятьями и поцелуями
Снова и снова в первый день безжалостно она мучима. (327)

Когда муж яростно шелковую одежду срывает с плеч,
Она руками прикрывает груди,
А когда ткань стягивает с бедер, сжимает ноги.
Когда он взор устремляет на место ниже её пупка,
Она, от стыда согнувшись, стремится задуть светильник,
И лотосом, вынутым из уха, гасит дрожащее пламя. (328)

Нежно-нежно обнимает новобрачная мужа,
Словно опасаясь сломать банановую пальму любви,
Проросшую в её сердце. (329)

Кто со страстью целовал гордячку,
Трущую в дрожи ладонью искусанные губы-побеги,
Гневно восклицающую: «Нет, нет,
Пусти, о злодей!», изгибая брови-лианы,
Моргая глазами и прерывисто дыша,
Тот заполучил амриту, ради которой
Глупые боги вспахтали океан. (330)

Несколько дней любимая
Кое-как неподвижной оставалась во время соитья,
А затем, постепенно распробовав вкус наслаждения,
Оставила привычку страдать. (331)

Когда он целовал,
Она отвращала лицо,
Когда развязывал пояс,
Держала его руки.
Но даже желанье воспрепятствовать
С её стороны
Становилось в нем
Растопкою для страсти. (332)

Видя, что на исходе ночь,
А тонкостанная, покидающая дом услад,
До конца не насытилась
Множеством поцелуев и тесных объятий,
Что он ей подарил,
Одну ногу поставив на землю,
А другую на ложе,
Муж любимую к себе лицом повернул
И долго поцелуями её осыпал. (333)

«Прекрати, о господин, оставь мою одежду,
Задуй светильник, подруги рядом», –
Больше даже чем соитье, эти слова новобрачной
Мужу радости приносят. (334)

Для вида хватается за руки,
Бранится, а сама сладостно улыбается в душе,
Притворно плачет, а глаза сухие,
Так юная жена скрывает удовольствие от мужа. (335)

Прерывистое дыханье, мольбы о пощаде,
Сладкие слова без смысла
И смех как украшение –
Так молодница следует наставленьям «Камасутры». (336)

Он ласково обращается с девицей,
Недавно к нему приведенной,
Как если бы она была новобрачной,
Опасаясь, что от страха она внезапно его покинет. (337)

Вкусив сладость уст девицы,
В этом лесу счастливо спал твой муж,
Положив голову меж её грудей,
Он, пылкий, словно пил нектар с уст-побегов любимой. (338)

Придерживая левой рукой
Благоухающие цветами волосы густые,
Волоча развязавшийся пояс
И спавшую верхнюю одежду после утех любви,
Выплывывая бетель, с растрёпанным лицом,
Оставив плотские забавы, она вышла из пещеры,
Во власти Маданы пребывающая,
Разрешение у любимого испросив. (339)

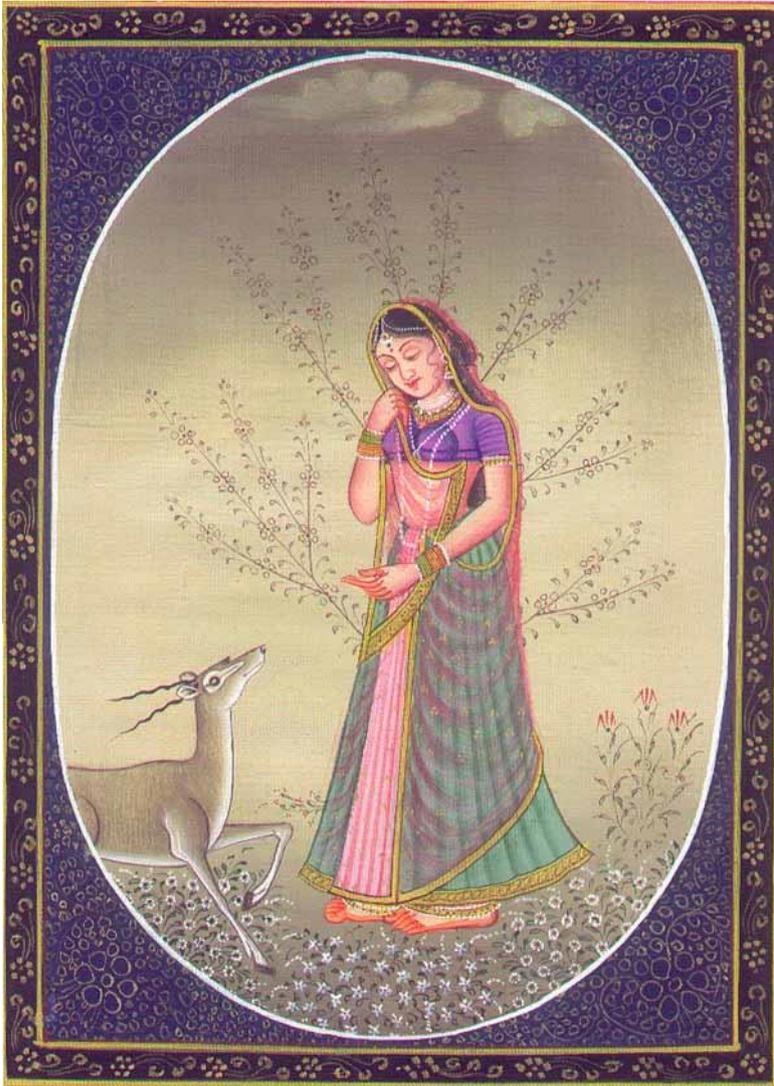
Пожилой горожанин, благословенный Ананта, Манданы сын,
Лучший среди всех врачей, о соитии пишет. (340)
Таково описание первого соития.

Теперь описание ухода мужа.
«Даже хотя я желал каждый день предаваться
Различным видам любовных утех,
По делу придется отправиться
В другую деревню,
Что много выгод сулит», –
Такое намеренье юноша принял. (341)

Когда любимый муж обмолвился
Как-то о своем уходе,
Она, покорная, миг терзалась
Предчувствием разлуки,
Но затем простушка взглянула на него
И, в объятья заключив, спросила:
«Когда уйдёшь ты?», радости полна. (342)

«Далеко, о красавица, ты от города отошла,
Вот уж древо ашваттха, домой возвращайся», –
Нежно промолвил он любимой жене,
Но вид канчуки, обнимающей
Тесным объятьем её полные округлые перси,
И слезы, льющиеся из её очей на грудь, его уход прервали. (343)

Мою руку силою отстранив,
Ты ушел, но я не удивляюсь,
Если же сердце мое ты покинешь,
Вот это я мужеством назову. (344)

Вспоминай обо мне, хоть я был бездумно жестко и достоинств лишен,
Находясь в далеких краях, пусть всегда я буду жить в мыслях твоих.
Как в светильник подливают масло, чтоб не иссякало оно,
Так и ты светильник нашей любви береги. (345)

Не ведали мы счета дням, прошедшим в радостях и шутках,
И время прошло, подобно тому как вода утекает меж пальцев,
Сегодня ж окончено дело, и поэтому я ухожу.
Поминай меня добрым словом, хоть я и достоинств лишен. (346)

Вспоминай меня, дорогой,
Я ж тебя вспоминать не могу.
Память в сердце хранится,
А ты мое сердце с собою забрал. (347)

Если ты уходишь, дорогой, ступай,
Тебе желаю я доброго пути.
И пусть мое рождение будет там,
Где снова вместе будем мы. (348)

Я вынесу разлуку, господин,
Дай мне сурьму для глаз.
Меня, подведшую глаза,
Не сможет поразить Кандарпа. (349)

В сердце газелеокой пылал огонь Манматхи,
И ее любовь была подобная чуду. (350)

Желаю доброго пути,
Желаю новой скорой встречи,
Исполни то, что хочешь,
И вспомни в должный срок обо мне. (351)

Если скажу «не ходи», то это не сулит добра,
Если скажу «ступай», то это от отсутствия любви,
Если скажу «оставайся», то это властно звучит,
Если скажу «делай, как хочешь», то это знак безразличья,
Если скажу: «жить без тебя не могу»,
То эти слова подходят иль нет.
Поэтому научи, о господин,
Что должно сказать, когда ты отправишься в путь. (352)

Одежду на палец не мотает,
Свои руки не кладёт на дверь,
Не падает в ноги ему,
Не умоляет: «Останься!»
Но только в то время как небо закрыли облака,
Муж-злодей собрался уйти,
Но ему помешала река
Из потоков слез его тонкостанной. (353)

–О дорогая, проведи несколько дней, закрыв глаза.
–Счастье тебе, глаза я закрываю, чтобы было пустым пространство.
–Я приду. –Ты вернешься с удачей друзей.
–Дай мне указанье, кому в тиртхах ты хочешь совершить возлияние воды.
(354)

– Не забывай меня, лотосоликая, –
Просит твой любимый.
– Да будет так, о господин,
Если способность помнить прошлые жизни будет у меня.
– Зачем в одном рожденье, в котором мы знакомы,
Память о прошедших воплощениях?
– Моя жизнь с тобою, о путник, уйдет,
И с тех пор другое воплощение начнется. (355)

«О дева, чьи руки нежны, как стебель лотоса,
Чьи локоны подобно рою опьяненных чёрных пчёл,
С игривым, милым и подвижным взором,
О тонкостанная, я ухожу».
Услышав это, она стала запинаться, ее лицо,
Подобное полной Луне, и уста, точно бимбы плоды,
Покрыли потоки слез, она вздохнула тяжело и лишилась чувств. (356)

Мечется взад и вперед,
Садится на воду,
Собирает побег лотосов,
Крыльями трясет,
Как безумный, кружит,
Крякает и кричит
Ночью самец чакраваки,
Мучимый разлукой с любимой. (357)

Пусть уходит, пусть уходит,
К чему ему оставаться,
Отпусти, отпусти, подруга,
И почестей не воздавай.
Опьяненная благоуханьем
Цветов жасмина
Нигде в другом месте
Радости не найдет пчела. (358)

Хотя повсюду есть озера,
На которых лотосы цветут,
Сердце гуся ни одно не радуется,
Кроме как озеро Манаса. (359)

Сыном Нараяны был благочестивый советник,
Брахман по имени Мандана,
Его сын с радостью описал состоянье женщины,
когда её любимый отправился в путь. (360)
Таково описание ухода любимого.

Теперь описание путника.

О крадущая сердца, удержи грозные стрелы
Кокетливых и подвижных взоров.
Достойным людям не подобает умерщвлять меня,
Уже сражённого стрелою Манобхавы. (361)

О простушка, что дороже мне собственный жизни,
Не подобает тебе гнев являть.
Какое время рыба выдержит без воды? (362)

О путник, не спеши, постой на мгновенье, приятное тебе я скажу,
Трудна эта часть пути, друже, и левой стороной ты не ходи,
Там впереди под деревом стоит женщина-простушка, стерегущая колодец.
В ее очи-силки угодив, ты в великую попадешь беду. (363)

Отчего ты глядишь на меня
Чарующим взором, поставив кувшин на бедро?
О лотосоокая, на другого смотри,
Женщины с кувшином на бедре мне не по нраву. (364)

«Я ухожу», – повторил пять раз владыка её сердца, и украшения из раковин
С её рук-лотосов тотчас же спадали одно за другим.
«Я не уйду», – как только тонкостанная услышала эти слова,
Оставшиеся украшения сломались, издавая звук: «чат, чат». (366)

О книга, на которой отметины ногтей,
Ты мой заклятый враг,
Потому что я покинута этим скотом,
Чей ум неподвижно в тебя погружён. (367)

В мучительный летний полдень,
Когда на дороге стоит жара,
В прохладной, обильной листвою роще
Ты, о путник, отдохни.
Я одинока, ты юн,
И нет никого у источника живительной влаги,
Стыд мой ушел прочь, ты искусен,
Знай, что пришло подходящее время! (368)

– Чей это, о молодлица, источник воды? Наш, о путник.
– Что пьют из него? – Паяс.
– Коровы иль буйволицы? – Вара, о путник. – Как вторник?
– Понедельник или суббота, не воскресенье, – Сказать я не могу,
О дорогой путник, о господин, со сложенными ладонями прошу, что хочешь,
то и пей. (369)

Путник сказал:

Мудрецы тратят время на поэзию и изучение наук,
А глупые его проводят, предаваясь порокам, сну и ссорам. (370)

О путник-книгоноша, на миг остановись,
Ты врач или ученый звездочёт?
Какое лекарство исцелит мою мать от куриной слепоты?
Или вернется ли мой муж, долго живущий на чужбине? (371)

Дверь отвари, о большеокая,
Кандарпа, мой недруг, мне причиняет боль.
Его стрелами раненный,
Я у тебя, о лунолика, прибежище нашёл. (372)

Бодрствуют люди, светильник горит,
Подруги с любопытством смотрят,
Час терпения имей, о дорогой,
Кто, проголодавшись, ест двумя руками? (373)

О женщина с очами, красивыми, как трясогузки,
Если из-за тебя мне суждено головы лишиться, пусть так и будет,
Ведь Равана из-за дочери Джанаки
Десять голов своих потерял. (374)

Я не жаден, о женщина с игривым взором,
Так отчего краем одежды ты прикрываешь полные перси?
Знай, что гуси, живущие на озере Манаса,
Лакомятся стеблями лотосов постоянно. (375)

Крепко схватив его в гневе петлею нежных рук-лиан,
Жена ведет вечером мужа домой на глазах у подруг,
Рыдая, она его лупит и приговаривает мягко: «Еще раз так!»
Указывая на дурной поступок, а он, спотыкаясь,
Все отрицает и улыбается, довольный. (376)

– Чья ты, о девица, и где хозяин дома, скажи!
– Сама я по себе, свободна я.
– Ты опьянена желаньем?
– Если меня крепко обнимешь ты.
Но я презренная прачка.
– Нет, нет, о милая, твоя каста высока!
Благодаря прикосновенью чьих рук, ответь,
Подруга, одежда очищается от грязи? (377)

Блестящий, как движенье твоих очей,
Такой, который можно обхватить ладонью подобно талии твоей,
К которому можно устами приложиться,
Словно к твоим грудям-сосудам,
Подобно сердцу твоему рождающий неистовую страсть,
Желанный, как облик твой,
И сладостный, как твои уста,
Такой, о молодлица, мне бетель принеси! (378)

Под видом перемолки бобовых зерен
Газелеокая изучает особый вид любовных игр,
Страдая в разлуке со своим мужем-божеством,
Она словно упражняется в забытом искусстве наслажденья. (379)

Ночью при звуке непрерывного стука капель дождевых из тучи,
Путник, горестно вздыхая, со слезами на глазах,
Долго вспоминал покинутую юную жену,
А затем рыдал во все горло до утра,
Так что отныне сельчане запретили
Странникам останавливаться в своей деревне. (380)

Когда услышал о девице, получаешь три крора,
В беседу вступи – один лакх,
Прикоснулся – пять тысяч,
Двумя руками обнял – тысячи три,
Поцеловал очи, перси, уста –
Считается, обретаешь полтора,
А соединился с газелеокой –
Удостаиваешься стоимости гунджи. (381)

Следы красного лака на лбу,
Отпечатки браслетов кеюра на шее,
Лицо, вымазанное черной сурью,
Глаза, подобные бетелю цветом,
И лотос-игрушку на животе –
Увидев эти вызывающие её гнев
Украшенья на теле супруга поутру,
Газелеокая вздыхала долго-долго. (382)

Зачем, подойдя, меня ты дерзко
Силой целуешь, где стыд твой?
Край одежды отпусти, отпусти, злодей,
К чему клятвы и обещанья, обманщик?
Мне плохо, всю ночь не смыкала я глаз,
К новой зазнобе возвращайся!
Какая радость пчеле в выкинутой гирлянде цветов,
Служившей подношеньем божеству? (383)

В дом свиданий, указанный любимым,
Отправив посланницу, затем она сама этот дом нашла пустым
И долгое время прождав, прекрасноокая утратила надежду.
Возвращаясь назад, непрерывно она рыдала,
Густой сурью, смытою слезами,
Словно надпись на земле чертя, указывающую на место ожиданья. (384)

Руками-лотосами вырывая прочь цветы из гирлянды,
Что ее волосы украшают,
Выкидывая жемчужины с ожерелья на шее,
Словно сбрасывая одно бремя за другим,
Жажда с тобою встречи,
Тяжесть своих бедер тонкостанная в пути постоянно бранит. (385)

Пути добродетели гордо следуют праведные люди,
Они усилья прилагают,
Всегда опасаясь услышать упрек от других,
Свершают то, что трудновыполнимо,
Но не таков обычный человек,
Его, невежду, не волнуют ни добро, ни зло,
Он счастлив, не ведая различий
Меж должным и недолжным. (386)

О дорогая подруга, мускус разотри
И принеси сюда сандал,
Сплети цветочные гирлянды
И приготовь ложе для забав любовных.
Ибо придет мой супруг,
Единственно достойный моей любви.
Ты знаешь, он любит
Восточные леса и горы. (387)

Отчего в очах твоих сверкает уязвленная гордыня?
Такие синие лотосы есть во всех озёрах. (388)

Покачивая бедрами,
Она медленно уходит прочь,
Хотя в другое место направлялась,
На мое сердце ногою наступила. (389)

С восходом Солнца окончен её сон,
Подруги столпились у дверей,
И новобрачная выскользнула
Из ослабевших объятий рук, подобных змеям. (390)

Взойдя и рассеивая тьму,
Отгоняя прочь сонливость,
Побуждая начать дела,
От неторопливости избавляя,
Блестит лучезарное светило. (391)

Ананта, податель безграничных даров поэтам, брахманами чтится,
Он это восхитительное описание путника создал. (392)
Таково в «Шри-Кама-самухе» описание путника и женщины, терзаемой страстью.

Теперь описание удивительной женщины.
Там, где мужчина страдает от пут по воле Судьбы,
Лишь только орудием оказывается женщина с чарующими чакорами-очами.
(394)

Ночью из-за туч слепая тьма покрыла землю,
Мой муж глух от рожденья, ночью слеп и работой измождён,
В доме ни души, я молода, и страшно мне,
Деревня страдает от воров, о путник, ты не спи! (397)

После того как Владыка дня
Силою своих божественных лучей рассеял недруга-тьму,
Отошедшую в мир иной,
Спутники тьмы, светильники,
По утру из всех домов убегают,
Каждую ночь хранимые под подолом женским. (399)

Простокваша из молока буйволицы,
С сахаром коровье молоко, поэзия Калидасы и ранняя юность,
Осенняя Луна и нежная девица –
Этими райскими удовольствиями наслаждаются люди. (401)

Томными, непостоянными, смущенными,
Нежными, трепетными и медленными,
Полными великого изумленья и любви,
Кокетливыми взорами женщины
С красивыми и длинными ресницами
Моё беззащитное сердце разбито,
Пронзено, выпито до дна и вырвано с корнем. (402)

Кучерявость присуща её волосам,
Красный лак – ладоням, стопам и губам-лепесткам,
Упругость – грудям, непостоянство – взорам. (403)

Блестящая золотая цепь её шею украшает,
Лицом своим она Луну пленила ,
Она несёт зеркало, помещенное в крепость ее груди, –
Эта женщина выглядит словно одолевшая
Рожденного в мыслях. (405)

Волосы ввергли в замешательство павлиний хвост,
В ушах колышутся серьги,
Лик посрамил прекрасный диск Луны,
Уста рдяные, как молодой коралл,
Очи затмили распустившихся лотосов лепестки,
Прелестны груди-кувшины той газелеокой,
Чье сердце они не похитят? (406)

Известно, что сердце твоё,
Жаждущее целовать уста
Юных красавиц, подобно мячу,
Вот почему, толкаемый руками-лотосами
Дев, ты, падая и падая, снова встаёшь. (407)

Падает в океан саранча,
В цветке лотоса скрывается опьяненная пчела,
В дупле лесного дерева находит приют птица,
И Бестелесный мало-помалу входит в юных дев. (408)

Лицо словно Месяц, царь звезд,
Талия, как у льва – царя зверей,
Походка величавая, как у царя слонов,
Если такая женщина поселилась в сердце,
То какие уж тогда повторенье мантр,
Подвижничество и созерцанье? (410)

Пылкая, прелестная, очаровательная,
Возлюбленная молодлица
Дарует несравненное наслаждение в любви,
Если такая женщина поселилась в сердце,
То какие уж тогда повторенье мантр,
Подвижничество и созерцанье? (411)

Ее уста-лепестки посмеялись над бимбы плодами,
Грудь ее тяжелы, бедра полны,
А подвижные очи газель ввергли в стыд –
Даже сердце мудреца молодлица похитит. (412)

Придав зубам блеск рубинов,
Смеющимся устам – сияние кораллов,
А локоны сделал черными,
Как морская соль,
По мненью моему, глупый Творец
Всю тебя желал создать из самоцветов,
И поэтому сердце твердое, как алмаз,
В твое тело-лиану вложил. (413)

Нектар на сладостных устах,
Благоуханье лотоса-лица,
Нежная лиана тела, подвижность взора,
Искусность в делах любви
И явная льстивость речей –
Благодаря набору таких качеств
Юная женщина завоёвывает мир. (414)

Есть два лотоса, но нет воды,
Есть песчаный берег, но нет реки,
Есть небо, но нет пространства,
Есть два букета, но нет лианы,
Есть коралл, но океана нет,
Есть Луна, но ночь не наступила,
Есть туча, но не пришла дождливая пора,
О боже, боже, сколь удивительно создание Творца! (415)

Сначала непроглядная тьма,
А после Месяц с его частями,
Затем – пара чакравак, а после – пустота,
Затем бездонный водоворот
И пара стеблей банана,
А после – стопы-лотосы,
О боже, боже, сколь удивительно создание Творца! (416)

Сначала – лотос, над ним – банановая пальма,
Выше – песчаный берег, затем нет ничего,
Выше – пара гор, а над ними –
Раковина, Месяц и шайвала. (417)

На лотосе банановая пальма,
На пальме – песчаный брег,
На песчаном берегу – небеса,
В небесах – сосуд, на сосуде – Луна,
На Луне – чёрная пчела,
Такое чудо сотворил Создатель. (418)

– Во время облаков невозможно от паденья удержаться.
– Ты томима желаньем, о пылкая? – Нет, нет, это скользкая стезя. (419)

Совершив омовение, газелеокая пред домом
Свою косу держит в руке,
Словно подношение для огня из ока Хары.
Эта некая простушка каплями воды, что капают с косы,
На земле своих грудей возвращивает древо Камы. (421)

Это не лицо, а лунный диск,
С которого исчезло пятно,
Это не груди, а золотые сосуды с амритой,
Это не локоны, а склад оружия Маданы,
Это не очи, а кандалы для мужчин. (422)

О посланница, ты верно поступила, верно,
И что теперь остается делать?
Это ради меня ты ногтями и зубами
К нему приложила. (423)

Если Луна заблагоухает,
Если лотосы наполнит кривизна,
Если сладость станет кораллу присуща,
А мягкость – луку Кандарпы,
И если платан в неистовое движенье придет, –
Лишь тогда с ними можно будет сравнить
Лицо, глаза, губы, брови и бедра. (426)

Её груди упруги, но речи не грубы,
Она ходит медленной походкой,
Её лицо и брови округлы, но не сердце,
Её талия тонка, но не бедра,
Её взор подвижен, но не характер,
Её волосы черны, но не достоинства её,
Её пупок глубок, но лотосы в нем не растут,
Как же можно эту юную красавицу забыть? (427)

Увидев, что дома ни души,
С ложа медленно поднялась она
И, подойдя к мужу, притворяющемуся спящим,
Долго на него глядела.
Спокойно поцеловав его, она заприметила,
Как на щеках поднялись волоски,
И любимый улыбаясь долго ее поцелуями осыпал,
Молодую, от стыда потупившую взор. (429)

Коснувшись узла её одежды, он промолвил:
«О простодушная, о дражайшая,
Без канчуки ты несешь сокровище, похищающее разум».
И видя её радостные очи и улыбку,
И слыша эти льстивые слова,
Подруги, сидевшие на краю постели, тихо вышли. (430)

Когда она в конце любовных наслаждений поднялась,
Одну руку возложив на грудь Властителя Гаруды,
А другой придерживая спавшую одежду,
А распущенные волосы её разметались по плечам,
Ее красота в это время в два раза ярче засияла,
И Шаури, утехами довольный,
На ложе привлек ее к себе,
Уставшую, и обнял снова.
Пусть блистающие руки Лакшми очистят вас! (432)
Таково в «Шри-Кама-самухе» описание удивительной женщины.

Теперь начало разлуки. Сейчас описание жены.
Шею я не украшаю ожерельем, страшась разлуки.
Нынче выросли внутри меня горы, реки и деревья. (433)

Неудивительно, если страдает тот,
Кто прежде жил и не ведал печали,
Но отчего горюешь ты,
Уж прежде опаленный страстью? (434)

Счастливы те женщины, о подруга,
Которые увидят любимого во сне,
Что же до меня, то вместе с милым
Ушел мой недруг-сон. (435)

Днем птица стойко выносит жару,
Когда с ней рядом супруга,
Но ночью ее в разлуке терзают даже прохладные лучи Луны.
Когда на сердце тяжело, все невыносимо. (437)

Безжалостный, ты пускаешь стрелы
Даже в женщин, терзаемых разлукой с мужем.
Если ты попадешь в поле зренья Пашупати,
То я узнаю твою сущность! (438)

«После того как день в развлечениях проходит,
Ночь обращается в муку без тебя, о чаровница!» –
Жена, в разлуке читая это любовное посланье мужа,
Снова и снова лишается чувств. (439)

Ночь длится сотни калып, день становится манвантарой,
Месяц опалает, сандаловая паста жжет, как искры,
Еда подобна яду, даже ожерелье обращается в змею.
Во время разлуки с милым все причиняет муку. (440)

Когда милый далеко,
Ожерелье жжет, как соль,
Сандаловая паста словно яд,
А южный ветер подобен побиению камнями. (441)

О Рохини, ты супруга Движущегося ночью,
Останови, о подруга, своего невоспитанного мужа,
Проникнув в мой дом через окно,
Он к бедрам прикасается моим,
Разве это достойно семьянина? (442)

В делах любви не избежать соблазна,
Дражайший далеко, трепещет сердце,
Страсть – безмерна, возраст – юн,
Жизнь – трудна, род – чист,
Женская природа со стойкостью несовместима,
На дворе – весна, друг Манматхи, даже Смерть бессильна,
И подруги хитроумны, как же мне вынести разлуку? (443)

С одной стороны – расстелила ложе,
С другой – разожгла костер,
Нынче или милый или смерть
Положат конец моим мученьям. (444)

Месяц касается женских бедер,
Ему, меченному пятном, это в самый раз,
Но тебе, полному достоинств,
Не подобает груди чужой жены сжимать! (445)

Это не космы, а волосы, убранные в косу,
Это не яд на шее, а мускус,
Это не полумесяц на голове, а цветок,
Это не пепел на теле, а бледность,
Вызванная разлукой с любимым.
Так отчего, Цветочнострелый,
Меня разишь ты, приняв за своего древнего врага? (446)

В разлуке с мужем черные волосы заплетя
В одну косу, она, взволнованная, поет,
Не думая ни о чем, возлежа на ложе, печальная бедняжка,
Индры среди мудрецов называют её
«Той, у которой в глазах стоят слёзы». (447)

В разлуке с мужем, с бледным лотосом-лицом,
Оставившая украшенья, в нестиранной одежде,
Руку прижав к щеке, она известна как «прастхана-варатика». (448)

Павлины гордости полны, небо тучи заволокли,
Дует ветер, разнося пыльцу кадамбы по траве,
Она вступила в пору ранней юности,
Но милый обретается в другой стране,
Время проходит, жизнь непостоянна, заботы изнуряют сердце. (449)

О Создатель, спрячь Луну,
Покуда не вернется мой супруг,
Когда же милый будет дома,
Пусть сотня Лун украсит небосвод! (450)

Мандана, лучший из царских врачей, чтится на земле,
Его сын описал страдания жены в разлуке. (451)
Таково описание разлуки с любимым.

Затем жена, находящаяся в разлуке с мужем, через вестника ему отправляет письмо.

«Ты – мой, а я – твоя,
Хоть вдалеке мы друг от друга»,
Женщина в разлуке,
Полная чувства любви,
Такое письмо отправляет мужу. (452)

О владыка жизни, прошу,
Побудь там еще несколько дней,
Меня здесь мучает жара,
И даже холодные лучи Луны обжигают. (453)

О любимая, в душе не должно быть страха
Из-за того, что опаляют лунные лучи,
Поскольку в моем сердце, сжигаемом огнем разлуки,
Ты всегда, о милая, живешь. (454)

Он вернется, и снова вместе будем мы,
Если исполнит мое желанье богиня состраданья,
Но юность, о владыка жизни, уйдя, не приходит снова,
Мелькает, словно молния, она. (455)

Мое дыханье там, где ты,
И только тело здесь
Держится силою любви,
Подобно тому как воды
Удерживают лотос. (456)

Для праведных людей, что добродетелей полны,
Разлука в этом мире не ведет к прекращению любви,
Разве к далекой Луне, которую закрыли тучи, и мгла обволокла,
Ночные лотосы привязанность теряют? (457)

Для мучимого недугом,
Для неимущего иль оказавшегося на чужбине,
Для человека, палимого горем,
Встреча с другом подобна лекарству. (459)

Подобно тому как ночные лотосы томятся по Луне,
Дневные мечтают о Солнце,
Чатаки ждут прихода облаков,
А пчёлы – цветения цветов,
Кукушка тоскует по манго
А по мужу, ушедшему на чужбину – молодица,
Сердце мое тебя увидеть жаждет, подруга дорогая. (461)

Как чакора – лунный диск,
Как чакравака – Владыку дня,
Как павлин – дождевые капли,
Так и я тебя хочу увидеть. (462)

Как корова помнит о теленке
И о Солнце – самка чакраваки,
Как верная жена держит в памяти образ мужа,
Так и я вспоминаю о тебе. (463)

Как в холодную пору бедняки
Жаждают солнечного тепла
И с надеждой смотрят на восходящее светило,
Так и я тебя увидеть жажду. (464)

Летом, блуждая в лесу,
Мучимый разлукой с любимой и жаждой,
Путник хочет воды отыскать,
Так и я тебя увидеть желаю. (465)

Подобно тому как черная пчела,
Оказавшись среди лотоса лепестков,
Закрывшихся под влиянием лучей Луны,
Жаждет Солнца, так и я тебя жажду. (466)

Как павлин, зноем мучимый, облака вспоминает,
Как гусь о лотосе тоскует,
Так и я вспоминаю твой образ. (467)

Как с приходом дождливой поры
Чатака жаждет влаги с небес,
Так и я с тобой встречи желаю. (468)

Как охотник-нишада, отправившись в лес,
Хочет дичи для еды настрелять,
Так и я с тобой встречи желаю. (469)

Как, стоя посреди грязной воды
И соблюдая молчанье,
Цапля стремится рыбу поймать,
Так и я тебя увидеть желаю. (470)

Как распутная красавица, ночью оставив мужа,
Другого мужчину желает для любовных утех,
Так и я тебя увидеть желаю. (471)

К чему много громких слов в письме, достаточно сказать:
«Наша любовь подобна любви чакравак». (472)

Мудрецы всегда созерцают Брахман,
Гуси по Манасе тоскуют,
Слоны думают о водах Ревы,
По берегам которой цветут рожи шаллаки,
Так и я, жаждя тебя увидеть,
Нашу любовь вспоминаю.
Благословен да будет день нашей встречи! (473)

Как гусь вспоминает подобные млеку воды Манасы,
Как отправившийся в путь по морю родную гавань вспоминает,
Как кукушка весной постоянно думает о манго,
Так и я вспоминаю твой облик. (474)

Гора вспоминает игры слонов и крики павлинов,
Чакоры – Луну, пчелы – лотосы, павлины – облака,
Так и я твое лицо-лотос вспоминаю, господин. (475)

О, мои глаза жаждут счастья лицезреть твое лицо,
Уши желают услышать вести о тебе,
Ум всегда будоражим мыслями, как устроить нашу встречу,
Что ж мне делать, если вследствие накопленья кармы
Этого блаженства не выпадает мне на долю? (476)

Диск Луны далёк от вод океана,
И также Солнце – от лотосов скопления,
И где облака и где павлины?
Как пчела может к жасмину стремиться
И к неблизкому озеру Манаса улетать стая несравненных гусей?
Тот, кто любим, по воле кармы
Даже далеко оказавшись, находится рядом совсем. (477)

Пусть будет славен день,
Пусть будет благостен тот миг,
Когда с тобой мы встретимся
По воле Камы. (479)

Мандана – слоновий врач, подобный второму Дханвантари,
Его сын составил главу о написании любовных писем. (480)
Итак, в «Шри-Кама-самухе» закончена глава о написании любовных писем.

Теперь описываются сетования женщины в разлуке.
Если разлука с любимым мучает
Даже беднейшего среди бедных,
Так зачем же ты смерть
Будешь искать от огня? (481)

Божественное зренье я обрёл,
Хоть страстью наполнены очи мои,
Находясь в отдаленье,
Ими я вижу любимую,
Живущую на чужбине. (482)

И так до сих пор Владыка тварей
Не обратил мои руки в крылья,
Чтобы, взмыв в небеса,
Я увидал её лицо. (483)

Взмыв в небеса, к любимому стремятся птицы,
Но не таков несчастный человек,
Лишенный крыльев, он почти калека. (484)

До сих пор Хладнолучистый
Свой диск создает и создает и снова разрушает,
Будучи не в силах создать подобное лицу
Моей возлюбленной с длинными очами. (486)

Пока тебя желал нарисовать я
На камне красками из минералов
И себя, припавшего к твоим стопам,
Взор мой затуманился слезами.
Даже там не терпит жестокая Судьба нашего союза! (487)

Лучи Луны обжигают,
Ласковый ветерок, как молния, разит,
Гирлянда колет словно множество иголок,
Сандал, как искры, жжёт,
По воле Судьбы свет обращается во тьму,
И жизнь становится неспособна.
О, время разлуки с юной красавицей
Точно светопреставленье! (488)

Я знаю, что даже когда во сне
Видел дражайшую, отвернувшуюся в гневе,
Рыдающую: «Не трогай меня руками!»
И собирающуюся уходить,
Пока я её обнимая
Успокаивал сотнями сладостных слов,
О, брат, коварная Судьба сделала меня
Несчастливым, мой сон прервав. (489)

«Во время разлуки с любимой
Беспокойство овладело его сердцем», –
Так посчитав, сон ушёл,
Кто неблагодарному почести воздаст? (490)

Если я вспомню ту тонкостанную,
То откуда будет на жизнь надежда?
А если, забыв её, жить буду,
То какой смысл в этой несчастной жизни? (492)

Вспоминая бледное лицо любимой в конце соитья,
Покрытое каплями пота от напряжения любовных игр,
С блестящими полузакрытыми глазами,
О сердце, отчего ты на сотню частей не разобьёшься? (493)

До сих пор её, со светло-золотистым телом,
Подобно гирлянде чампаки, с расцветшим лотосом-лицом,
С рядом волосков выше пупка, вставшую ото сна,
Стройную будто пальмира, страстью опьяненную,
Словно утерянное по небрежности знание я вспоминаю. (494)

Её, лунолицую, с очами, как у олененка,
С талией, как у льва, благоухающую точно мускус,
Разыскивая по лесам своего теленка,
Разве ты не видела её, жизнь мою? (495)

Что делать мне? Куда идти?
Нет Рамы в этом мире.
Никто, кроме Рагхавы, не поймет скорбь,
Порожденную разлукой с любимой. (496)

Неспешной и качающейся походкой,
Словно у великолепного царя слонов,
Приходит дева с подвижным взором,
Жаждающая страстных объятий. (497)

К чему здесь много слов и неуместных жалоб,
Одно из двух прибежищ следует избрать мужчине:
Либо юную красавицу,
Изнуренную бременем грудей
И предающуюся любовным играм
Либо лесные дебри. (498)

Когда Рожденный в мыслях коснулся этих бедер,
Погруженных в жару разлуки, он лишился силы,
Если ж банановое дерево дотронется до этих стволов,
То воды пустыни загрязнятся. (500)

Мучимая Луной, подруга её бранила,
А затем упала на пол в своем доме,
Где стояла жара страсти,
И слёзы растёрла по лицу. (502)

Я не пойду в дом любимого, подруга,
Ночью он меня ограбит,
Прежде меня он мучил без вины,
Крепко в объятьях сжимая,
Едва стоит вспомнить об этом, мое тело дрожит,
А сердце наполняется болью. (507)

Следуя повсюду за женой молодой,
С сердцем, изнывающим от ран,
Нанесенных стрелами Камы,
Весь в страданиях, муж скорбит в кустарнике,
Что служил местом для всех удовольствий. (508)

«Пусть огонь разлуки сожжет мои члены,
Дражайшему, живущему в моем сердце,
Ничто не угрожает», – с такою мыслью
Луноликая потоками слёз постоянно
Увлажняет кончики грудей. (509)

На груди моей блестит ожерелье, а не огромная змея,
На шее у меня гирлянда из лотосов кувалая, а не след от яда,
На теле не пепел, а сандал, нанесенный в разлуке с любимой,
Не рази меня, о Бестелесный, по ошибке приняв за Хару,
Отчего в гневе ты на меня нападаешь? (510)

На лук бровей наложена стрела кокетливых взоров, пусть она мне боль причинит,
Черные вьющиеся локоны пусть попытаются меня удушить,
Пусть, о стройная, распространяют чары рдяные уста, подобные бимбе,
И о как же твои округлые перси с моей жизнью играют! (511)

Весной разносится благоуханье цветов жасмина,
И летающие пчёлы постоянно сладостно жужжат.
В это время, вспоминая беззащитную жену, по воле игривого Манматхи
Путник расстался с жизнью, восклицая: «О Хари, Хари!» (512)

Когда бог Индра насылает дожди, когда дует ветер
И танцует павлин, тогда моя любимая расстанется с жизнью. (513)

Минула ночь, так скоро! И я ухожу.
Жаждающая моих объятий, бодрствует дома любимая моя. (514)

Даже хотя есть светильник,
Даже хотя есть огонь и немало других ярких источников света,
Для меня без той девы с очами олененка
Мир тьмою окутан. (515)

О стройная, от горя разлуки почернело тело Рама,
И также самец чакраваки без подруги в лесу тоскливо кричит. (516)

Для людей с хорошим вкусом повсюду
Лучшее из того, что следует увидеть –
Лицо газелеокой, осиянное любовью,
То, что следует вдыхать – благоуханье ее лица,
То, что следует услышать – её лепетанье,
То, что следует вкусить – сладость её уст-побегов,
То, к чему следует прикасаться – её тело,
То, о чем следует размышлять – присущее ранней юности помраченье. (518)

Тех женщин, которые ночь хотя бы миг с мужем провели,
Их, оказавшихся в разлуке, хладнолучистая Луна опалает подобно метеору,
У меня нет мужа, и разлучаться не с кем, а если нет этих обоих,
То не грозят ни долгий путь, ни в зеркало гляденье, ни жара, ни холод. (519)

В этой великой поэме, изучив все сочиненья,
Сетования женщин в разлуке Ананта описал. (520)
Таково в «Шри-Кама-самухе» описание сетований женщин в разлуке.

Теперь возвращение любимого.
О подруга, мое тело дрожит,
И с ним левый глаз,
А также левое бедро и обе руки,
С минуты на минуту я увижу мужа. (521)

«О подруга-ворона, живи мириады лет, пей амриту, на любую ветку дерева
садись.
Когда вернется милый, исполняя сотни моих желаний, я угощу тебя рисовой
кашей с простоквашей», –
Пока жена путника болтала так, во двор вошел её супруг,
И швы на её канчуке разошлись, а на теле поднялись волоски. (522)

Во дворе каркает черная и исполненная достоинств ворона,
Являя доброе предзнаменованье, и вот уж муж предстал перед её очами.
(523)

Когда любимый игриво приблизился к ложу,
В своем сердце я решила, подруга: коварному, отплачу я коварством,
Но едва на меня с улыбкой он глянул, одежда моя упала на землю,
И волоски поднялись на теле, что же стало со стойкостью моею! (524)

Тому, кто предвещает возвращенье мужа
Иль кто его на себе приносит –
Кому из них, подруга, я почести
Первому воздать должна – вороне иль верблюду? (525)

Разве нет в этом мире, обители света,
Ни одного попугая, кукушки, чакоры, павлина иль гуся,
Что нынче ворона, сидя в клетке золотой,
Совершает свои неуклюжие движенья? (528)

Да увижу я любимую
И этим обрету успокоенье,
Хоть глаза мои страсти полны.
К чему мне видеть кого-то ещё? (530)

В её подвижном взоре
Отразился молочный океан,
И этот бранный мир, лишенный смысла,
Словно значимость обрел. (531)

Когда явился владыка жизни,
Жизнь ко мне вернулась,
О подруга, смотри на это чудо:
Бывшая мертвой, снова я дышу. (532)

Та почтенная женщина дневные часы
Проводила в заботах о муже,
А желанных сердцу, приносящих радость
Сумерек дождавшись, принялась себя для любви украшать. (533)

В этой великой поэме брахман Ананта
Описал чудное возвращение любимого, как его воспели поэты. (534)
Таково в «Шри-Кама-самухе» описание возвращения любимого.

Теперь вопросы путника.

- Куда отправилась ты темной ночью, о та, чьи бедра напоминают слоновий хобот?
- Туда, где живет мой любимый, владыка моей жизни.
- Скажи, разве ты не боишься идти в одиночку, о дева?
- Отчего же, мой спутник – Мадана с его оперенными стрелами. (535)

- О юная простушка, отчего твои губы в ранах, и члены твои так ослабли?
- Ночью я была ужалена змеею, искусной в различных видах любовных наслаждений.
- Отчего же, ужаленная смертоносною змеею, ты тотчас же не рассталась с жизнью?
- В то время я, не думая ни о чем другом, мантру: «ха ха» повторяла. (536)

Что это за осиянная ранней юностью
Луноликая женщина идет по дороге,
Вращающая сонными глазами,
С устами рдяными, точно бимбы плоды?
И что это за ракшас страсти
Растрепал ей волосы и оставил на теле
Следы ногтей и зубов, словно с тигром играя? (537)

Кто эта женщина с тяжелой, полной и упругой грудью и тонкой талией,
Подобная встревоженной лани или проворной и испуганной антилопе из стада,
Идущая кокетливой походкой, подобно шествию слона во время течки,
Увидев красоту той милой, даже старец охвачен будет страстью. (538)

Кто эта светлокожая, газелеокая женщина,
С лицом, подобным Луне в полнолуние,
Ступающая игривою походкой,
Слона во время течки иль гуся, с изогнутыми бровями,
Нежно лепечущая, с дыханьем, благоухающим алоэ,
Тот достойный хвалы мужчина,
Чудной жизнью живущий, у кого такая возлюбленная есть. (539)

Кто эта женщина, покачивающая бедрами, охваченная жаркой страстью,
С изогнутыми бровями, точно Бестелесного лук, сияющая, подобно Луне,
О царь, с лицом, напоминающим расцветший лотос, тонкостанная чаровница,
Игриво неся свою косу, как посох, она идет к источнику воды. (540)

Кто эта лунолика, являющая знаки страсти,
Чье тело светло-золотистое, точно чампака, украшенная полной грудью,
Ее игривая походка вселяет в мужчин смелость,
С небес сошла ли эта женщина, чтоб наслажденье даровать? (541)

Ананта – знаток бесконечного числа наук, мудрец и недругов губитель,
Он сочинил раздел «вопросы путника», приносящий радость. (542)
Итак, в великой поэме «Шри-Кама-самуха» закончен раздел «Вопросы путника».

Теперь начало соития.

Кто эта женщина, о которой говорят,
С взволнованным взором, ступающая гусяною походкой,
Со стопами, умащенными шафраном,
Позвякивающая нупурами золотыми,
Идущая по дороге, источая обильное благоуханье,
С мятущейся заплетенною косою,
С бетелем в левой руке,
С улыбкой на устах вошедшая в тайную залу? (543)

Женщина она или киннари или богиня иль видьядхари,
Иль спутница нагов, иль летящая по небу, иль живущая там,
Иль Гаури, иль Супруга Хари, иль Владычица речи,
Иль бутон на юности древе, иль зримый воочию город Смары, кто она на этой земле? (544)

Якшини она иль гандхарви, киннари иль владычица богов,
Дочь сиддха иль дочь мудреца, дочь нага иль женщина, способная летать по
небу? (545)

Видьядхари иль апсара, женщина или гора,
Я не ведаю, кто ты, скажи, о чаровница. (546)

С лицом, как полная Луна,
С очами, точно синего лотоса лепестки,
С походкой возбужденного слона
Явилась я, любимая твоя. (547)

О красавица, уязвленной гордости не являй,
Гордость это юности тайна.
Воистину, юность подобна сну,
Поскольку, о простушка, не возвращается она. (548)

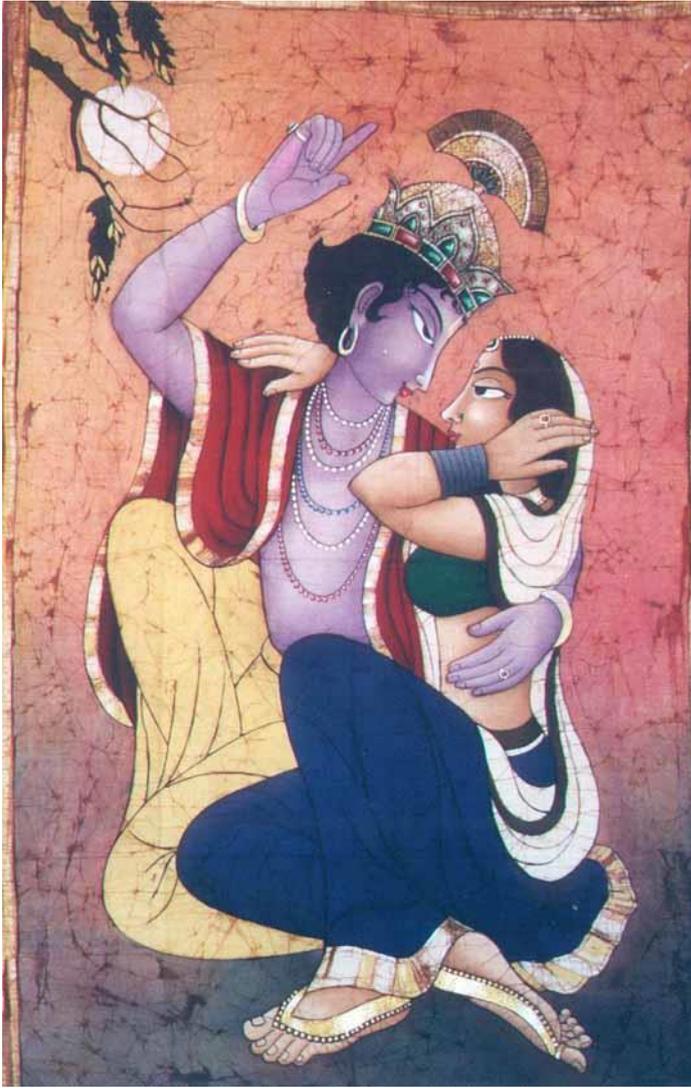
Любовью наслаждайся постоянно, пока есть силы,
Ведь юность с каждым днем уходит прочь,
Кто мертвому подарит любовные утехы
Вместе с клецками, зернами сезама и водой? (549)

Смотри, смотри, высок мой лингам,
Желающий войти в твои чертоги Смары,
Сбрось, сбрось нижнюю одежду и канчуку
И радость соитья мне подари, о дорогая. (550)

Смуглою, как синего лотоса лепесток,
Ступающей походкой возбужденного слона,
Владеющей счастливой долей,
Имеющей красивые члены тела,
Милой возлюбленной наслаждайся. (551)

Блистающей, как восходящее Солнце,
С полной и высокой грудью,
Осиянной юностью и красотой
Милой возлюбленной наслаждайся. (552)

Умещающей себя шафраном,
Что смешана с сандалом и алоэ,
Носящей белые одежды и венок из белых цветов
Милой возлюбленной наслаждайся. (553)

С шеей, украшенной жемчужным ожерельем,
И с нупурами на ногах,
С устами, точно бимбы плоды,
И с очами-лотоса лепестками,
Милой возлюбленной наслаждайся. (554)

Тесным объятьем сдавлены перси,
Волоски встали на теле,
Пот выступил от преизбытка страсти,
Спали поясok и одежда,
«Нет, нет, о почтенный, хватит с меня», —
Чуть слышно лепечет она и замолкает.
Заснула она иль умерла
Иль в сердце моём растворилась? (555)

Талия ее восхитительного тела, тонка, как у льва, собирающегося прыгнуть,
Каждый член тела её украшением блистает.
Ночью пылкий любовник безжалостно и без передышки
Наслаждается ей, сведущей в искусстве наслаждения. (556)

Соитьем «аникья» иль «обратным» соитьем
Иль «животным» соитьем
Искусный мужчина женщине усладу дарует. (557)

Соитье «аникья» это когда супруги возлежат на боках,
В тесных объятьях телами прижавшись друг к другу. (558)

Когда женщина наслаждается внизу, а сверху находится пылкий мужчина,
Это известный способ соитья, любимый крестьянами и молодыми. (559)

Когда женщина наслаждается любовью в обратном положении на пылком
мужчине,
Это «обратный» способ соитья, приятный сведущим людям. (560)

Когда мужчина наслаждается женщиной, стоящей на четвереньках,
Это соитье известно как подобное соитью животных,
И всеми страстными людьми любимо оно. (561)

Поместив ноги женщины себе на плечи, лингам в лоно легко
Вводит пылкий мужчина, и этот союз именуется позой вороны. (562)

Когда женщина находится сверху, а пылкий мужчина внизу,
Это соитье известно, как «артава», и оно приятно сведущим людям. (563)

Когда, поместив одну ногу женщины себе на грудь, а другую на плечо,
Ей наслаждается пылкий мужчина, такой союз именуется «обратным». (564)

Когда, бедра женщины поместив на основание своих,
Он держит её руками за шею, такой союз известен как «городской». (565)

Если красавица бедрами сжимает пылкого мужчину,
То это именуется «петлею наслаждения», приносящей радость страстным
людям. (566)

Проведя руками по бедрам красавицы и тесно ее обнимая,
Пусть соединяется ней пылкий любовник, этот союз называется «браслетом».
(567)

Если ноги женщины своею рукою возлагает на шею,
А затем руки держа на ее грудях, с ней соединяется любовник,
Это союз «любимого удовлетворенье». (568)

Ноги женщины возложив себе на грудь, руками пусть держит ее перси
И, столько пожелает, входит в ее лоно, этот союз известен как «самапада».
(569)

Раздвинув ноги женщины, держась на ложе на руках,
Благодаря соединенью лингама и йони наслаждается мужчина, этот союз
«сампута». (570)

Выпрямив ноги женщины, согнув свои колени,
Прикасаясь к ее грудям, пусть на земле наслаждается мужчина, это «ардха-
сампута». (571)

Побудив женщину ногами обхватить собственные бедра
И, прикасаясь к её грудям, пусть наслаждается мужчина, это союз «стана-
рата». (572)

Пусть мужчина ноги женщины в область её грудей поместит
И, держа ее шею, пусть наслаждается ей, это союз «рати-сундара». (573)

Держа ноги женщины, пусть руками сдавливают бедра
И без боязни наслаждается мужчина, это союз «уру-пидита». (574)

Держа одно бедро женщины левой рукой, а ногу поместив на голову себе,
Пусть плотно соединяется с ней мужчина, и это называется «кругом
Смары». (575)

Держа обеими руками за талию женщину, сидящую меж собственных колен,
Пусть без боязни наслаждается мужчина, это союз «змеиная петля». (576)

Вытянув обе ноги женщины и отвернув лицо, пусть лингам
Вводит в лоно мужчина, это союз «кулиша». (577)

Благодаря этим и прочим видам союза рождается глубокое наслаждение,
Поэтому пусть люди без небрежности сочетаются союзом. (578)

Растрепанные волосы, стертый с тела сандал,
Поставленные в порыве ревности отметины ногтей
И сорванный пояс – все это
При наслажденье с женщиной приносит радость. (579)

Звон восхитительных нупур во время любовных утех
Так похищает разум пылких мужчин,
Что не сравнятся с ним ни пение, ни музыка,
Ни звуки кукушки, чатаки иль павлина. (580)

Так в этой «Кама-самухе», в огромном сборнике стихов,
Ананта описал несущее радость соитье. (581)
Таково в «Шри-Кама-самухе» начало соития.

Теперь описание середины соития.
Тесные объятия, сдавленные перси,
Пот, выступивший на челе,
Искусанные губы, сбившееся дыханье,
Искривленные брови, руки, словно в танце,
Следы от ногтей и восхитительное бормотание нежных слов,
Радость соития с любимыми женщинами
Вкушают те, на ком Цветочнолукого благословенье. (582)

Если себя не забываешь
Во время соитья или во время самадхи,
То что проку в соитье?
И каков смысл в самадхи? (583)

Таков плод страсти, посещающей людей,
Что два сердца становятся одним.
Если ж сохраняется различье,
То это словно соитье мошенников в любви. (584)

–Та женщина, которой кажется
Тяжкой ношей сандаловая паста, нанесенная на тело,
Которую сон на ложе мягком,
Как лотоса лепесток, чрезмерно утомляет,
Та выносит вес всего тела
Любимого мужчины, откуда это чудо?
–Какое ж в этом чудо! Смотри,
Что недоступно для того, кто любит? (585)
Так заканчивается описание середины соития.

Теперь описание обратного соития.
Когда звон нупур замолкает,
Колокольчики на поясе звенят.
Когда любимый соитием утомлен,
Пылкая женщина обращается в мужчину. (586)

Ее лицо покрыто капельками пота,
Она прерывисто дышит
И улыбается томно,
А локоны ее в полном беспорядке.
Лишь добродетельные мужчины
Вкушают с лотосоокими наслажденье. (587)

Добродетельные пьют мёд с уст женщин,
Припавших к ним на грудь с распущенной косою,
То с закрытыми, то с чуть открытыми очами,
И с ланитами, что испариной покрыты,
Вызванной усталостью от наслажденья. (588)

Пусть падают всегда на твою грудь
Цветы из заплетенных в косу волос любимой,
Которые, подобно лианам, приходят в беспорядок
Из-за того, что ты во время наслажденья
Яростно хватаешься за них. (589)

Затих звон нупур,
И слышно, как колокольчики на поясе звенят.
Это женщина некоего обладателя заслуг
Сама играет роль мужчины. (590)

Ты один знаешь, как женщине,
Будучи ее любимым, угодить,
Как же он может зваться мужем
Рядом с тобою, о безгрешный? (591)

Когда женщина, поместив ноги на бедра любимого,
Неистово талией двигает, это союз «хамса-лилака». (592)

Когда женщина на лингаме любимого восседает,
Ноги поместив на землю,
А руки положив ему на грудь,
Это союз «лиласана». (593)
Таково в «Шри-Кама-самухе» описание обратного соития.

Теперь описание завершения соития.
Ее локоны разметались, и колышутся серьги,
Ручьи пота чуть смыли рисунки с тела.
Пусть прекрасные очи и лицо тонкостанной в конце наслажденья
Хранят тебя всегда, к чему Хари, Хара, Брахма и прочие боги? (595)

Время утех истекло, и вот она встает,
Держа в левой руке локоны, что разметались,
А в правой – спавшие поясok и шелковое платье,
А он снова её целует в щеки и обнимает. (596)

Омовенье, умащенье тела, прохладный ветер,
Поглощаемая кусочками пища, холодная вода,
Молочный суп и хмельные напитки –
Ими наслаждается возлежащий на ложе
После любовных утех,
И так снова отправляется в Бестелесного обитель. (597)

Когда был окончен праздник услад разнообразных,
И чрезвычайная усталость поселилась в теле,
И они, полуодетые, возлежали на ложе,
Влажном от пота, что смешался с сандалом,
В силу их глубокой любви и привязанности к забавам
У супругов, терзаемых страстью, снова возникло желанье. (598)

Погасли все светильники,
Округа погрузилась в сон,
Но побуждаемые мыслью о наслажденье
Посредине ночи просыпаются пылкие мужчины,
Крепким объятьем они
Будят своих любимых,
Почти уснувших, истомленных прежних соитьем,
И сладостно их терзают. (599)

Затеяв ссору и пролив горючие слезы на ложе,
Она в гневе встала и направилась к двери опочивальни,
Но, завидев поблекший месяц, овеваемая утренним ветерком,
Со словами: «О, ночь скоро пройдет!», красавица упала к любимому на
грудь. (600)

Изучив многие науки, собрав замечательные стихи, Принадлежащие добрым
поэтам, брахман Ананта
В великой поэме описал завершенье соитья. (601)
Таково в «Шри-Кама-самухе» описание завершения соития.

Теперь слова слова мужчины, обращенные к любимой во время ссоры по окончании соития.

О красавица, скажи хоть слово, молчание нарушь!
Отчего ты гневаешься на меня, своего любимого раба?
Если, о дева, ты думаешь, что я нанес тебе обиду,
То накажи меня, связав петлею своих рук. (602)

«О добронравная красавица, проворно вскочив на ложе,
Меня за шею руками-лианами обними!»
Когда супруг сказал ей это, газелеокая взглянула на светильник
И, о боже, погрузилась в океан стыда. (603)

Блистательны и искусны речи,
Изогнуты брови,
Легка улыбка, черные волосы великолепны,
Ты – лучшая среди прекраснобровых.
Мяжки и нежны прикосновенья,
Грудь-сосуды твои в конце соитья блистают,
Мужчины жаждут служить тебе,
Свой гнев на любимого оставь! (604)

О прекраснобровая, на меня ты в гнев,
И я прекратил есть, оставил о женщинах разговоры,
Далеко забросил духи, венки,
Благовонья и куренья.
Свой гнев, о пылкая, оставь, смилуйся надо мною,
Стоящим пред тобою на коленях.
Когда тебя нет рядом, дорогая,
Меня со всех сторон окружает тьма. (605)

Зайди скорее в дом, на улице не стой,
О дорогая, сейчас час лунного затмения.
Увидев твое лицо-Луну, на котором пятен нет,
Раху его проглотит, оставив полную Луну. (606)

Если, о лотосоокая, в твоём сердце поселился гнев,
То пусть он будет твоим любимым, что же здесь поделать?
Предложи ему свои объятья,
Что прежде предлагала мне, и поцелуи предложи. (607)

Почти прошла уж ночь,
О луноликаая, и словно погасла Луна,
Светильник мерцает,
Как будто засыпает.
Хоть я склонился пред тобою,
Но отчего, о дивноокая, ты не оставляешь гнев?
Пусть, о сердитая, рядом твои нежные перси,
Жестоко твое сердце. (608)

«О богиня, о госпожа, о милая,
О дражайшая, о владычица жизни», –
Такими полными любви многообразными нежными словами,
А также поклонами в ноги,
Свою любимую, чьи ланиты зарделись от гнева,
Глядящую из-под нахмуренных бровей,
Умиротворяет некий юноша
И целует её лицо. (610)

«О стройная, оставь свой гнев,
Взгляни на меня, припавшего к твоим стопам,
Прежде никогда не видел я
Тебя рассерженной такой».
Когда супруг сказал ей это,
Она из смотрящих искоса едва открытых очей
Множество слез пролила,
Но в ответ не промолвила ни слова. (611)

О жестокосердная, оставь заблуждение,
Основанное на рассказах лживых,
Сплетнями не подobaет
Страданье человеку причинять.
Не иначе ты, о простушка,
Их за истину посчитала.
Как нравится, так и делай со мной,
О любимая, и счастлива будь! (612)

– О моя девочка! – Да, о господин. – Оставь, о гордячка, свой гнев! – Чей гнев мой плох?
– Ты меня огорчаешь. – Но ты мне не наносишь обиды, вина вся на мне.
– Отчего ж ты льешь слезы, бессвязно бормоча?
– Кто видит?
– Я вижу. – А кто я тебе? – Любимая.
– Нет, не любимая, оттого я и рыдаю. (613)

– Здесь в каждом доме есть молодухи.
Сходи сейчас и их спроси,
Кланяются ли они своим любимым,
Также как делает твоя раба?
– О врагиня самой себе! Не верь тому, что злые люди
Нашептывают тебе на уши.
Лишенные услад любви,
Непрерывно терзаются горем мужчины. (615)

Небо на востоке стало красно-золотистым,
Подобно шафрану, Луна закатилась,
Поблекло пламя светильника,
Звезды блеска лишились,
Ветер разносит благоуханную лотосов пыльцу,
Нежность присуща глубокому чувству любви.
О друг, на шее разомкни
Страстные объятия, восходит Солнце! (616)

Небо на востоке стало красновато-золотистым,
Словно золото проглотило,
Месяц побледнел, словно ученый человек
Средь толпы деревенских мужиков.
Потускнели звезды, словно цари,
Утратившие мощь,
И светильники не блистают,
Как достоинства неимущих. (617)

Разносится благоуханье лотосов,
Сидя на дереве, кукует кукушка,
Солнце очищает вершину горы Меру,
Поднимайся, о прекрасноокая, ночь минула! (618)

Придерживая левой рукой
Густые волосы, благоухающие цветами,
Волоча спавшую верхнюю одежду
И развязавшийся пояс после любовных утех,
Выплывывая бетель, с растрепанным лицом,
Испившая услады без остатка,
Она вышла из сокровенного чертога
Во власти любовного хмеля, жажда свежего ветра. (619)

Пожилой горожанин, брахман Ананта,
Привел слова мужчины,
Сказанные во время ссоры,
Последовавшей за утехами любви. (620)
Таковы в «Шри-Кама-самухе» слова мужчины, обращенные к любимой во время ссоры по окончании соития.

Теперь слова женщины, обращенные к подруге по окончании любовных наслаждений.

Её глаза не мигают, подобно глазам богини,
Она чертит на земле, вздыхает глубоко,
Думает о чем-то неподвижно,
Сильно дрожит с поднявшимися на теле волосками
И слезы проливает, долго глядя на вину,
Лежащую на коленях у нее,
Словно лишь за несколько дней красавице
Кто-то преподавал урок любви. (621)

Когда любимый приблизился к ложу,
Узел сам развязался,
И спадающая одежда из-за пояса
Лишь на миг задержалась на бедрах.
Только знаю, подруга,
Как наши тела соприкоснулись,
А кто он и кто я, и что случилось
Во время соитья, даже малость не помню. (622)

Охочий до того, чтобы тереть чертоги Маданы,
Неугомонно целовать лицо подобно пчеле,
Жаждающий сжимать пышные груди,
Сведущий в искусстве любви – таков мой супруг. (623)

Я – добродетельная жена,
Мой же супруг достоинств лишён,
В уединенье всегда он пребывает,
Даже к телу моему не прикасаясь. (624)

Счастливы те женщины, которые, когда любимый
Всем телом к ним прижмется, о подруга,
Смелость являют, даже во время утех
Великую стойкость сохраняя.
А вот когда с меня
Его руки-лотосы совлекут одежду,
Кто я, а кто он, и что происходит
Во время соитья, даже малость не помню. (625)

Изучив прелестные стихи
Добрых поэтов, брахман, сын Манданы,
Создал восхитительную поэму,
Полную превосходных и чудесных слов пылких женщин. (626)
*Таковы в «Шри-Кама-самухе» слова женщины, обращенные к подруге по
окончании любовных наслаждений.*

Затем от мужа женщина возвращается домой, и вот вопросы и ответы из её беседы с путешественником.

Что это за молодлица, проведшая ночь в усядах, с улыбкой на лице,
С одеждой, от пота прилипшей к телу,
На заре идет, словно газель,
В страхе во все стороны озираясь?
Кто, подобно пчеле, пил нектар
С дрожащих уст на ее лотосе-лице,
Кто нынче выпустил Манматху,
Сожженного огнем из ока Хары, и кто порадовал его? (627)

Не был стерт ни мускус с твоих ланит,
О подруга, ни сандал с грудей, ни сурьма – с очей,
Уста твои не лишились красного цвета от бетеля,
Гневаешься ли ты, о ступающая походкой Индры слонов, или твой муж
ребенок? (629)

Не гневаюсь я, красавица, в доме наслаждений, и муж мой не ребёнок,
О причине этого положенья слушай, о подруга, тебе ее поведаю, как на духу,
Увидев меня, очень юную, луноликую, подобную Кандарпы супруге,
В смущенье стоял муж рядом с наставником дайтьев. (630)

Отчего на меня обратила ты взор прекрасных очей,
Стоя с кувшином на бедре,
На другого нежно гляди, о ступающая слоновьей походкой,
Не мила мне женщина с кувшином. (631)

Прекрасные очи – лотосов лепестки,
Жемчужное ожерелье – распростёртая гладь вод,
Округлые перси – гуси,
Ряд волосков – зыбь на воде,
Складки на животе – волны, поднятые ветром,
Пупок – водоворот,
Кто хозяин этого озера,
Созданного для услаждения мужчин? (633)

Он разбился после паденья с верхушки баньяна,
Он поклонялся Рудре, преподнося полные цветов корзины,
В битве его тело изранено бивнями слонов,
Ему принадлежит эта женщина-озеро, предназначенная для услад настоящих
мужчин. (634)

Ананта, дарующий радость ученым,
Тот, перед которым недруги склонились,
Милостью гуру
Создал раздел «вопросы и ответы» (635)
*Так в великой поэме Кама-самуха, составленной Анантой, заканчивается
раздел «восемь вопросов и ответов».*

Теперь рассказывается об обителях Камы.
Голова, глаза, губы, сердце и лоно –
Вот пять обителей Камы, в которых он несомненно пребывает. (636)

В женском пупке обитель страсти,
Поскольку здесь сам Кама пребывает.
Кама странствует в мирах,
Населяемых богами, асурами и людьми. (637)

Сначала пусть будет прикосновенье,
Когда поцелуй служит украшеньем,
Затем пусть обнимает шею,
А после задействует лингам. (638)

Во время соитья пусть использует лингам.
Занятый упражнением в искусстве любви
Способен тотчас же даже камень растопить. (639)

Как известно, в первый день
На голове у женщин пребывает страсть,
А на второй – в пупке,
И его языком пусть касается мужчина. (640)

Она быстро начинает дрожать
И от страха лишается чувств.
На третий день на ягодицах
Пусть ногтями ставит отметины мужчина. (641)

На четвертый день пусть касается
Языком её ланит и бровей-лиан
И пусть заключает ее в тесные объятия
Мудрый, побуждаемый страстью. (642)

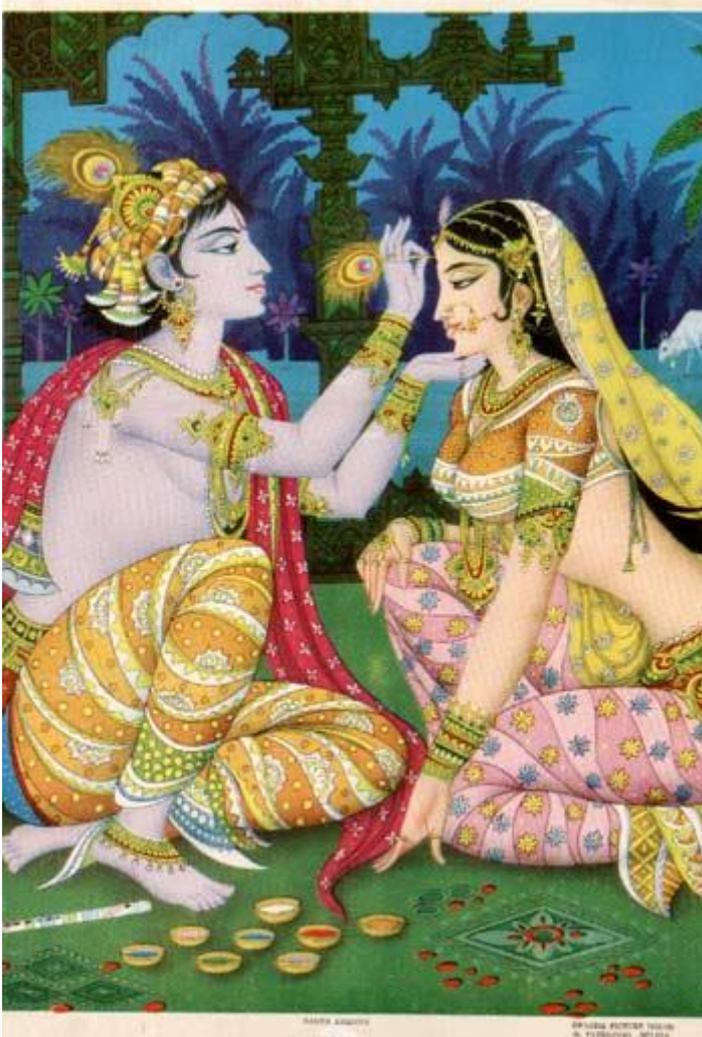
Взволнованная женщина тает,
Словно лунный камень,
Обрадованный Луны восходом,
И не желает иного мужчины, кроме мужа своего. (643)

На пятый день пусть касается
Зубами кончиков её груди,
И она являет страсть,
Известная как вожделения сосуд. (644)

Ее члены тотчас же размякают,
И она начинает зевать немедля,
На седьмой день подбородка
И сочленений пусть касается ногтями. (645)

На десятый день на животе
Пусть ставит отметины ногтей мужчина,
И женщина извергает страсть,
Возбужденная, терзаемая вожделением. (646)

На одиннадцатый день кончика её носа
Пусть касается зубами и ногтями,
Тогда ее члены тают,
А ум сбит с толку Бестелесным. (647)

Пусть знаток искусства любви оставляет отметины ногтей,
И быстро женщина являет страсть,
Безумной становясь,
Поэтому предписано задействовать ногти. (648)

На девятый день на бедрах
И спине повсюду
Мудрый оставляет отметины ногтей,
И она не возжелает иного мужчину, кроме мужа. (649)

Пусть двигает бедрами
И пальцами рук молодлица,
Безумная, она падает на землю
На двенадцатый день. (650)

На тринадцатый день пусть касается ногтями
Шеи и левой стороны спины,
И она глубоко вздыхает,
Когда снова и снова дотрагиваются до неё. (651)

Когда женщину обнимают так,
Она не возжелает другого мужчину, кроме мужа.
Пусть прикусывает зубами нижнюю губу,
А ногтями касается области лона. (652)

На четырнадцатый день ласки,
Способные любую женщину очаровать,
Постепенно распространяется
На основание ушей, лоб и пару бедер. (653)

В полнолуние Смара
Обретается на голове,
И изо дня в день мудрые
Пусть Манматху поселяют
В указанных местах. (654)

Пылая, словно дневной светоч,
К другим для любви не пойдет она.
Таков же по телу женщины
В темную половину путь. (655)

В таком же порядке
Пусть усердно будит спящего Каму.
Пусть обнимает женщину руками
И кончиками ногтей царапает ей бедра. (656)

Возбужденная, Бестелесным сбита с толку,
Она страстью течет,
Когда ей зубами покусывают уши,
А ногтями царапают бедра. (657)

Молодица падает, возбужденная,
Сбита с толку страстным прикосновением.
Пусть в таком порядке действуют мужчины,
Жаждающие любовных наслаждений. (658)

Такие следует наносить любовные удары
И делать страстные движенья,
Женщина тает под действием желанья,
Словно масло в горшке от огня. (659)

Большие пальцы ног, стопы, лодыжки,
Колени, седалище, пуп, грудь и перси,
Бока, шея, щеки, губы, глаза, лоб и голова,
По этим урочищам Камы на теле газелеокой
В светлую половину снизу вверх следует идти,
А в темную половину обратно
Вплоть до левой ноги. (660)

Они держат локоны,
Целуют щеки, глаза и лоб,
Царапают ногтями бока и шею,
Сжимают тесно груди,
Зубами покусывают
И целуют губы многообразно,
Бьют в грудь кулаком
И шлепают легонько по пупку. (661)

Ананта в восхитительных стихах
Описывает все чудесные, приятные
Для всех страстных людей места,
Где Кама пребывает. (662)
Таково в «Шри-Кама-самухе» описание обителй Камы.

Теперь о способах наслаждения женщиной.
Пусть женщинами наслаждается мудрый,
Проницательно различая их возраст,
Включая девичество, юность и зрелость,
И склонности, что им присущи. (663)

Девницей женщина зовется до шестнадцати лет,
А затем, до тридцати она молодлица. (664)

Затем до пятидесяти лет она будет зрелой,
А после известна как пожилая,
Неподходящая для празднества любви. (665)

Подношеньем плодов, бетеля и гирлянд
Завоевывают сердце девицы,
А молодицу покоряют
Различными украшениями и ласковым обхождением. (666)

Благодаря тесным объятьям и поцелуям
Зрелые женщины желают мужчин,
А почтительными, сладостными
И приятными словами очаровывают пожилых. (667)

Летом и осенью девица
Подходит для мужчины,
Молодица – зимой в прохладное время,
А зрелая – во время дождей и весной. (668)

Благодаря постоянному наслаждению девицей
Возрастает сила,
Молодицей – приходит благо,
А зрелой – обретается долголетье. (669)

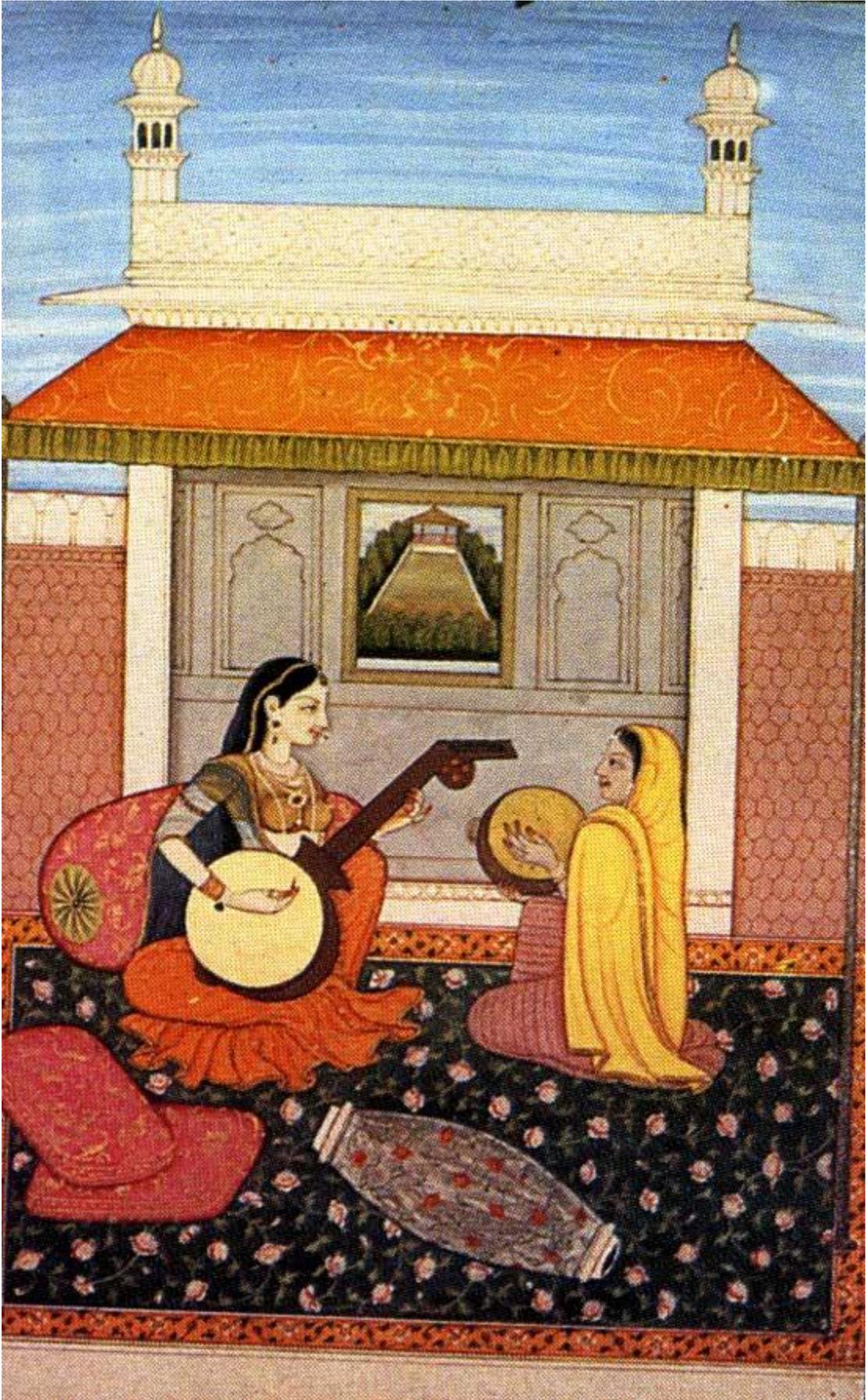
Весной и осенью пусть наслаждается соитием раз в три дня,
Во время дождей и летом – раз в две недели,
А с приходом прохладной поры
Пусть наслаждается сколько душе угодно. (670)

Зимой любовь доставляет наслаждение ночью,
В летнюю пору – днём,
Во время дождей – когда грохочет гром и ливень льет,
Весной и осенью – и днем и ночью. (671)

В сидячем положении следует ласкать девицу,
В лежачем – молодицу,
А зрелую женщину – также в стоячем,
Таковы три вида ласк. (673)

До шестнадцати – девица,
До тридцати – чудо-молодица,
До пятидесяти – средняя,
А после – пожилая. (674)

Девица – вкуса винограда,
Молодица – с сахаром сравнима,
Зрелая подобна плоду манго,
А пожилая – словно кокос. (675)

Пусть мужчина к соитию не приступает,
Покуда любимая не исполнилась желанья,
Иначе не будет услады,
Так гласит наука любви. (676)

Пожилой горожанин, поселившийся в городе,
Воздвигнутом Ахиммадом, сын Манданы, Ананта
Дает предписанья, как женщиной насладиться. (677)
Таковы в «Шри-Кама-самухе» способы наслаждения женщиной.

Теперь описание влюбленной женщины.
Бросает нежные взоры, тело свое украшает,
Уши почешет, волосы вновь и вновь распускает,
С подругой болтает, покажет пупок,
Мимо пройдет, ребенка обнимет –
Так ведет себя перед желанным мужчиной
Женщина, томимая страстью, пребывающая во власти любви. (678)

Косу заплетает, будет праздно гулять,
Уши почешет, вздохнет, тело покажет,
Заведет разговор о любви, пальцами щелкнет,
Будет бросать нежные взоры,
И с подругами беседовать, зевая,
Увидев ребенка, его поцелует,
Громко засмеется, слюной истечёт, (679)

Имя назовет, с почтеньем обратится,
Будет в шутку угрожать, опишет достоинства подруги,
Пребывая в дрожи, покроется капельками пота,
Принесёт гирлянду, будет вести учтивые речи,
Украшенья прочь отбросит,
Такие двадцать знаков любви
Являет женщина, полная желанья. (680)

При виде любимого великой радостью
Светятся ее лицо и очи,
И она прячет необычную улыбку,
Глядя безотрывным взором. (681)

На руках, ногах, груди и лице
У нее пот выступает,
О деле она говорит запинаясь
И глядит на пупок, бока,
Складки на животе, бедра и округлые перси. (682)

Завязывает на талии узел,
Зевает, вытягивает члены,
Губы кривит, чешет уши,
Волосы распускает,
А по телу бегут мурашки. (683)

Легкая в общении, просит денег,
Ребенка целует и обнимает,
К подруге бросается на шею,
Вздыхает, следит за одеждой. (684)

Показывает жесты руками, бровями играет, произносит сладкие речи,
Пальцами щелкает, руками свои груди сжимает. (685)

Ногтями чертит по земле, траву срывает, уединения желает,
По этим признакам влюбленную женщину узнаешь. (686)

Ценитель красоты пусть дарует радость женщине, влюбленной и желаньем
ослепленной,
И опытный мужчина пусть избегает женщины, что покинута была. (687).

При виде его улыбается она, довольная, и о близости просит,
Спящего целует, ведет сладостные речи, крепко обнимает,
С нежностью на него глядит, то, о чем он попросит, исполняет, благими
качествами обладает,
Ликует, когда обрадован тот, кто ей милее жизни, и страдает, когда он
опечален. (688)

Добродетельная женщина довольствуется малым,
О всех достоинствах любимого говорит,
Недостатков не замечает,
Своими богатствами его одаряет,
Не гневается никогда,
А когда сердит он, в страхе пребывает,
Искусность являет во время любовных утех. (689)

Приветлива с его друзьями, а врагов не терпит,
На дорогу смотрит, когда в отъезде он,
Расспрашивает путника о нем и спрашивает совета,
Выслушав этого путника слова, их хвалит,
Соединившись с милым, ликует, чистая сердцем,
Верная в любви, его желает,
Эти тридцать признаков делают
Женщину любимой и самой дорогой. (690)

Ананта, сын придворного Манданы,
Поведал в этом сочиненье признаки
Женщины, влекомой страстью. (691)
Таковы в «Шри-Кама-самухе» признаки влюбленной женщины.

Теперь признаки безразличной женщины.
В лицо не смотрит,
При встрече радости не кажет,
Без искры во взгляде, без улыбки ни лице,
А как прикоснешься к ней, дрожит. (692)

Как с ней заговоришь, прервет беседу,
Как спросишь, отвечает грубо,
Если к другой привяжешься, то не ревнует,
И поэтому внимания не жаждет. (693)

В неподобающем месте являет гнев,
Когда лицо целуешь, плачет,
Как прикоснешься, скрывает лоно
И при соитии влагой не течет. (694).

На ложе отвернувшись засыпает раньше мужа
И позже него встает,
Доброго отношения не ценит,
А при малейшей обиде громко плачет. (695)

Произносит бранные речи,
Его недостатки раскрывает подругам,
Радует, когда в беду он попадает,
И торжествует, когда уезжает из дома. (696)

Его недругов привечает,
А к друзьям питает злобу,
По этим признакам мудрые
Безразличную женщину определяют. (697)

Бесстыдная, с недобрým взором,
С душою, полную коварства,
Надменная, творящая низкие деянья,
Ведающая недостатки, полная гнева,
О добродетелях его не скажет,
Почтенья никогда не явит,
Умеющая бранью покрывать, грубая в речах,
В разлуке чуждая страданий,
А в соединенье полная печали,
С другим мужчиной путается,
А мужа не желает слушать. (698)

Любовника покрывает,
А к мужу приязни не питает,
И соитье с ним ей в тягость,
Не выносит, когда он её лицо целует,
Говорит, что голова болит,
Ей неприятно, когда он на неё посмотрит,
А когда с ним несчастье приключится,
Она довольна, полная нечистых мыслей,
Когда муж к телу прикоснется, её бьёт дрожь,
Его недоброжелателей она волю исполняет,
А к приятелям настроена враждебно. (699)

Позже него встает, спит слишком долго, добра в свой адрес не оценит,
С почтением не обнимет, никогда искусности не явит в час утех любовных,
На людях лжёт, спит, от него отвернувшись на ложе, к нему не имея любви,
Таковы тридцать пять признаков женщины, безразличной к мужу. (700)

Темнокожая, бесстыжая, молвящая неприятные и грубые слова, чуждая
любви и очарованья,
Вкушающая пищу прямо с очага, стоя на пороге,
Во время прихода гостей со слугами и родичами затевающая ссору,
Бьющая в гневе детей, как будет счастлив тот, кому достанется такая
молодица? (701)

Узкоглазая, темнокожая, грязнуля, безобразная обличьем,
Прожорливая, с бегающим взглядом, жестокосердная, лишенная стыда,
Грубая в речах, чуждая любви, творящая недобрые дела,
Откуда будет счастье у того, у кого такая жена в доме? (702)

Она спит отвернувшись,
Во время соития притворяется больной
И гневается без причины, полная гордыни –
Такая женщина зовётся безразличной. (703)

Великий духом Ананта, исполненный блаженства,
В великой поэме, собрании стихов,
Описывает признаки женщины, безразличной к мужу. (704)
Таково в «Шри-Кама-самухе» описание безразличной женщины.

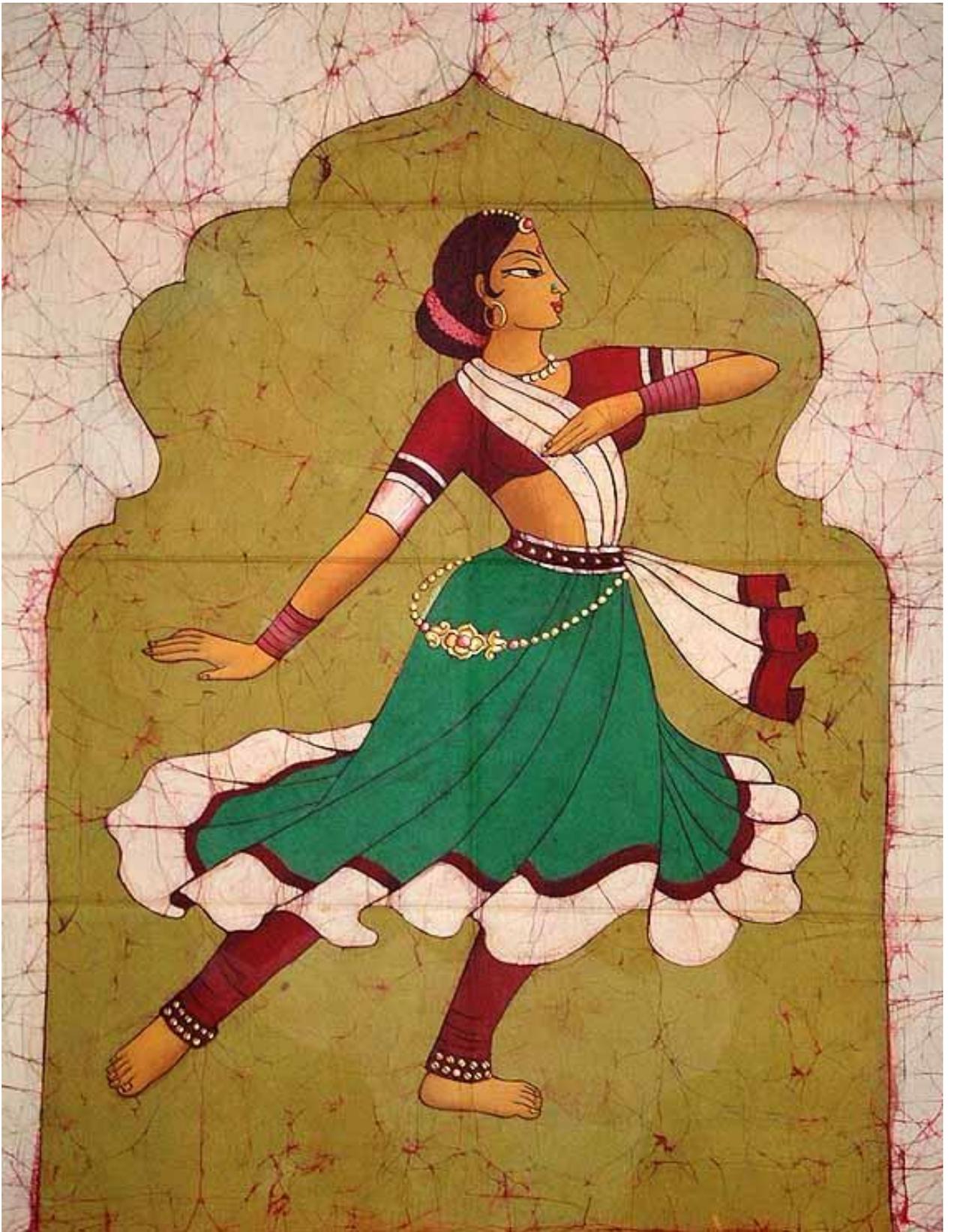
Теперь описание верной жены.
Она жива, покуда жив супруг,
И умирает в час его ухода,
Она ликует, если счастлив он,
От природы полная любви,
Кто с этой благородной женщиной сравнится? (705)

Чья жена чиста душою,
В домашних делах искусна,
Готова повсюду следовать за мужем,
И сладкоречива, лишь та
Женой зовется, и никто иной. (706)

Чья жена добродетели ценит,
Повеленья мужа исполняет
И даже самой малостью довольна,
Для того рай находится в этом мире. (707)

Преданность мужу, состраданье к прибежище нашедшим, почтение к свекру
и свекрови,
Приязнь к родичам, уважение к старшим, способность даже преступника
простить,
И к женам-соперницам дружеское расположение, таким непреходящим
предписаниям
Благородные женщины следовать должны, чтоб мужа завоевать любовь.
(708)

Она встает, когда приходит хозяин дома,
Его словам внимает со смиреньем,
На его стопах взор остановив, ему сиденье предлагает и выслушивает его
сама,
Пусть спит она там, где и он, и раньше него покидает ложе,
Прежде мудрые установили эти истинные предписания для благородных
женщин. (709)

Кто целовал лотос-лицо благородной женщины,
Свой томный взор потупляющей от стыда,
Как может отыскать наслаждение в устах блудницы,
На которых оставило отметины множество мужчин? (710)

Слепого, горбатого, калеку, мучимого болезнью,
Попавшего в беду мужа целомудренная женщина не оставит никогда. (711)

Преданная и послушная, она не оставит дом мужа
Заботясь о благе его – такая целомудренной зовется. (712)

Омыв его стопы, она вкушает после того как он поел,
И приятное говорит всегда – такая целомудренной зовется. (713)

Она покинет любимого сына и родителей дорогих,
Но мужа в беде целомудренная не бросит никогда. (714)

На другого мужчину не посмотрит
И чувств к нему не проявит,
И даже соблазняемая, взаимностью не ответит –
Такая целомудренной зовется. (715)

В горе или в радость,
В лес или в дворец,
Благородные женщины
Без раздумий следуют за мужем. (716)

Та жена, кто искусна в домашних делах,
Та жена, кто мужу верна,
Та жена, кто для мужа живёт,
Та жена, кто сыновей рождает. (717)

Мужчина, которому она в жены отдана
Матерью, отцом или братом,
Должен быть почитаем ей, как божество,
Пусть он даже лишен всех достоинств. (718)

Отец, муж и сын пусть женщину
Соответственно в детстве, юности и старости
Усердно оберегают,
Иначе позор на семью падёт. (719)

Ложится спать, после того как заснул
Её супруг, и раньше него встаёт,
Вкушает, после того как он поел,
И родичей почитает жемчужина среди женщин. (720)

Пусть молодлица не бранит

Ни мужа, ни сквера, ни родичей иных,
И не принимает бетель,
Другим преподнесенный,
Вот лучшая из женщин. (721)

Благородным женщинам не следует ходить
Ни на праздник, ни на площадь, ни на дорогу,
Ни отправляться в паломничество,
Ни посещать выступления сказителей, ни театры. (722)

При приближении мужа
Она с почтением встаёт,
И поместив взор на его стопы,
Ему сама сиденье предлагает. (723)

Когда он с ней заговорит,
Она стыдливо и с почтением ему внимает
И сама прислуживает ему учтиво. (724)

Чуждая в душе обману,
К мужу и к скверу почтительно она,
Всегда смиренная
И к родичам полная любви. (725)

Добрая к женам-соперницам,
Заботящаяся об окруженье,
Среди друзей мужа с почтеньем
Спрашивающая: «Чего они хотят?» (726)

Благородным женщинам запрещено
Маячить в дверных проемах,
Глазеть на представленья лицедеев
И у круглых окон стоять. (728)

Показывать тело посторонним мужчинам,
С ними играть, болтать и веселиться
И ходить быстрым шагом
Благородным женщинам не подобает. (729)

Сначала «нет, не надо», – она бормочет,
Но вот в её сердце рождается желанье,
Затем робкая попытка, покрытая стыдом,
А после она теряет стойкость,
И растаявшая от любви, палимая вожделеньем,
Становится дерзкой в играх
И свободно трётся телом,
Так все больше радости приносит
Соитие с женщиной благородной. (730)

Счастлив муж верной женщины, счастлива ее семья,
И дом, и даже увидеть её это счастье. (731)

В чьем доме нет целомудренной жены,
Дом того подобен лесным дебрям,
Заполучив порочную супругу,
Мужчина в тяготах кое-как проводит дни. (732)

Один лишь вид верной и праведной жены,
Поставившей преданность мужу высшей целью
И непрерывно занятой исполнением его повелений,
Очищает от грехов, совершенных прежде. (733)

Рожденный среди горожан,
Сын придворного Манданы
Ананта в великой поэме
Рассказывает об образе жизни
Женщины, верной мужу. (734)
Таково в «Шри-Кама-самухе» описание верной жены.

Теперь описание развратницы.
Они болтают с одним,
На другого бросают пылкие взгляды,
А в сердце думают о третьем,
Кто же их любимый? (735)

Чья жена с безобразными глазами,
Сварливая грязнуля,
Любящая прекословить, то она это Джара,
Сулящая старость и немощь. (736)

Что думают они, то не говорят,
Что говорят – наружу не выходит,
Что наружу не выходит, они не совершают,
Удивляют женщины своим нравом. (737)

Красавицы одного мужчину держат в сердце,
К другому обращают призывные взоры,
Третьему дают возможность поболтать с собой,
А с четвертым наслаждаются любовью. (739)

Даже будучи девой, в одиночку я не спала
И на другого мужчину, кроме как на любимого, не смотрела,
Соблюдением этой семейной традиции
Пусть будет довольна Благодетельница мира. (740)

Глазки строит одному, болтает со вторым,
Гуляет с третьим, а с четвертым наслаждается соитьем,
Многолика эта женщина, кому ж она принадлежит? (741)

У женщин, порочных душою, один мужчина в сердце,
Другой – на языке, а с третьим они рядом,
Такую судьбу начертал Творец им в образе трех складок над пупком. (742)

Разостланное ложе, верный муж и чудный дом –
На это презрительно, как на траву,
Смотрят женщины, жаждущие тайных любовных наслаждений. (743)

Для сладострастных женщин время высочайшего блаженства настает
В ненастный день, когда небо затянуто черными тучами,
По городским улицам трудно пройти,
А муж в отлучке на чужбине. (744)

Беззащитная молодая женщина, я бедняжка, одна в этом доме,
Супруг отправлялся на чужбину,
О чем ты просишь? Остановиться здесь?
Слепа и глуха моя свекровь, о глупый путник! (745)

«Дом пуст, в долгой отлучке муж, и сейчас настала ночь,
Не подобает оставаться здесь, тайно уходи, не замеченный людьми», –
Когда молодлица с подвижным взором устами служанки это путнику сказала,
Он, обождав немного и воскликнув: «Куда идти? На дворе уж ночь»,
остался. (746)

Удобное ложе, бетель, крепкие объятия и поцелуи
Не сравнятся с одной стотысячной долей
От наслажденья тайной любовной связью, что длилась миг. (747)

Ни добрых слов, ни ласковых взглядов,
Когда к ней обращаются, извергает гнев,
И к друзьям ненависть питает. (748)

В разлуке радуется и даже притворно не ревнует,
А при встрече печалится и страдальчески трёт лицо. (749)

Взойдя на ложе, быстро засыпает,
От прикосновения испытывает ужас
И за добро не благодарит,
Вот это признаки женщины развратной. (750)

Радостно и усердно собрав стихи поэтов, Ананта
В этом сборнике, посвященном любви,
Поведение развратной женщины описал. (751)
Так, в «Шри-Кама-самухе» закончено описание развратницы.

КОММЕНТАРИЙ

1. *Индрами средь данав* (dAnavendraiH) – данавы это один из двух основных родов асур, потомки Кашьяпы и Дану, дочери Дакши [Индуизм 1996: 160]. «Индра» в пуранах и Махабхарате не столько личное имя, сколько титул, обозначение статуса: «царь, вождь». Индра, правящий богами в текущем мировом периоде, имеет свои личные имена и специфические для него имена-эпитеты: Шакра, Магхаван, Тысячеокий и др. Выражение «Индра среди данав» равносильно выражению «царь данав», «первый среди данав», «Индра богов» – то же самое, что и «царь богов», «Индра слонов» – «царь слонов» или «вожак стада слонов» и т. д. [Махабхарата 1987: 609]. *Владыка препятствий* (vighna-rAjaH) – эпитет Ганеши, сына Шивы, почитаемого как божество мудрости и образованности, устраняющее препятствия. С обращения к Ганеше начинаются, как правило, санскритские тексты [Индуизм 1996: 138; Мифы 1991: 264–265]. *змеев* (ahi...) – имеются в виду наги, мифические полулюди-полузмеи, населяющие подземный мир [Индуизм 1996: 299].

2. *Милостью Сарасвати люди сочиняют стихи* (sarasvatyaH prasAdena kAvyaM kurvanti mAnavaH) – Сарасвати это богиня речи и мудрости, покровительница ученых и поэтов. Изображается в образе прекрасной женщины, одетой в белое и с музыкальным инструментом вина в руках [Индуизм 1996: 394]. Как «стихи» переведено слово kAvya, согласно Апте, это «а роем; poetics, poetry, poetical composition» [Апте 1988: 147].

3. *многомудрым* (mahAmatInAM) – в текстах на санскрите эпитеты, используемые для характеристики героев, нередко представляют собой сложное слово, первая часть которого прилагательное mahat (mahA-) – «большой», «великий». К этому ряду относятся mahAmati – «многомудрый», mahAyashas – «многославный», mahAtejas – «великоблестательный», mahAbahu – «мощнодланый» [Рамаяна 2006: 735]. *Бхарати* (bhArati) – одно из имен Сарасвати [Апте 1988: 403], см. коммент. к № 2.

4. *о Ламбодара* (lambodara, букв. «вислобрюхий») – одно из имен Ганеши (см. коммент. к № 1), изображаемого с головой слона и большим шарообразным животом [Индуизм 1996: 138].

5. *сына Махешвары* (maheshvara-sunosh) – т. е. Ганеши, см. коммент. к № 1. *дочери Творца* (vidheH sutAyaH) – т. е. богини Сарасвати, которая в некоторых послеведийских источниках выступает дочерью (в других – женой) Брахмы, выполняющего функцию творца мироздания [Мифы 1992: 409]. А.Ш. Патхак неверно переводит как «the daughter of destiny» [Kama Samuha 2008: 47], из-за того, что слово vidhi имеет значение как «творец», так и «судьба».

7. *гуру* (guru) – духовный наставник в индуизме [Индуизм 1996: 155].

8. Удлинение продолжительности дня и сокращение продолжительности ночи часто упоминается в санскритской поэзии в стихотворениях, посвященных весне [Ingalls 1965: 110]. Автор данного стихотворения прибегает к аланкаре утпрекша («пренебрегающая различием»). Согласно Дандину, «когда естественная природа одушевленной или неодушевленной вещи преобразуется в нечто другое – это называют утпрекшей» («Кавья-дарша» II. 221) (цит. по [Гринцер 1987: 95]).

9. *манго* (chUta) – в индийском поэтическом каноне манговое дерево тесно связано с богом любви Камой (цветок манго – одна из его пяти стрел) и многообразно используется при описании любовных отношений. Зацветающие весной манго причиняют особые страдания томящимся влюбленным [Индийская лирика 1978: 200; Ingalls 1965: 110]. *чампака* (chamraka) – *Michelia champaca*, разновидность магнолии, произрастающая в восточных предгорьях Гималаев, Ассаме, Бирме и в Южной Индии. Высокое и быстрорастущее вечнозеленое дерево с темно-желтыми или оранжевыми ароматными цветками [Вальмики 1999: 488–489]. *От водочерпальных колёс* (ghaTI-yantra...) – о подобного рода колесе, вращаемом быками и именуемом «персидским», в ранних источниках нет ясных упоминаний, хотя, возможно, оно и применялось. Кроме того, из водохранилищ воду доставали посредством «журавля» с противовесом [Бэшем 1977: 208].

10. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (136). *Дует южный ветер* (dAkShiNAtyaH prasarati ravanaH) – этот образ часто встречается в санскритской поэзии. Весной ветер дует с юга, и особенно с Малайских гор (горный хребет, часть Западных Гхатов к югу от реки Кавери, включая Кардамоновы горы), где растут прохладные и благоуханные сандаловые рощи, и приносит аромат сандала и других растений, отсюда его эпитет *gandha-vAha* («несущий благоухание»). В антологии Видьякары «Субхашита-ратна-коша» теме южного ветра посвящен специальный раздел (1126–1142) [Махабхарата 1987: 729; Bhattacharyya 1999: 213; Ingalls 1965: 320; Ingalls 2000: 229–231]. Автор данного стихотворения прибегает к аланкаре дипака («светильник»). Дандин дает такое определение этой аланкаре: «Если одно-единственное слово, выражающее родовое понятие, действие, качество или индивидуальный объект, обслуживает все высказывание, украшение называют светильником» («Кавья-дарша» II.97) (цит. по [Гринцер 1987: 82]). В данном случае в роли слова, выражающего родовое действие, выступает «южный ветер». Также используется аланкара анупраса (букв. «бросание вслед», соответствует европейской аллитерации, с повторением одних только согласных) [Гринцер 1987: 124–126]: lolal-lATI-lalATAAlaka-latAlAsya IIIAvalolaH. *Кавери* (kAverI) – река в Южной Индии, истоки находятся в Западных Гхатах на территории современного штата Карнатака. Впадает в Бенгальский залив в штате Тамилнад. Называется Дакшина-Гангой («южной Гангой»). Впервые упоминается в Махабхарате [Ульциферов 2003: 235; Bhattacharyya 1999: 178]. *Карната* (karNATa) – страна, расположенная на юго-западе Индии на территории современного

штата Карнатака (до 1973 г. – Майсур) [Ульциферов 2003: 248]. *Ла́та* (lATA) – страна, находившаяся к западу от реки Нармада, которая протекает в центральной Индии и впадает в Аравийское море; вероятно, включала Бароду и Ахмадабад [Apte 1988: 663; Bhattacharyya 1999: 202–203].

11. Также содержится в «Субхашита-вали» (1688). Мужья уезжали по делам в сухое время года, середина которого приходилась на весну, и весной тоска разлуки достигала наивысшего напряжения. Грусть же у героинь индийской лирики достигает такой степени, что они могут даже умереть [Классическая поэзия 1977: 816]. *Цветочнострелого бога* (kusuma-vishikha) – эпитет бога любви Камы, вооруженного луком с цветочными стрелами. *кукушка* (pika) – кокиль или черная индийская кукушка, ее музыкальное пение в санскритской лирике вызывает нежные чувства и ассоциируется с любовным томлением. Эту птицу чаще всего упоминают в связи с весной [Классическая поэзия 1977: 840; Monier-Williams 2015: 312]. *ту хи* (tu hi) – на хинди означает «ты один» [Kama Samuha 2008: 48].

12. *Словно лесной пожар* (dAvAgni-pratimA) – лесные пожары являются частым явлением в Индии во время ее очень жаркого и сухого лета. Раньше крестьяне специально устраивали пожары, потому что земледелие было подсечно-огневым [Ingalls 1965: 120]. Автор стихотворения прибегает к аланкаре утпрекша («пренебрегающая различием»), см. коммент. к № 8. В данном случае зеленая листва сравнивается с лесным пожаром. *Прохладное время* – в оригинале shishira, промежуточный сезон между зимой и весной, приходившийся на январь-февраль.

13. Стихотворение посвящено страданиям гопи в разлуке с Кришной. Одна из гопи обращается к другой. *кукушка* – в оригинале kala-kaNTha, букв. «сладкоголосая» [Apte 1988: 138], см. коммент. к № 11. *киншука* (kiMshuka) – в дерево *Butea frondosa*. С января по март покрывается массой оранжевых и ярко-красных цветов, которые очень любят птицы. В санскритской литературе с цветами киншуки часто сравнивают раны воинов, полученные ими в битве, и отметины ногтей, которые мужчина оставляет на теле своей любимой. Д. Инголлс называет киншуку одним из самых красивых индийских деревьев [Вальмики 1999: 485; Ingalls 1965: 111; Ingalls 2000: 88–89]. *манго* (sahakAra) – см. коммент. к № 9. *Кришна* – в оригинале madhupati, это один из эпитетов Кришны [Apte 1988: 421].

14. См. коммент. к № 11.

15. Источник: «Шишупала-вадха» Магхи. *палаша* (palAsha) – то же, что и киншука, см. коммент. к № 13.

17. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (15). *красавицы, / Томимые желаньем в разлуке* (viyukta-rAmAtura) – см. коммент. к № 11. *явилось, как Хануман, ветром целуя цветы* (maruch-chumbita-puShpa <...> hanuman ivAgataH) – в индуистской мифологии божественная обезьяна Хануман, будучи сыном бога ветра Ваю, обладал способностью летать по воздуху, отсюда сравнение неожиданного прихода весны с явлением Ханумана [Мифы 1992: 577].

18. *Бестелесного праздник* (ana~NgotsavaM) – Бестелесный это эпитет бога любви Камы. Согласно преданию, Шива испепелил Каму огнем из третьего глаза из-за того, что тот по поручению богов пытался возбудить в нем страсть к прекрасной Парвати (см. поэму Калидасы «Кумара-самбхава» (3)) [Классическая поэзия 1977: 36–45; Ingalls 1965: 150]. Весной, когда появлялись побеги манго, по всей Индии праздновали «Мадану» или Васантотсаву («весенний праздник») – праздник в честь Камы, носивший характер оргиастического разгула. Во время этого праздника снимались все запреты и ограничения, регулировавшие любовные отношения в обычной жизни, и знатнейшие девушки танцевали у всех на глазах [Индийская лирика 1978: 12–13; Bhattacharyya 1999: 287]. *враджийских красавиц* (vraja-sundarIbhiH) – имеются в виду пастушки – возлюбленные Кришны. Враджа (Браджд) – это местность вблизи от Матхуры, где Кришна провел свое детство и юность [Индуизм 1996: 79; Arte 1988: 542]. *Аромат любви* – оригинале shR^iNgAra, одна из рас, эротическая любовь. В санскритской поэтике раса это определенная эмоция, вызываемая поэтическим текстом, всего, кроме упомянутой shR^iNgAra, различалось от восьми до десяти рас: vIra – героизм, bIbhatsa – отвращение, raudra – гнев, hAsya – радость, bhayaAnaka – страх, karuNa – жалость, adbhUta – удивление, shAnta – спокойствие и vAtsalya – родительская любовь. Более подробно о расах см. [Алиханова 1974: 34–39; Индийская философия 2009: 681–684].

19. *манго* (chUta) – см. коммент. к № 9. *цветочному луку* (kusuma-kArmuka) – т.е. луку бога любви Камы. *пот с грудей красавицы / После наслажденья с любимым* (suratAnta-kAnta-kAntA-kuchAnta-rata-ra~Ngita) – по замечанию Д. Инголлса, постоянное упоминание пота при описании любовных отношений европейцу покажется совершенно чуждым поэзии, но для индийского поэта пот свидетельствует об искренности и силе чувств [Ingalls 1965: 192; Ingalls 2000: 199]. *правильный вор* – в оригинале dharma-chauraH.

20. *Радуга бутонами манго кукушек и попугаев* (shukaH pikaM chUta-latA~NkareNa bhraman mudArAgam) – кукушки и попугаи любят есть бутоны манго. *Царь весны* (vasanta-rAjaH) – слово «весна» на санскрите мужского рода, и это время года персонифицируется в облике прекрасного юноши – спутника Камы, в то время как мы привыкли воспринимать весну в образе девушки-красавицы, что создает определенную трудность при переводе и восприятии. *Словно Бестелесный, тело обретший* (ana~Nga-mUrtimato'na~Ngasya) – см. коммент. к № 8.

21. *Он желает увидеть бутоны манго в клюве кукушки* (chUtA~NkurAn ichChatI kokilAsye) – см. коммент. к № 9, 11, 20. *Васанта* (vasantaH) – в данном случае слово vasanta «весна» оставлено без перевода, поскольку речь идет о персонификации весны в образе прекрасного юноши, см. коммент. к № 20. *палаша* (palAsha) – см. коммент. к № 13, 16.

25. *манго* (sahakAra) – см. коммент. к № 9. *киншука* (kiMshuka) – см. коммент к № 13. *ашока* (ashoka) – *Jonesia asoka* или *Saraca indica*, небольшое вечнозеленое дерево, изобильно цветущее оранжево-багровыми цветками,

образующими соцветия. Период цветения – январь-февраль. Имеет плотную темно-зеленую листву, которая используется для украшения ушей. Ашока связана с древними ритуалами плодородия. Согласно поверью, ашока цветет только от прикосновения ноги молодой женщины. В мифологии Будда родился под ашоковым деревом, и Равана держал Ситу в заточении в ашоковой роще. Венки из цветов ашоки изготавливали уже во времена «Камасутры» (I.4.4.42) [Вальмики 1999: 481; Ingalls 1965: 111; Ingalls 2000: 89; Shastri 2010: 198]. *нага* (nAga) – *Mesua ferres*, небольшое дерево [Вальмики 1999: 486]. *жасмин* – в оригинале mAgadhī, вид жасмина [Apte 1988: 433]. *Высочайший муж* (parama-puruSha) – эпитет Вишну.

26. *Царь весны* (rAjA vasanto) – см. коммент. к № 20. *Друг Владетеля пяти стрел* (pa~ncha-sharasya mitraM) – персонификация весны Васанта выступает спутником Камы, у которого пять стрел: drAvaNa («обращающий в бегство»), sHoShaNa («иссушающий»), bandhana («порабощающий»), mohana или saMmohana («сбивающий с толку») и AkarShaNa («привлекающий»).

27. *Шарада* (shArada) – в данном случае одно из имен богини Сарасвати [Мифы 1992: 409], см. коммент к № 2.

28. *кадамба* (kadamba) – дерево *Nauclea cadamba* или *Anthocephalus indicus*, расцветает в сезон дождей и в поэтическом каноне связано с эротической символикой [Индийская лирика 1978: 194; Махабхарата 1987: 795; Ingalls 1965: 126].

29. *фонтан* – в оригинале dhArA-yantra, согласно словарю Апте, это сложное слово переводится как «fountain, jet (of water)» [Apte 1988: 272]. *сандал* (shrIkhaNDa) – дерево, древесина и цветы которого отличаются сильным ароматом. Произрастает в основном в Южной Индии [Бхартрихари 1979: 118; Бэшем 1977: 209]. *канчука* (ka~nchuka) – легкая женская одежда, прикрывавшая грудь и плечи. Этим словом называлась и просто широкая лента-лиф, которая стягивала грудь и завязывалась на спине. Входила в состав предметов, тесно связанных с эротической привлекательностью женщины. В Кашмире словом «канчука» могла обозначаться и одежда, покрывающая тело от шеи до пят [Индийская лирика 1978: 205; Ingalls 1965: 165; Ingalls 2000: 129; Shastri 2010: 136].

30. *пальмовое вино* – в оригинале tAlI, от tAla, веерная пальма или пальмира, *Borassus flabelliformis*. Произрастает в прибрежных районах. Из нее получают разновидность сахара, из которого путем брожения производят пальмовую водку (тодди) и арак. Употребление различных видов вина было широко распространено по всей средневековой Индии. В частности, о популярности винопития в Кашмире свидетельствует Дамодарагупта [Бэшем 1977: 209; Вальмики 1999: 488; Shastri 2010: 132]. *тилак* (tilaka) – знак, наносимый на тело, чаще всего на лоб, и свидетельствующий об определенном статусе индивида. Выполняется с помощью краски, лака, различных паст (в т.ч. сандаловой), а также пеплом от сжигания коровьего навоза [Индуизм 1996: 417]. В данном случае имеется в виду, вероятно, тилак, выполненный сандаловой пастой, которая считалась средством,

спасающим как от жары, так и от любовной лихорадки. Эту пасту приготавливали из растертого в тончайший порошок сандалового дерева, часто окрашивали лаком и другими красителями, а затем умащали ею тело целиком или наносили в виде узоров [Бэшем 1977: 229; Ingalls 1965: 120, 508].

32. *холодно-лучистая Луна* (shItAMshu) – свет Луны считается прохладным.

33. *Миражи* – в оригинале mR^iga-tR^iShNA, букв. «жажда дичи» [Apte 1988: 445]. *весь мир словно охвачен лесным пожаром* (dAvAgni-sadR^isho bhavaH) – см. коммент. к № 12.

34. *возрастание желчи и давления крови* (pitta-raktam) – согласно представлениям аюрведы – традиционной индийской медицины – жизнедеятельность человеческого организма обеспечивается взаимодействием трех телесных флюидов: ваты (vAta, соответствует гумору ветра у Гиппократa), питты (pitta, соответствует гумору желчи) и капхи (kapha, флегмы). В состоянии сбалансированности эти три флюида выступают как тридхату (tridhAtu, букв. «три элемента»), и в таком случае человек здоров, а когда их баланс нарушается, он заболевает. Кроме того, к основным флюидам добавляется еще восемь элементов (bhUta), в число которых входит кровь (rakta) [Индийская философия 2009: 132–133].

35. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (352). *Сандал на телах* (chandanam a~NganAnAm) – летом применялись различные способы охлаждения, один из них – сандаловая паста [Бэшем 1977: 229; Ingalls 1965: 486], см. коммент. к № 30.

36. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (357) и «Субхашита-ратна-коше» (251) [Индийская лирика 1978: 174; Ingalls 1965: 133]. Стихотворение приписывается Панини.

38. *Шрути* (shruti) – тип индуистских священных текстов, делящихся на четыре класса: 1). веды, 2). брахманы, 3). араньяки, 4). упанишады. Шрути как священное откровение, переданное через мудрецов-риши, противопоставляется смрити – священному преданию. *молодица* – в оригинале taruNI, так называли молодых женщин [Индийская лирика 1978: 205]. Согласно Апте, это «a young or youthful woman» [Apte 1988: 231].

39. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (358). Наряду с весной, сезон дождей в индийской поэтической традиции – пора любви, и разлука в это время года особенно мучительна для влюбленных. На женщин, мужья или возлюбленные которых оказались в эту пору вдали от дома, дождь действует как змеиный яд: он вызывает у них болезненное состояние, которое, все обостряясь, приводит к смерти [Анандавардана 1074: 227–228, 238]. *цветет в изобилие жасмин* (sphuTati jAti-latA kusumAkare) – цветение жасмина часто упоминается в стихах, посвященных сезону дождей [Ingalls 1965: 126].

40. *дом, полный голосов* – в оригинале pAdukA-pUrNa-mandiram, букв. «дом, полный обуви» (pAdukA это «деревянная обувь» [Apte 1988: 331]), что означает, что все члены семьи находятся дома. *древние сказания* – в оригинале purANaM, что буквально и означает «быль».

41. *Хмельной напиток* – в оригинале kAdambarI. Апте дает такие значения этого слова: 1. spirituous liquor distilled from the flowers of the Kadamba tree; 2. spirituous liquor or wine in general [Apte 1988: 142]. *кадамба* (kadamba) – см. коммент. к № 28.
42. *десять сторон света* (dishodasha) – в санскритских текстах насчитывается десять сторон света, каждая из которых связана с отдельным божеством, которое считается ее хранителем: Индра – восток, Варуна – запад, Яма – юг, Кубера – север, Сурья – юго-запад, Сома – северо-восток, Агни – юго-восток, Ваю – северо-запад, зенит – Брахма, надир – Вишну-Нараяна [Бируни 1995: 264 – 267; Индуизм 1996: 256].
44. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (358). Источник: «Шрингара-шатака» (66) Бхартрихари [Бхартрихари 1979: 86]. Стихотворение приписывается Ратимитре. Тучи служат своего рода сигналом для возвращения домой ушедших на заработки. Подобная ситуация обыгрывается и в фольклоре, и в поэзии [Там же: 117]. О теме любовной тоски в сезон дождей см. также коммент. к № 39.
45. *Смара* (smara, «любовь») – одно из имен бога любви Камы [Apte 1988: 628].
46. *Говардхана* (govardhana) – холм в местности Вриндавана, место триумфа Кришны над Индрой, что символизировало закат культа ведийских богов и появление нового культа Кришны-Вишну. Когда Индра попытался ливнем затопить Вриндаван вместе с людьми и скотом, Кришна поднял холм над его обитателями и держал ее семь дней, в результате чего Индра был вынужден отступить (Бхагавата-пурана X.25) [Шримад-Бхагаватам 2010: 371–394].
47. Источник: «Шрингара-шатака» Бхартрихари.
48. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (188.19). Стихотворение приписывается Вишамадитье. *атаси* (atasI) – голубой флокс *Linum Usitatissimus*.
50. Источник: «Рагху-вамша» (19.38) Калидасы. Описываются любовные развлечения царя Агниварны, принадлежавшего к Солнечной династии [Калидаса 1996: 310].
52. *к полногрудым красавицам, стерегущим рисовое поле* (shAll-gopI-vikaTataTA-bhoga-bhogAbhirAmAH) – осенью крестьяне и в особенности молодые женщины (taruNI) охраняли от птиц и животных поля риса и сахарного тростника [Индийская лирика 1978: 6; Ingalls 1965: 136; Ingalls 2000: 106]. *сантапарна* (saptaparNa) – *Alstonia* или *echites scholaris*, семилистное дерево [Вальмики 1999: 487; Shastri 2010: 200].
54. *от желчи и давления крови* (pitta-shoNita-saMyukte) – см. коммент. к № 34.
55. *гурлянду из благоуханных цветов жасмина* (parimala...mAlatI-puShramAlA) – речь идет о жасмине mAlatI, имеющем благоухающие белые цветы [Apte 1988: 437; Shastri 2010: 199]. *качается на качелях ... пылкая женщина* (cha~nchalA chApi dolA...kAminI) – использование качелей при любовной игре известно в индийской эротической традиции, поскольку сам акт качания

напоминает, возможно, движения при любовном соитии. В Махараштре во время праздника в честь Камы «Мадана» женщины качались на качелях (см. коммент. к № 18). Хиндустанцы начиная с третьего дня месяца чайтра в течение месяца отмечают праздник хиндоли чайтр – чайтр качелей. Во время этого праздника верующие качают на качелях изображения божеств. Ритуалы этого праздника связаны с аграрной магией. Об этом свидетельствует конструкция качелей божества (их важнейшим элементом является шест или дерево, к которому они привязываются – вероятно, символ мирового дерева) [Индийская лирика 1978: 12–13; Котин 2005: 29–30]. Бируни пишет, что в этот праздник верующие «встречаются в девагрихе Васудевы и качают его идол так, как поступали с ним самим, когда он лежал в колыбели, будучи младенцем. То же самое они проделывают весь день в своих домах и предаются веселью» (цит. по [Бируни 1995: 487]). Еще один праздник, во время которого используются качели, это гангоур (гангаури, гауратар), отмечаемый в честь богини Парвати на третий день месяца вайшакха (апрель–май) [Индийские праздники 2005: 37–40]. Бируни сообщает, что по случаю гауратара «женщины моются, наряжаются и поклоняются ее идолу, перед которым возжигают светильники и приносят благовония, воздерживаются от еды и качаются на качелях» (цит. по [Бируни 1995: 487–488]).

56. Источник: «Шрингара-шатака» Бхартрихари (97) [Бхартрихари 1979: 90]. *облаченные в рдяные одежды* (mА~njiShTha-vAso) – согласно словарю Апте, mА~njiShTha означает «красный, как марена» [Апте 1988: 433]. Поэтому И.Д. Серебряков не прав, переводя: «одетые в цветные одежды» [Бхартрихари 1979: 90]. *С телами, умащенными шафраном из Кашмира* (kAshmIra-drava-sAndra-digha-varuShaH) – шафран это порошок желтого, оранжевого или ярко-красного цвета, получаемый из высушенных рылец шафрана посевного (*Crocus sativus*) [Ingalls 1965: 519]. Кашмир (kAshmIra) – историческая область на северо-западе Индостана, ныне разделенная на индийский штат Джамму и Кашмир, самопровозглашенное непризнанное государство Азад Кашмир, фактически входящее в состав Пакистана, и небольшую территорию, контролируемую Китаем. *С орехами и листьями бетеля во рту* (tAmbUll-dala-pUga-pUrita-mukha) – речь идет об орехах арековой пальмы, обладающих лёгкими наркотическими свойствами, которые в измельченном виде смешивают с известью и другими ингредиентами, завертывают в лист бетеля (род перца, *Piper betel*) и жуют после еды, и вся эта смесь такая именуется бетелем [Бэшем 1977: 209; Shastri 2010: 149–150].

57. *Листья бетеля* (tAmbUla) – см. коммент. к № 56.

58. *мокрота и ветер преобладают в теле* (kapha-vAtayoH) – см. коммент. к № 34.

59 Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (363.1).

62. *бетелевые листья* (tAmbUlaM) – см. коммент. к № 56.

63. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (351.5). *обделен Судьбою* – в оригинале daiva-daNDitAH. По мнению академика Б.Л.

Смирнова, понятие Рока или Судьбы (daiva) не носит в индуистском мировоззрении фаталистического характера и не соответствует понятию «мойра» древних греков. Мойра, как он указывает, неумолимая и слепая сила, которой подвластны и боги. Дайва же является частной модификацией кармы, индивидуальной кармой, вытекающей из совершенных деяний, а следовательно, справедливой, а не слепой силой [Бхагавадгита 1994: 293–294; Махабхарата 1984: 175]. Однако, по моему мнению, Б.Л. Смирнов ошибается, так как он рассматривает индуистское мировоззрение как нечто застывшее, без учета его исторического развития. Более правильной мне представляется точка зрения Я.В. Василькова, который противопоставляет фаталистическую концепцию дайвы концепции кармы, которая, как он считает, является более поздним явлением [Махабхарата 1998: 142].

65. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (361.4).

66. *Ветер и мокрота преобладают в теле* (vAta-shleShma-prayogNa) – см. коммент. к № 34.

67. *игривый ветер ... принося благоуханье манго с Малайских гор* (ShAyate malayAchala-cUta-mAlAn drAvAti mAruta) – см. коммент. к № 9,10.

68. *Владелец пяти стрел* (pa~ncha-vishikho) – см. коммент. № 26.

70. *Терзаемая стрелами Камы* (kAmasya bANaiH paripIDitA) – см. коммент. к № 26. *Ночью не напрасно соединяясь с мужем* (naktaM mitho bhartur amoghasaMgame lebhe) – в дхармашастрах для зачатия предписывались только ночи, а дневное время запрещалось (Яджнявалкья-смирити 1.70). Основанием для этого было представление, что жизненные силы того, кто соединяется со своей женой днем, пропадают. «Поистине, те, кто соединяется в любви днем, укорачивают (свое) дыхание; те, кто соединяется в любви ночью, воздержаны» (Прашна-упанишада 1.13) [Пандей 1990: 73].

71. Источник: «Кумара-самбхава» (1.25) Калидасы [Классическая поэзия 1977: 28].

72. *Лакшми* (lakShmI) – богиня красоты, богатства и счастья, супруга Вишну. Обычно изображается прекрасной женщиной, восседающей на лотосе и с лотосом в руке [Индуизм 1996: 253]. *Мурари* (murAri) – эпитет Вишну и Кришны [Арте 1988: 443]. *Бхавани* (bhavAnI, букв. «сухая») – одно из имен супруги Шивы Парвати [Арте 1988: 401]. *ты не дал мне тысячу глаз* (karoShi kiM nu vadane cakShu sahasraM) – намек на известный миф о том, как Индра обрел тысячу глаз. Некогда по велению богов была создана прекрасная небесная дева Тилоттама, которой залюбовались сами боги, когда она обходила их собрание, и неотступно следили за ней глазами. Один лишь Индра с Шивой устоял, но так как первый тоже сильно жаждал смотреть на нее, у него появилось тысяча глаз (Мбх I.203.20–27) [Махабхарата 1992: 531; Мифы 1992: 512].

73. Источник: «Кумара-самбхава» (1.29) Калидасы [Классическая поэзия 1977: 28]. *Мандакини* (mandAkinI) – это рукав Ганги, стекающий через долину Кедаранатха в Гималаях, в северной части Гарвала [Махабхарата 1996: 297; Bhattacharyya 1999: 214]. *Словно удовольствие в том находила*

(krIDA-rasam nivashatIva) – на самом деле, Парвати была умудрена опытом прошлой жизни и лишь подражала поведению детей [Классическая поэзия 1977: 812].

74. Источник: «Кумара-самбхава» (1.31) Калидасы [Классическая поэзия 1977: 28]. *вино* (Asava) – согласно Апте, Asava это «any spirituous liquor» [Apte 1988: 90].

75. *Калинди* (kAlindI) – другое название реки Ямуна (совр. Джамна), правого притока Ганги, впадающей в неё у города Праяг (Аллахабад) [Ульциферов 2003: 178; Bhattacharyya 1999: 165].

76. *ложу, усыпанному лотосов лепестками* (padma-kandala-dalI-talpaM) – ср. с образом ложа, усыпанного лепестками роз, в европейской романтической традиции. *дом наслаждений* (rati... gR^ihe) – так называлась спальня [Индийская лирика 1978: 5]. *Сураштра* (saurAShTra) – другое название Анарты, древней страны на территории Гуджарата и примыкающей к ней части Малвы. Под названием Сураштра (surAShTra) упоминается в надписях Сатаваханов, династии, правившей центральными областями Декана на протяжении около 450 лет (III в. до н. э. – III в. н. э.) [Махабхарата 1987: 726]. *приятель Смары* (smara-suhR^it) – см. коммент. к № 45.

77. Подразумевается, что хотя Шива и сжёг огнем из третьего глаза Каму, Парвати в конце концов сумела добиться любви Великого бога и стать его женой, см. коммент. к № 18. Об этом рассказывается в поэме Калидасы «Кумара-самбхава» (V) [Классическая поэзия 1977: 45–54]. *Каму* – в оригинале manasi-jaM, букв. «рожденного в сердце», это один из эпитетов бога любви.

79. *чампака* (champraKa) – см. коммент. к № 9. *канкана* (ka~NkaNa) – браслет, который носили между плечом и локтем, ближе к локтю [Мукундорам 1980: 215]. *радуга* – в оригинале indra-chAra, букв. «лук Индры» [Apte 1988: 94–95].

80. *из трёх прядей заплетённая коса* (trigumpha-veNI) – индианки обычно заплетали волосы в косу или связывали в пучок; появляться на людях с распущенными волосами считалось неприличным, поскольку убранные волосы свидетельствуют о соответствии социальным условиям и принятии контроля общества. Волосы распускали только во время месячных или после смерти близкого родственника. Заметим, что богиня Кали изображается с распущенными волосами [Кинсли 2008: 111–113]. В данном случае идет речь о veNI – обычной косе, которая свободно двигалась, в противоположность dhammilla (dhammila) – волосам, завязанным в один большой пучок [Apte 1988: 268; Shastri 2010: 147] (упоминается в № 314, 385, 588). *канкана* (ka~NkaNa) – см. коммент. к № 79. *Мадана* (madana, букв. «пьянящий», «сводящий с ума») – одно из имён Камы.

81. Источник: Субхашита-ратна-бандагара (269.2). *белый лотос* – в оригинале kahlAra, цветок белой водяной лилии [Вальмики 1999: 484; Apte 1988: 181]. *Манматха* (mAnmatha, букв. «смущающий душу») – одно из имен бога Камы.

82. *жасмин* – в оригинале mallika, жасмин *Jasminum arborescens* с белыми махровыми цветами, похожими на маленькие розы [Индийская лирика 1978: 199; Shastri 2010: 199].
83. *оленихи* (chamaṅgaṆ) – согласно Апте, chamaṅI это самка вида оленя [Apte 1988: 205].
84. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (270). Стихотворение приписывается Сингапиде.
85. *амрита* (amṛ^ita) – божественный напиток бессмертия в индуистской мифологии [Индуизм 1996: 51–52].
87. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (269). Стихотворение приписывается Варуручи.
88. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (271.49). Стихотворение приписывается Бхасе. *рисунками сандалом* – в оригинале chandana-patra-lekhA, согласно Апте, patra-lekhA это рисунки, сделанные на теле, в особенности, на лице сандалом, мускусом или другой благоухающей субстанцией [Apte 1988: 312]. Инголлс пишет, что такие рисунки наносились на щеки и груди мускусом, шафраном и куркумой, причем чаще всего изображался дельфин – ездовое животное Камы [Ingalls 1965: 498]. *бога любви* – в оригинале ana~Nga, что значит «Бестелесный», см. коммент. к № 18.
89. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (271).
90. *Раху* (rAhu) – демон солнечного и лунного затмений. Согласно преданию, Раху единственному из асур удалось, приняв облик бога, вкусить амриты, когда боги завладели ей после пахтания океана (см. коммент. к № 85). Но Солнце и Месяц узнали его и выдали Вишну, который отсек Раху голову, прежде чем тот успел проглотить амриту внутрь. Голова демона, став бессмертной, вознеслась в небеса и с тех пор мстит Солнцу и Месяцу, периодически проглатывая их – так объяснялся феномен затмений [Индуизм 1996: 364–365]. Смысл стихотворения заключается в том, что тилак придаст лицу девушки сходство с Луной, потому что на лунном диске есть пятна, и демон Раху по ошибке его проглотит. В санскритской поэзии и мифологии существует большое число толкований происхождения пятен на Луне: газель, живущая в лунном диске, заяц, пыль, капли яда, следы удара и т. д. [Гринцер 2008: 540].
91. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (271.49). *После завоевания двух миров / Готового к вторжению на небеса* (vijitya loka-dvityayaM divaM pratismareNa bANo dhanuShIva yojitaṆ) – речь идет о трех мирах традиционной индуистской космографии: небо (svarga), земля (bhUmi) и подземный мир (pAtala) [Индийская философия 2009: 794–795; Махабхарата 1996: 278; Рамайна 2006: 733].
92. *мускусом / Из пупков оленьих* (mṛ^iganAbhijaM) – по поверью, у оленей в пупках содержится мускус [Классическая поэзия 1977: 813]. *у юных красавиц* – в оригинале gramadA..., согласно Апте, этим словом обозначается молодая красивая женщина [Apte 1988: 365].

93. *белые лотосы заставляет раскрыться* (bodhayan... kumudAni) – на санскрите kumuda это белая водяная лилия, которую еще называют лунной лилией, ибо она распускается с восходом Луны, в отличие от других лотосов, распускающихся с восходом Солнца [Вальмики 1999: 485; Апте 1988: 154; Shastri 2010: 199].
94. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (271). Стихотворение приписывается Калидасе.
95. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (272). Стихотворение приписывается Шарнгадхаре.
97. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (272). Стихотворение приписывается Шрихарше. *Подведенные сурьюю её очи* (tad-IkShaNe / a~njanAchite) – индийские женщины широко употребляли краску для глаз, изготовленную из растертой в порошок черной сурьмы, притом считалось, что она не только делает глаза красивее, но и предохраняет их от воспаления [Бэшем 1977: 229; Shastri 2010: 152k]. *трясогузка* (kha~njana) – небольшая птица с белой грудкой и черными крыльями, обитающая по берегам рек [Ingalls 1965: 136; Ingalls 2000: 106]. С трясогузкой часто сравниваются глаза красавиц.
98. *Сожжённый Пинакином / Кама в темный пепел обратился* (dagdhaN pinAkinA kAmo maShI-rUpeNa saMsthitaH) – Пинакин это эпитет Шивы, владельца лука Пинака (pinAka). О сожжении Шивой Камы см. коммент. к № 18.
99. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (290.12).
100. Также содержится в «Субхашита-вали» (2248), «Шрингара-шатака» (74) Бхартрихари [Бхартрихари 1979: 87].
102. Для индийских эротологических трактатов, начиная с «Камасутры», характерно противопоставление «горожанина» (nAgaraka) и «деревенского жителя» (grAma-vAsin). Горожанин – образец нормативного поведения, в том числе и в любви. Сельский житель же напоминает «грубого мужика» в европейских рыцарских романах, но может исправиться, подражая горожанину [Ватсыяна 1993: 28].
103. Источник: «Шрингара-шатака» (13) Бхартрихари [Бхартрихари 1979: 79; Индийская лирика 1978: 136]. В этом стихотворении с луком сравниваются брови юной невинной девушки, из-под которых летят стрелы кокетливых взоров. *О юная простушка* – в оригинале mugdhe, согласно Апте, это молодая девушка, очаровывающая своей девичьей наивностью; рассматривается как разновидность nAyikA в поэзии. mugdhA противопоставляется rrauDhA – взрослой женщине, имеющей любовный опыт [Апте 1988: 441; Ingalls 1965: 509].
104. Источник: «Шрингара-шатака» (70) Бхартрихари [Бхартрихари 1979: 87; Индийская лирика 1978: 132].
105. Автор данного стихотворения прибегает к аланкаре рупака. Дандин, давая ей определение, называет ее «сравнением, в котором не выражено различие [между субъектом и объектом]: например, руки-лианы, ладони-

лотосы, ноги-побеги («Кавья-дарша» П.66) [Гринцер 1987: 77–82]. *Дельфинознаменный* (makara-ketu) – один из эпитетов бога любви Камы, на чьем знамени изображен дельфин (makara). Д. Инголлс переводит слово makara как «крокодил» или «рыба» [Apte 1988: 415; Ingalls 1965: 149].

109. Источник: комментарий к «Куттани-мате» (147).

110. *белый лотос* (kairava) – лотос белого цвета, открывающийся при восходе Луны [Apte 1988: 164], ср. с коммент. к № 93.

111. Источник: «Шрингара-шатака» (11) Бхартрихари [Бхартрихари 1979: 79; Индийская лирика 1987: 136].

112. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (272).

114. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (273.115). Стихотворение приписывается Билхане.

115. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (121). *Даже полная нектара, обречена Луна исчезнуть* (sudhA-mayo 'pi kShaya-roga-shAntyai... chandraH) – согласно традиционным представлениям, Луна убывает от того, что боги и находящиеся в царстве Ямы предки пьют из нее амриту (нектар) (см. коммент. к № 85), из которой она состоит, а затем Солнце опять наполняет ей Луну [Темкин 1982: 33].

116. *чампака* (chamraka) – см. коммент. к № 9. *кувалая* (kuvalaya) – голубая водяная лилия [Apte 1988: 156].

118. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (138).

119. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (139).

120. *Сладости уст, подобных бимбы плодам* (bimbAdhara-rasAsvAdo) – бимба это растение *Momordica monodelpha*, приносящее ярко-красные плоды, с которыми обычно сравнивают губы красавиц [Вальмики 1999: 482; Apte 1988: 392].

122. *почтенных женщин* (purandhrINAM) – согласно Апте, purandhrI это взрослая замужняя женщина, почтенная матрона [Apte 1988: 341]. *лютни* – в оригинале vira~ncInAM [Apte 1988: 514].

123. В индийской эротологии мужчина и женщина, предаваясь любовной страсти, должны обильно награждать друг друга ранами от ногтей и укусов. Таким образом боль высвобождает накопившуюся сексуальную энергию. Само ложе любви рассматривается как поле брани [Ефименко 1996: 65]. Ватсьяна посвящает царапинам и укусам две главы в своей «Камасутре» – П.4.10; 5.11 [Ватсьяна 1993: 67–69]. По его словам, «нет другого пути, более подходящего, чтобы усилить влечение, как действия, совершаемые ногтями и зубами» (цит. по [Там же: 69]). nakha-vilekhana – царапание ногтями – различается по месту нанесения и следам, остающимся на теле. Всего насчитывается восемь видов царапин, наносимых на грудь, спину, плечи, рядом с интимными местами. Некоторые достаточно невинны, как, например, ardhachandra – царапина в виде полумесяца, которая наносится ровно закругленным ногтем, другие достаточно глубоки и обширны («тигриный коготь», «след павлина», «заячий прыжок»). Что касается кусания зубами (dashana-Chediya), то Ватсьяна выделяет восемь видов,

начиная от «скрытого укуса», вызывающего лишь временное покраснение, до таких, как «укус вебря», оставляющий цепь глубоких следов от плеча до груди женщины. Соответственно и в поэзии часто упоминаются подобные раны [Ingalls 1965: 199–200]. *Подобных бимбе* (bimba...) – см. коммент. к № 120.

124. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (273). 125. Автор стихотворения прибегает к аланкаре вьятирека («различение»). Дандин дает такое определение этой аланкаре: «Когда сходство между двумя вещами передано словами или подразумевается, но тут же указывается их различие – речь идет о вьятиреке» (Кавьядарша II.180) (цит. по [Гринцер 1987: 88]). *О подобии уст и коралла* (vidrumAdharaḡaḡoH sAmḡaM) – распространенное в санскритской поэзии сравнение, встречается также и в европейской литературе.

126. См. коммент. к № 123.

127. См. коммент. к № 123.

128. *чакоры, питающиеся лучами восходящей Луны её лица* (chakoḡA uḡyan-mukhendor aḡi) – чакора это птица *Perdix rufa* или Genus *alectoris*, индийская куропатка. По поверью, у неё при виде отравленной пищи мутнеют глаза, и единственная пища, которую она может употреблять, не опасаясь, что в нее подмешан яд, это источающие амриту лунные лучи [Бхартрихари 1979: 116; Классическая поэзия 1977: 840; Махабхарата 1987: 796; Ingalls 1965: 272, 532].

130. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (275) и «Субхашита-ратна-бхандагаре» (458) [Индийская лирика 1978: 161; Ingalls 1965: 177]. Стихотворение приписывается Шрихарше. Как замечает Ю.М. Алиханова, после IX в. традиционные сравнения (например, сравнение лица красавицы с Луной) часто остроумно обыгрываются [Индийская лирика 1978: 57]. *Хладнолучистый* (shlta-dyuti) – т.е Луна, см. коммент. к № 32. *Свой диск создает и создает и снова разрушает* (Atma-bimbaM nirmḡaḡa nitmḡaḡa ruḡaḡ vibhartti) – о другой, мифологической версии объяснения роста и убывания Луны см. коммент. к № 115.

131. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (275) и «Субхашита-ратна-коше» (498) [Индийская лирика 1978: 179; Ingalls 1965: 185]. Об обыгрывании в поэзии традиционных сравнений см. коммент. к № 130.

132. *синий лотос* – в оригинале indIvara, растение *Asparagus racemosus*, цветок синего цвета [Махабхарата 1987: 795; Apte 1988: 94]. *все виды чувств в любви* (sakala-surata-bhAvaḡi) – согласно Апте, одно из значений слова bhAva это «amorous gesture or expression of sentiment, gesture of love» [Apte 1988: 403–404]. Этот термин встречается в театроведческой литературе и поэтике, под bhAva, иначе именуемыми «устойчивыми чувствами» (sthḡyIbhAva), подразумеваются девять основных, способных сохраняться в течение длительного времени, эмоциональных состояний: любовь (rati), смех (hAsa), скорбь (shoka), героическое воодушевление (utsAha), гнев (krodha),

страх (bhaya), отвращение (jugupsA), удивление (vismaya) и чувство, описываемое Анандавардханой как состояние блаженства, возникающее в результате освобождения от жажды жизни (tR[^]iShNAkShaya-sukha) [Анандавардхана 1974: 215].

134. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (274). *на коралловом древе* – в оригинале pravAla [Apte 1988: 364].

135. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (326). Автор стихотворения обращается к аланкаре прахелика («загадка») [Гринцер 1987: 131–132]. *о юная простушка* (mugdhe) – см. коммент. к № 103. *Два синих лотоса* (indIvara, см. коммент. к № 132), упомянутых в тексте, это глаза девушки.

137. Автор стихотворения прибегает к аланкаре анупраса (см. коммент. к № 10): lalanA-lochanAnAM tu lAvaNyaM.

138. Также содержится в «Субхашита-вали» (1361). *Лепечущую: «Нет, не надо!»* (mAmentI mandAkSharaM) – индийская эротология придает большое значение «звуковому фону» любовной игры. В.А. Ефименко приводит мнение одно из древних авторов, которому «показалось, что молодая женщина, которая в пылу страсти кричит «Ох, ох! Не надо! Мама!», произносит мантры, возжигая лампаду перед богом любви» (цит. по [Ефименко 1996: 66]).

139. *С устами, красными от бетеля* (tAmbUla-raktoShTha...) – см. коммент. к № 56.

140. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (276). Стихотворение приписывается Калидасе. Связь ожерелья с женской грудью часто подчеркивается в санскритской поэзии [Shastri 2010: 142].

141. Автор стихотворения прибегает к аланкаре вьятирека, см. коммент. к № 125.

142. *пылкой красавицы* (bhAminyAH) – согласно Апте, слово bhAminI означает 1) прекрасная молодая женщина, 2) страстная женщина [Apte 1988: 403]. *бог любви* – в оригинале mAra [Apte 1988: 436].

143. Также содержится в «Субхашита-вали» (1529) и «Субхашита-ратна-бхандагаре» (276.224). *нежных рук* – в оригинале bAhupAshasya, букв. «рук-петлей» или, согласно Апте, «the arm thrown round, as in the act of embracing» [Apte 1988: 391].

144. *этой женщины-лотоса* – в оригинале tat-padminyAH. padminI (букв. «лотосная») это женщина, представляющая первый из четырех классов в классификации, которая впервые встречается в «Рати-рахасье» Коккоки. Описывается как лучший из этих типов. В дальнейшем упоминается в «Панча-саяке», «Ананга-ранге» (I.2.1–5), «Смара-дипике» и «Рати-ратна-прадипике» (1.3–10) [Ватсьяна 1996: 146; Apte 1988: 315; Bhattacharyya 1975: 107; Ratiratnapradipaka 2005: 1–3; Sacred Sexuality 2013: 5].

146. *Подобны банана стволу* (kadall-garbha-samAnA) – банановая пальма (Musa sapientum) имеет мягкий, гладкий, округлый и непрочный стебель, с ней сравниваются руки и бедра красавиц, а также она служит поэтическим

символом бренности земного бытия [Вальмики 1999: 483; Ingalls 1965: 515; Ingalls 2000: 128]. По мнению Ю.М. Алихановой, в отдельных случаях слово *kadaII* может обозначаться какое-то травянистое растение, цветущее в сезон дождей белыми возможно, быстро опадающими цветами [Индийская лирика 1978: 197].

147. Источник: «Кумара-самбхава» (I.41) Калидасы [Классическая поэзия 1977: 29]. Автор стихотворения прибегает к аланкаре вишешокти, которая, согласно Дандину, состоит в «указании на несовершенство качества, рода, действия и т.п. [субъекта] ради выявления его исключительности» («Кавья-дарша» II.323) (цит. по [Гринцер 1987: 110-111]). *шириша* (*shirIsha*) – дерево акации *Acacia sirissa* или *Albizia leblek*, родственное дождевому дереву [Вальмики 1999: 489; Махабхарата 1987: 796]. Цветы похожи на пушистый пучок ворсинок, маленькие полусферы, цвет от почти белого у центра до светло-зеленого-желтого на поверхности «полусфер». Одна из стрел Камы – цветок шириши [Классическая поэзия 1977: 840]. *Дельфинознаменный* (*makara-dhvaja*) – см. коммент. к № 105. *даже потерпев поражение, / Ими Хару за шею схватил* (*parAjitenApi kR^itau harasya yau kaNTha-pAshau*) – см. коммент. к № 18, 77.

149. *Сандалом умащенным* (*chandana-charchitAya*) – см. коммент. к № 35. *Несущим на себе отметины / Полумесяцев-ногтей* (*nakha-kShatendu*) – о роли ногтей в любовных играх см. коммент. к № 123.

150. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (277). Стихотворение приписывается Калидасе.

152. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (281.366). *Ганга* (*ga~NgA*) – самая священная река индуизма. Ее истоки находятся в Гималаях, а впадает она в Бенгальский залив. Индуисты совершают к ней паломничества, особенно к её истокам и городам Харидвар, Варанаси и Аллахабад (место впадения Джамны). На её берегах проходят кремации, в воде рассеивается прах умерших и осуществляются ритуальные омовения. Впервые (и только единожды) упоминается в Ригведе [Индуизм 1996: 139; Ульциферов 2003: 131; Bhattacharyya 1999: 131]. *ряд волосков* (*gomAI*) – это вертикальная линия волосков на теле женщины над пупком. Следует отметить, что они считались признаком красоты только у женщины со светлой кожей и черным волосами. Частое упоминание *gomAI* в санскритской поэзии, по предположению Д. Инголса, может быть связано с южноиндийским обычаем носить юбку и короткий лиф, оставляя верхнюю часть живота обнаженной. Этот обычай распространился на севере Индии в позднеклассическое время [Ingalls 1965: 153; Ingalls 2000: 121]. *Каушики* (*kaushikI*) – река в Бихаре, приток Ганги [Apte 1988: 166]. *считая место их слиянья чистой тиртхой* (*matvAkAmuka-tIrtham atra vimalaM tatrAnayoH saMgame*) – тиртхи (*tIrtha*, букв. «переправа, брод»), священные места паломничества индуистов, обычно располагаются на берегах рек, иногда – у слияния двух рек [Индуизм 1996: 417–418]. *Месяц ради избавленья от пятна / Совершает омовенье там* (*chandro majjati lA~nChanApanutaye*) – воды

Ганги считаются очищающими от грехов и исцеляющими от недугов, и потому индуисты совершают в них ритуальные омовения, предпочтительно в тиртхах [Индуизм 1996: 139]. *украдкой ставя отметины ногтей* (nakhA~nka-chChalAt) – см. коммент. к № 123.

153. *Разве не попадет в рай мужчина, / Пронзенный острыми стрелами на поле любовной брани* (nArAchair nishitair nikhAta-varuShAM puMsAm iha yodhane svargaH... kathaM durlabhaH) – согласно традиционным представлениям, смертные воины, павшие героями на поле битвы, попадают в мир Индры (svarga), где их убаживают апсары – небесные куртизанки и танцовщицы [Мифы 1991: 96].

156. Источник: «Шрингара-шатака» (54) Бхартрихари [Бхартрихари 1979: 84–85; Индийская лирика 1978: 183]. Автор стихотворения прибегает к аланкаре рупака, см. коммент. к № 105.

157. Источник: «Шрингара-шатака» (83) Бхартрихари [Бхартрихари 1979: 83]. *Ганга* (ga~NgA) – см. коммент. к № 152. Автор стихотворения прибегает к аланкаре анупраса, см. коммент. к № 10. В конце первой строфы стоит: rAra-vAriNi vAriNi, а в конце второй: manohAriNi hAriNi, благодаря чему образуется рифма, не характерная для санскритской поэзии.

158. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (277.248). Автор стихотворения прибегает к аланкаре утпрекша, см. коммент. к № 8. Иначе, груди красавицы настолько высоки, что привлекают всеобщее внимание, и так тесно прилегают друг к другу, что между ними не может уместиться ожерелье из жемчуга.

159. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (267.1).

161. Также содержится в «Субхашита-ратна-коше» (438), где приписывается Панини [Ingalls 1965: 172].

162. Также содержится в «Субхашита-вали» (1537). Стихотворение приписывается Бхаттапрабхакаре.

163. Ср. со стихотворением № 429 в «Субхашита-ратна-коше», которое приписывается поэтессе Бхавакадеви [Ingalls 1965: 172].

164. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (267.11) и «Субхашита-ратна-коше» (379) [Индийская лирика 1978: 151; Ingalls 1965: 162]. *Кого не сведет с ума – в оригинале ka iha na skhalati*, букв. «кто здесь не спотыкнется».

165. *грудей округлых* – в оригинале stana-golakaM. *уст, подобных плодам бимбы* (bimbAdhara) – см. коммент. к № 120.

166. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (87.4).

167. *буграм на голове слоньей* (kari-kumbham) – речь идет о двух выпуклостях или «горшках» (kumbha), составляющих немаловажную часть анатомии животного: именно в них помещаются железы, из которых время от времени, когда слон впадает в состояние так называемого муста (течка), выделяется особая жидкость – мада, и слон становится крайне агрессивным. Эпос и пураны часто используют образ «взбешенного» (matta), то есть

находящегося в периоде муста слона [Махабхарата 1987: 611; Махабхарата 1998: 204; Махабхарата 2005: 182; Махабхарата 2009: 352; Ingalls 1965: 473].

168. Ср. стихотворение № 156. *в чаще волосков* (roma-rAji-gahane) – см. коммент. к № 152. *Мадхусудана* (madhusUdana) – здесь Кама. *Лишающий мужчин одежды даже днем, а что ж говорить о ночи?* (nirvastrI kriyate divAri hi naro rAtrau nu kiM kathyate) – речь идет об обнажении во время любовных наслаждений.

169. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (267).

171. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (267.18).

172. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (278)

173. Также содержится в «Субхашита-вали» (1546). *для помазания* – в оригинале abhiSheka, это центральный эпизод обряда царского посвящения. Царя окропляли водой из различных рек, налитой в четыре сосуда из разных пород дерева [Индуизм 1996: 37]. *Цветочного владыки* (puShpeshor) – т.е. Камы. *два бугра / На голове царя слонов во время течи* (unmade-dvira-pateH kumbho) – см. коммент. к № 167. В одном месте (yugalayor IIIA-latA-sat-phalena) автор стихотворения прибегает к аланкаре анупраса, см. коммент. к № 10.

174. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (277).

175. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (278). *Как бугры на голове слона во время течи* (madana-kariNaH kumbha-yugalaM) – см. коммент. к № 167. *сосуды с амритой, добытые из океана для наслаждения благочестивых* (samudraM bhogAyAmR^ita-kalasha-yugmaM) – согласно популярному индуистскому мифу, некогда боги и асуры совместно стали пахтать океан, чтобы добыть из него амриту, напиток бессмертия (см. коммент. к № 85). Они использовали гору Мандару как мутовку, установив ее на спине гигантской черепахи, опустившейся на дно океана, и обметав, как веревкой, змеем Шешей (Васуки). В результате из океана появляется амрита, а вместе с ней целый ряд соковок (в источниках называется разное их число) [Мифы 1991: 536; Темкин 1982: 248]. *со свежими следами от ногтей* (nava-nakha-padA~NkaM) – см. коммент. к № 123.

176. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (277.272).

177. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (277.249).

178. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (280.331). *владеющих собою* – в оригинале vashinAm, согласно Апте, одно из значений слова vashin «one who has subdued his passions» [Апте 1988: 496].

179. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (280/331). *трех складок* (trivall) – три складки над пупком – один из канонических признаков женской красоты [Классическая поэзия 1977: 29, 813; Ingalls 1965: 479]. *пишача* (pishAcha) – в индуистской мифологии представитель низшего из трех классов демонов (еще асуры и ракшасы), отвратительный бес, пожиратель трупов, мучитель больных, обитающий на местах кремации [Индуизм 1996: 329].

182. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (39.13). Стихотворение приписывается Аргате.

183. Автор стихотворения прибегает к аланкаре рупака, см. коммент к № 105.

186. Автор стихотворения прибегает к аланкаре артхантараньяса, «в которой, говоря о каком-либо обстоятельстве, упоминают другое, способное быть подтверждением первого» («Кавья-дарша» II.169) (цит. по [Гринцер 1987: 87–88]). *Зрелая в высшей степени поэзия, / Нарушающая древние устои, / Наиболее чтится среди поэтов* (prauDhi-prakarSheNa purANa-ItervyatikramaH shIghya-tamaH kavInAM) – под «устоями» здесь подразумевается rIti – признанные стили санскритской поэзии, учение о которых разработано теоретиком поэтики Ваманой [Гринцер 1987: 20–21]. По замечанию Ю.М. Алихановой, с IX в. в санскритской поэзии происходит изживание поэтического канона. Поэтому, с одной стороны, происходит повышение метафоричности и усложненности, а с другой, проявляется стремление к стилистической простоте и миру обыденных вещей [Индийская лирика 1978: 57–58]. Как замечает П.А. Гринцер, «понятия новизны и традиционности не противоречат друг другу. Новизна не предполагает ломки канона, но самими канонам предусматривается. Последний указывает не только традиционные, обязательные темы, образцы, типы героев и т. д., но и освященные традицией пути их интерпретации и трансформации» (цит. по [Гринцер 2008: 510]). По мнению исследователя, всю санскритскую поэзию можно представить как непрерывную цепь вариаций. Касаясь темы индивидуальной специфики творчества индийского поэта в традиционную эпоху, П.А. Гринцер ссылается на классификацию поэтов, данную Раджашекхарой в «Кавья-мимансе». К высшему классу, по его словам, принадлежат те, кто вводит в поэзию новое содержание, замечая, что такие поэты очень редки. Остальные четыре класса составляют обычные земные поэты, имеющие дело с обычным содержанием, темами и мотивами, однако так или иначе их изменяющие. С необычностью и красотой таких изменений и связано в санскритской поэзии представление об индивидуальных особенностях творчества [Гринцер 2008: 543].

187. Также содержится в «Субхашита-вали» (1539.1540).

188. *Владыка дня* (dinesha) – эпитет Сурьи, бога Солнца. *Ганеша* (gaNesha) – см. коммент. к № 1. *Капалин* (kapAlI, «носящий череп») – эпитет Шивы. *Капали* (kapAlI) – эпитет супруги Шивы. *Мурари* (murAri) – см. коммент. к № 72. *Виринчи* (virI~nchi) – имя Брахмы.

189. *троемирье* (bhuvana-trayaM) – см. коммент. к № 91.

191. *Напоминающие бугры на голове великолепного слона во время течки* (manohAri-mattebha-kumbhAnukAri) – см. коммент. к № 167.

192. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (288.21). *Жар страсти иссушил сандаловую пасту / На грудях красавицы* (madana-dahana-shuShyat...kAntA-kuchAntarghana-malaya-ja-ra~Nke) – в оригинале сандал передается как malaya-ja-ra~Nka, букв. «паста с Малайи», см. коммент. к № 10. Индийские красавицы обычно покрывали грудь благоуханными

цветными мазями – сандаловой, шафранной и др. [Индийская лирика 1978: 199].

193. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (379.9). Автор стихотворения прибегает к аланкаре самасокти («сжатое описание»). Дандин дает этой аланкаре такое определение: «Когда, имея в виду одну вещь, говорят о другой, с нею сходной, – такое высказывание из-за его краткости называется сжатым описанием» («Кавья-дарша» II.205) (цит. по [Гринцер 1987: 90–91]). В данном случае золотая лиана это тело женщины, а две горы – ее груди.

194. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (278.279). По индийским поверьям, в головах у слонов образуются жемчужины [Классическая поэзия 1977: 812; Ingalls 1965: 528].

195. Автор стихотворения прибегает к аланкаре анупраса (см. коммент. к № 10): taruNa-vAruNa.

196. *Приспособили их для дела воровства* (charantyetA stenAkAryeShu) – то есть для похищения мужских сердец.

197. *Невежды сравнивают их с кривыми буграми / На голове слона, что привлекательности лишены* (vilAsa-hInair ibha-kumbha-chakrair vakraiH saHAvAntulitau arj~naiH) – обыгрывание традиционных сравнений было присуще позднему периоду классической санскритской поэзии, см. коммент. к № 130.

199. *С семи материков* (sapta-dvIpa) – согласно традиционной индуистской космографии, Земля, представляющая собой плоский диск огромных размеров, состоит из семи материков, имеющих форму кольца и разделенных между собою океанами из различных субстанций [Бэшем 1977: 514].

205. Также содержится в «Субхашита-вали» (1538). Стихотворение приписывается Шакавриддхи. *Высокие и полные перси, умащенные черным алоэ* (unnataH prollasaddhAraH kalAgurUmallmasaH) – см. коммент. к № 192.

206. *торжества в честь Камы* (ana~Nga-ma-Ngala, букв. «в честь Бестелесного») – см. коммент. к № 18.

207. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (278.295). *Манобхава* (manobhava, букв. «возникший в сердце») – эпитет Камы. Автор стихотворения прибегает к аланкаре рупака, см. коммент. к № 105.

210. *приводя в волнение* – в оригинале pulakaM, букв. «поднявшиеся на теле волоски», традиционное для индийской поэзии описание сильных эмоций [Классическая поэзия 1977: 832].

211. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (290/11).

212. *Ганга* (ga~NgA) – см. коммент. к № 152.

213. Источник: комментарий к «Кутгани-мате» (302).

214. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (332.1).

талиман – в оригинале rakShAmAlikA [Apte 1988: 462].

215. Источник: комментарий к «Кутгани-мате» (302).

216. *О сестра канчука* – в оригинале bhrAtaH ka~nchuka, «брат канчука», поскольку слово ka~nchuka на санскрите мужского рода.

217. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (97.78). *ногти-стрекала их яростно ранят* (nakharAMkusha-ghAta-vegaiH) – см. коммент. к № 123. *Воистину, что начертано на челе, не изменишь* – в оригинале tenAnyathA bhavati yAkShara-mAlA bhAle.

218. *по воле Судьбы* (vidhi-vashAd) – см. коммент. к № 63.

220. *бильва* (bilva) – растение Aegle Marmelos, вид дикой яблони, плоды которой в неспелом состоянии используются в народной медицины, а листья – в ритуалах поклонения Шиве [Вальмики 1999: 482; Индуизм 1996: 79].

222. Речь идет об объятии видхака (vidhaka, букв. «укалывание»), когда женщина подходит к мужчине сзади или сбоку, пытаясь взять у него что-то из рук, и «нечаянно» касается его грудью и укалывает сосками. В санскритской поэзии героини часто таким образом пробуждают в мужчине любовное чувство. Поэт Магха описывает девушку, которая, сделав вид, что боится пчел, бросается к любимому и «укалывает» его сосками своей высокой груди. В поэме Бхарави девушка, забавляясь с любимым в озере, делает вид, что испугалась рыбы, и «укалывает» юношу [Ефименко 1996: 63]. Таким образом, используется аланкара атишайокти (букв. «преувеличенное высказывание»), отчасти напоминающая гиперболу. Дандин дает такое определение этой аланкаре: «Желание описать какое-либо свойство [субъекта], выходящего за пределы обыденного, [порождает] атишайокти, лучшую из аланкар» («Кавья-дарша» 2.214) (цит. по [Гринцер 1987: 91]).

227. Также содержится в «Субхашита-ратна-коше» (615) [Ingalls 1965: 212] и «Садукти-карнамрите» (11.3). *на отметины ногтей, что оставил любимый* (kAnta-dattam abalA-nakha-kShatam) – см. коммент. к № 123.

228. Также содержится в «Субхашита-вали» (1292). *Подобных буграм на голове слона во время течки* (mattebhs-kumbha-pariNAhini) – см. коммент. к № 167.

229. *Дочь Бхавы* (bhava-putrI) – Сарасвати.

230. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (279). В этом стихотворении обыгрывается омонимичность имени легендарного царя асур Бали и названия трех складок (bali или vali) на животе выше пупка, считавшихся каноническим признаком женской красоты (см. коммент к № 179). Согласно преданию, асура Бали благодаря своему благочестию и подвижничеству победил Индру и добился власти над тремя мирами – небом, землею и подземным миром. Тогда Вишну, воплотившись в карлика (vAmana, это его пятое из десяти главных воплощений, или же пятнадцатое из двадцати двух, по версии Бхагавата-пураны (I.3.19)), пришел к Бали и попросил у него в дар столько пространства, сколько он, карлик, сможет отмерить своими шагами. Не заподозрив подвоха, Бали согласился, и Вишну, приняв свой истинный облик, первым шагом покрыл небеса, вторым землю, а от третьего шага воздержался и оставил Бали во владение нижний мир (Ваю-пурана II.36, 74–86; Рамаяна I.29; Махабхарата III.270; XII.343; Бхагавата-пурана VIII.15–23 и др.) [Мифы 1991: 151].

231. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (280). *На талии девы, обликом подобной жертвеннику* (vedi-vilagna-madhyA... bAlA) – жертвенник имел форму песочных часов, будучи узким посередине, отсюда и устойчивое сравнение с ним женской фигуры. В «Шатапатхе-брахмане» (1.2.5.15–16), где процесс жертвоприношения отождествляется с любовным соитием, «алтарь (vedi) – женщина, и огонь (agni) – мужчина; женщина возлежит, обнимая мужчину, и таким образом происходит соединение, дарующее потомство»; далее, части алтаря соответственно уподобляются частям женского тела [Сыркин 1996: 8; Ingalls 1965: 495].
233. Также содержится в «Субхашита-вали» (1551).
234. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (279.317). Стихотворение приписывается Кумарадасе. *синий лотос* – в оригинале vana-ja [Apte 1988: 490].
235. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (280).
236. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (280). *шайвала* (shaivala) – Vallisneria octandra, или bexia, водное растение [Вальмики 1999: 489]. *чакравака* (chakraVaka) – песчанка; считается, что самец и самка чакраваки очень любят друг друга, но вынуждены расставаться с наступлением темноты до утра и всю ночь жалобно зовут друг друга [Классическая поэзия 1977: 840].
239. Автор стихотворения прибегает к аланкаре рупака, см. коммент. к № 105.
240. *посох* (daNDaH) – имеется в виду лингам [Apte 1988: 244].
242. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (2310/3343). *Гаруда* (garUDa) – царь птиц, ездовая птица-вахана Вишну. Устойчивый мифологический мотив, связанный с Гарудой – это его постоянная вражда со змеями, пожирателями которых он является [Мифы 1991: 266–267]. *Имеющий на знамени Гаруду* (garUDa-dhvaja) – эпитет Вишну.
244. *Три складками* (tri-valI) – см. коммент. к № 179. *Меж которых сокрыта тайна* – в оригинале (guhyaAntaraM). Согласно Апте, словом guhya может обозначаться женское лоно [Apte 1988: 190].
245. Автор прибегает к аланкаре прахелика, см. коммент. к № 135. *пиппала* (pipPala) – Ficus religiosa, фикус священный или фиговое дерево [Вальмики 1999: 487]. Иное название – ашваттха. Уже в ведах выступает как символ мирового древа [Махабхарата 1987: 794]. Пиппала в стихотворении обозначает женское лоно, а два платана – два бедра.
246. *пиппала* (pipPala) – см. коммент. к № 245.
247. *чертоги Смары* (smara-mandiraM) – женское лоно. Смара – одно из имен Камы. *ашваттха* (ashvattha) – священное фиговое дерево, см. коммент к № 245.
248. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (281.386). *ашваттха* (calapatra) – см. коммент. к № 245, 247.
249. *Бенгалия* (ba~Nga) – историческая область на востоке полуострова Индостан. В 1947 г. Бенгалия разделилась на Западную, ставшую штатом

Республики Индия, и Восточную, ставшую Восточным Пакистаном (с 1971 г. Бангладеш) [Ульциферов 2003: 72].

250. *ашваттха* (ashvattha) – см. коммент. к № 245, 247. *град Маданы* (madana-puraM) – женское лоно. Мадана (букв. «опьяняющий») – одно из имен Камы.

251. *жертвенный столб* (yUra) – столб, обычно изготавливаемый из бамбука или дерева кхадира, к которому привязывалась жертва во время умерщвления [Apte 1988: 459].

255. Также содержится в «Субхашита-вали» (1566). Автор стихотворения прибегает к аланкаре вьятирека см. коммент. к № 125. Женские бедра часто сравниваются со стволом банана из-за его гладкости [Shastri 2010: 199].

256. *банан* (kadali) – см. коммент. к № 146.

258. *красный лак* (rAga) – украшаясь, женщины покрывали губы, кончики пальцев на руках и ногах, ладони и подошвы ног жидким красным лаком [Анандавардхана 1974: 273; Бэшем 1977: 229; Shastri 2010: 152]. *Лотосами, растущими на суше* – в оригинале sthalAravinda. Эти лотосы (*Hibiscus mutabilis*) имели темно-красный цвет, отсюда их сравнение со стопами красавиц, оставлявшими на земле пятна красного лака [Apte 1988: 621; Shastri 2010: 200].

259. *нупуры* (nUpura) – вид особых ножных браслетов с колокольчиками, носятся на щиколотке [Мукундорам 1980: 192; Shastri 2010: 145]. *походку гуся* (gatiH haMsa-bhAryAyAH) – походка красавицы в санскритской поэзии часто сравнивается с походкой гуся, также как и с медленной, но величавой походкой слона, см. коммент. к № 262. Слово haMsa иногда переводят как лебедь или фламинго (что, конечно, выглядит для европейца более поэтично), но, как замечает Д. Инголлс, лебедей в Индию привезли только англичане, а фламинго встречаются редко [Ingalls 1965: 136].

262. *слоновью походку* (gajAnAM gamanaM) – походка красавицы в санскритском эпосе и поэзии часто сравнивается с величавой поступью слона [Невелева 1996: 32; Apte 1988: 177].

нупуры (nUpura) – см. коммент. к № 259. *царский гусь* (rAja-haMsa) – *Anser Indicus*. Так, по-видимому, называли белых диких гусей, отличая их от серых (kalahamSa). Это одна из самых любимых и почитаемых в Индии птиц, с которой связано много поэтических образов. В поэзии делается акцент на белизне оперения этой птицы, хотя оно содержит и коричневый цвет. Согласно Апте, это фламинго (вид белых гусей с красными ногами и ключом). Характерным штампом санскритской поэзии является использованное в данном стихотворении сравнение женских ножных браслетов с гусиным гоготом [Индийская лирика 1978: 197; Классическая поэзия 1977: 813; Apte 1988: 467; Ingalls 2000: 106].

263. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (282.422). *Слоновьей походкой* (gaja-gAminI) – см. коммент. к № 262.

264. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (282.419).

268. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (263). *кувалаля* (kuvalaaya) – см. коммент. к № 116.

270. *Под бременем груди и бедер / Медленно-медленно шествует она* (jaghana-stana-bhAreNa mandaM mandaM prayAti sA) – идеальная красавица слегка склоняется под тяжестью груди и ходит медленно, обремененная бедрами [Классическая поэзия 1977: 817; Shastri 2010: 128].

271. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (263.19). *Светильник отправляется в нирвану* (dIro nirvANatAM vrajet) – здесь обыгрывается два значения слова nirvANa: бытовое – потухнувшее состояние и философское – высшая цель всех живых существ, заключающаяся в освобождении тягот (duHkha) колеса перерождений (saMsAra) и от действия кармы (karman) [Индийская философия 2009: 568–570, Apte 1988: 295]. *побывавши в их объятиях, / В ад попадет мужчина* (tAsAm Ali~Ngane) ruMsAM narake ratanaM) – автор стихотворения иронизирует по поводу угроз прелюбодеям, содержащихся в индуистских религиозных текстах. Например, в Гаруда-пуране (II.13.68) сказано, что «кто постоянно наслаждается с чужой женой <...> тот станет претой» (цит. по [Тюлина 2003: 158]).

272. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (163.160).

275. Автор стихотворения несколько раз прибегает к аланкаре анупраса, см. коммент. к № 10: chandra-pratimatimatimaM kaThinau Thinau Thinau / gamasAbhasabhasA ... taruNIrUNIrUNI.

276. Также содержится в «Субхашита-вали» (2340) [Subhashitavali 2007: 108]. Упомянутые в стихотворении питта (pitta), вата (vAta) и капха (kapha) это три телесные среды, о них см. коммент. к № 34.

277. Источник: «Шрингара-тилака» Калидасы. О трех телесных флюидах см. коммент. к № 34. Шлешма в данном стихотворении заменяет капху.

278. *амалака* (Amalaka) – дерево Emblic Myrobalan Phyllanthus emblica, напломинает гемлок. Кислым плодам некоторых сортов этого дерева, растущих в горах, приписывались чудодейственная сила – возвращать молодость, даровать долголетие и т.д. [Вальмики 1988: 84]. *хитаваста* (hitavAstI) – растение идентифицировать не удалось; *вибхитака* (vibhItaka) – дерево Terminalia bellerica, упоминается среди растений, дающих отбеливание и дубильные вещества [Вальмики 1999: 482; Махабхарата 1987: 794]. *харитака* (harItaka) – Terminalia chebula, желтый миробалан, плодам которого якобы присуща волшебная сила – даровать долголетие и молодость [Махабхарата 1987: 796]. *обитель Маданы* (madana-mandiraM) – см. коммент. к № 247, 250.

280. Также содержится в «Субхашита-вали» (2225) [Subhashitavali 2007: 97].

281. *с прерывистым дыханьем* – в оригинале sIt-kariNI, букв. «издаются звук сит». Согласно Камасутре (II.7.15.16), этот звук женщина произносит во время любовных наслаждений, и он «связан с чувством боли» [Ватсьяяна 1993: 73–74]. *нектар, ради которого глупые боги, / Старанье прилагая, вспахтали океан* (amR^itaM shramAya mathito mUDhaiH suraiH sAgaraH) – см. коммент. к № 175.

282. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (349.119). Стихотворение приписывается Ачале. *мадхука* (madhUka) – *Bassia latifolia*, мохва или индийское масляное дерево. Большое листопадное дерево с толстой серой корой, произрастающее в засушливых горных районах, ценное своими вкусными и питательными цветками, которые распускаются ночью и опадают на рассвете. Лепестки этих цветов женщин собирают и перетирают в муку, из которой пекут лепешки. Из цветков мадхуки получают крепкий алкогольный напиток, а из стручков – масло. Кроме того, мадхука считалась деревом любви, и с ней были связаны многие свадебные обряды [Вальмики 1999: 485–486; Индийская лирика 1978: 6–7; Ingalls 1965: 495]. *бандхука* (bandhUka) – дерево *Pentapetes Phoenicea* или *Terminalia Tomentosa*, цветущее желтыми, белыми или красными цветами [Мукундорам 1980: 192; Monier-Williams 2015: 721]. *пчелы* (madhupAN) – в санскритской поэзии пчелы символизируют мужчин-поклонников.

283. *трясогузка* (kha~njarIta) – см. коммент. к № 97. Автор стихотворения прибегает к аланкаре прахелика, см. коммент. к № 135. Трясогузка на лунном диске это глаза на лице красавицы, зерна граната в бутоне лотоса это зубы во рту, а плоды малуры на ветке дерева манданаки это груди на теле. *малура* (mAlUra) – дерево бильва (см. коммент. к № 220) или капитха [Apte 1988: 438]. Последнее это джекфрут, *Feronia elephantum*, которое выращивают по всей Индии, среднего размера листопадное дерево с колючками. Имеет многочисленные, мелкие, тускло-красные, бледно-розовые с переходом к зеленовато-желтому цветки [Вальмики 1999: 484]. *маданака* (madanaka) – *Artemisia Indica*, вид яблони [Monier-Williams 2015: 779].

284. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (365.60–61), «Субхашита-вали» (3380) [Subhashitavali 2007: 161]. Источник: «Шрингара-шатака» Бхартрихари [Бхартрихари 1979: 84]. *халахала-яд* (hAlahala) – согласно преданию, во время пахтания океана богами и асурами ради обретения амриты на его поверхности возник страшный яд халахала или калакута, грозивший сжечь вселенную. Тогда ради спасения мира Шива проглотил яд, и от этого у него навсегда посинела шея (Рамаяна I.45) [Рамаяна 2006: 767, 772; Темкин 1982: 65]. Ср. распространенные в мировом фольклоре мотивы гибельной близости с женщиной, «девицы-яда», несущей возлюбленному гибель [Сыркин 1996: 22]. *А по сердцу кулаками бьют* – в оригинале hR^idayaM muShTibhir eva tADyate. У И.Д. Серебрякова переведено неверно: «А грудь тискаем руками» [Бхартрихари 1979: 84]. Как пишет Ватсьяяна («Камасутра» II.7.15–16.2–3), «нанесение ударов» – также часть [любовного удовольствия]. Места [ударов] – плечи, голова, [впадина] между грудей, спина, нижняя часть, бока. Эти [удары] четырех видов: тыльной частью руки, согнутой ладонью, кулаком и распрямленной ладонью (цит. по [Ватсьяяна 1993: 73]).

285. *Напрасно мудрые её зовут бессильной* (buddhyA kayA bata budhair abalA babhAShe) – обыгрывается буквальное значение слова abalA «женщина»: «бессильная», а – отрицательная частица, bala – сила.
286. Источник: «Шрингара-шатака» (10) [Бхартрихари 1979: 79; Индийская лирика 1978: 135]. В стихотворении обыгрывается буквальное значение слова ababA «женщина»: «бессильная», см. коммент. к № 285.
288. *Хитрых слов посланницы от любимой* (dUtI-vachashchAturI) – образ посланницы (dUtI), которую женщина направляет своему любимому мужчине, часто встречается в санскритской любовной поэзии [Ingalls 1965: 192–197; Ingalls 2000: 147–150; Shastri 2010: 122]. *зубы, не искусавшие уста во время любовных забав* (dantAs... rati-vidhau yaiH khaNDito nAdharaH) – см. коммент. к № 123.
289. Источник: комментарий «Расикаприя-тика» на «Гита-говинду». *кхандита* (khaNDitA) – одна из восьми главных найик (nAyikA) в санскритской литературе, женщина, муж которой виновен в неверности и которая рассержена на него из-за этого [Apte 1988: 175].
290. *Шьяма* (shyAmA, букв. «темная») – согласно Апте это 4) тип женщины, 5) женщина, которая еще не рожала детей [Apte 1988: 564].
292. Также содержится в «Субхашита-вали» (1225) и «Шрингара-шатака» (42) Бхартрихари [Бхартрихари 1979: 83].
294. Источник: «Шрингара-шатака» (9) Бхартрихари [Бхартрихари 1979: 79].
295. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (283.2). Источник: «Шрингара-шатака» (16) [Бхартрихари 1979: 80]. Автор стихотворения прибегает к аланкаре рупака, см. коммент. к № 105. *лунный камень* (Chandra-kAnta, «букв. «возлюбленный Луны») – по преданию, когда Луна касается его своими лучами, на нем выступает вода, словно капли пота, возникающие от любовного наслаждения [Apte 1988: 202; Ingalls 1965: 272, 492].
296. *на царской дороге* (rAja-mArge) – согласно Апте, это «царская или главная дорога, главная улица» [Apte 1988: 467].
297. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (253.149). *кхадира* (khAdira) – *Acacia catechu* или *Mimosa catechu*, арековая или бетелевая пальма (о бетеле см. коммент. к № 56). Использовалась в церемонии царского посвящения [Вальмики 1999: 485; Махабхарата 1987: 795]. Автор стихотворения прибегает к аланкаре анупраса (см. коммент. к № 10): khadira-sAreNa hAreNa hariNI-dR[^]ishAM.
298. Также содержится в «Субхашита-ратна-коше» (330) Видьякары [Ingalls 1965: 151] и комментарии «Расика-прия» на «Гита-говинду» (98). Ср. «Шрингара-шатака» (13) Бхартрихари [Бхартрихари 1979: 79; Индийская лирика 1978: 152].
299. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (178.799).
300. Источник: «Шрингара-шатака» (38) [Бхартрихари 1979: 83; Индийская лирика 1978: 137]. Автор стихотворения прибегает к такому редкому виду игры слов (shleSha), как bha~Nga-shleSha, когда двузначность достигается использованием речевых отрезков, могущих быть разбитыми на слова

двоичным образом [Анандавардхана 1974: 229; Гринцер 1987: 106–110]. На конце обеих строк стоит одно и то же сложное слово *suratara~NginI*, которое в первой строке разбивается как *sura-tara~NginI*, букв. «божественная река», а во второй строке – *surata-ra~NginI* букв. «игривая во время соития».

301. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (326.4).

302. *походкой, медленной из-за тяжелых бёдер* (*nitambAlasa-gAminyаH*) – идеальная красавица слегка склоняется под тяжестью груди и ходит медленно, обремененная бедрами [Классическая поэзия 1977: 817; Shastri 2010: 128].

303. Источник: «Шрингара-шатака» (44) Бхартрихари [Бхартрихари 1979: 83; Индийская лирика 1978: 133]. Автор стихотворения прибегает к аланкаре *апахнути* («отрицание»). Согласно Дандину, *апахнути* это «отрицание одной вещи и утверждение [вместо неё] другой» («Кавья-дарша» II.304) (цит. по [Гринцер 1987: 105]).

304. Автор стихотворения прибегает к аланкаре *рупака*, см. коммент. к № 105. *Камадук* (*kAmа-dugdha*) – волшебная корова, исполняющая все желания своего владельца [Индуизм 1996: 226].

305. Автор стихотворения прибегает к аланкаре *рупака*, см. коммент. к № 105. *париджата* (*pArjAtа*) – мифическое дерево, появившееся во время пахтания океана богами и асурами, см. коммент. к № 175. Индра взял его и посадил в своем небесном саду. Ствол *париджаты* из дерева, а с ветвей свисают гроздья разнообразных плодов [Индуизм 1996: 326]. *корову желаний* (*kAmа-dugdha*) – см. коммент. к № 304. *истивая яд калакату* (*kAlа-kUTаM viShаM*) – см. коммент. к № 284. *боги вспахтали молочное море* (*amarair Amanthi dugdhaudadhiH*) – см. коммент. к № 175.

306. Источник: «Шрингара-шатака» (5) Бхартрихари [Бхартрихари 1979: 78].

307. *простушка* (*mugdhaKshI*) – см. коммент. к № 103.

308. Источник: «Шрингара-шатака» Бхартрихари.

309. Источник: комментарий к «Нагара-сарвасва» (119). Описание любовных повадок и особенностей женщин различных областей Индии встречается уже в «Камасутре» (II.5.12) [Ватсьяна 1993: 70–71], а затем в более поздних эротологических трактатах: «Рати-рахасье», «Панча-саяке» (2), «Ананга-ранге» (V), «Рати-ратна-прадипике» (7.48–67) [Bhattacharyya 1975: 106, 116, 121; Ratiratnapradipaka 2005: 116–121; Sacred Sexuality 2013: 38–41]. *Саураштра* (*saurAShTra*) – см. коммент. к № 76. *маратхи* (*maHArAShTriKа*) – представительницы народа, составляющего основное население Махараштры (*maHArAShTra*, букв. «великая страна»), ныне одноименного штата, находящегося на юго-западе Индии. Древними столицами Махараштры в различные периоды были Пратиштхана (совр. Паитхан на реке Годавари), Кальян и Ватапи или Бадами [Ульциферов 2003: 311; Bhattacharyya 1999: 210]. *Малва* (*mAlava*) – или Малава, историческая область Центральной Индии. Название получила от племени малавов, переселившегося сюда с берегов реки Иравати в результате похода Александра Македонского, войска которого истребили значительную часть

племени, или же, по другой версии, от дравидского слова *malai* «холм». Главным городом Малвы был Уджжайни [Ульциферов 2003: 296; Bhattacharyya 1999: 212–213]. *гуджаратки* (*gurjarI*) – представительницы народа, составляющего основное население нынешнего штата Гуджарат, находящегося на западе Индии [Ульциферов 2003: 148–149; Bhattacharyya 1999: 141]. *кашмирки* (*kAshmIrI*) – представительницы народа, составляющего основное население нынешнего штата Джамму и Кашмир, см. коммент. к № 56.

310. *женщин Карнаты* (*karNATI*) – см. коммент. к № 10. *гуджаратку* (*gaujaryA*) – см. коммент. к № 309. *кашмирки* (*kAshmIrI*) – см. коммент. к № 56. Автор стихотворения прибегает к аланкаре *анупраса* (см. коммент. к № 10): *karNATI kaTi-koTare... kaTa-kaTatkATe*.

311. Источник: комментарий к «Нагара-сарвасва» (70). *Женщины из Карнатаки* (*karNATI*) – см. коммент. к № 10. *женщины Латы* (*lATI*) – см. коммент. к № 10. *Женщины Чолы* (*colI*) – Чола это историческая область, находящаяся в южной части Коромандельского побережья по берегам реки Кавери на юго-востоке Индии. Была населена народностью дравидийского происхождения. Впервые упоминается в надписях Ашоки. Главным городом являлся Ураипур (Урагапура) [Махабхарата 1987: 732; Ульциферов 2003: 547; Apte 1988: 662; Bhattacharyya 1999: 110]. *гуджаратки* (*gurjarI*) – см. коммент. к 309. *женщины Малвы* (*mAlavikA*) – см. коммент. к № 309. *бенгалки* (*gauDikA*) – см. коммент. к № 249.

312. Источник: комментарий к «Нагара-сарвасва» (119). *маратхки* (*mahArAShTrI*) – см. коммент. к № 309. *женщина Латы* (*lATI*) – см. коммент. к № 10. *женщины Чеди* (*chedi-vanitA*) – Чеди это страна, находившаяся к западу от долины Ганги (примерно современный штат Мадхья-Прадеш) Была населена индоарийской народностью чеди, впервые упоминаемой уже в Ригведе [Махабхарата 1987: 731; Bhattacharyya 1999: 106]. *абхирок* (*AbhIrI*) – абхиры это скотоводческое племя, занимавшее территорию юго-восточной части современного Гуджарата [Махабхарата 1987: 726]. *бенгалок* (*gauDI*) – см. коммент. к № 249. *карнатка* (*karNATI*) – см. коммент. к № 10. *кашмирки* (*kIrI*) – см. коммент. к № 56.

313. Источник: комментарий к «Сахитья-дарпане» (228). *маратхка* (*marahaTTa*) – см. коммент. к № 309. *женщина Андхры* (*AndhrI*) – Андхра это историческая область, находившаяся на юге Индии в долине реки Тапти и населенная дравидской народностью андхров [Махабхарата 1987: 726; Ульциферов 2003: 44]. На юге у женщин некоторых народностей долго сохранялся обычай появляться на людях обнаженными до пояса, в то время как в северной части Индии достаточно холодно, и женщины должны были носить лифы [Бэшем 1977: 228].

314. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (285.54). Развернутое сравнение прекрасной женщины с озером или рекой часто встречается в санскритской поэзии [Бхартрихари 1979: 117; Гринцер 1987: 75]. Автор стихотворения прибегает к аланкаре *рупака*, см. коммент. к № 105.

тиртва (tIrtha) – место паломничества, в котором совершались омовения, см. коммент. к № 152. *шапфари* (shapharI) – вид небольшой рыбы со сверкающей чешуёй [Apte 1988: 546]. *с волосами* (dhammilla) – имеются в виду волосы, завязанные в пучок на голове и украшенные цветами, драгоценными камнями и др. [Apte 1988: 268; Shastri 2010: 147]. *шайвала* (shaivalaka) – *Vallisneria octandra* или *bexia*, водное растение [Вальмики 1999: 489]. *чакравака* (chakravAkA) – см. коммент. к № 236.

315. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (364.9). *ракишас* (rAkShasI) – один из трех основных классов демонов, (прочие – асуры и пишачи), враги религии, осквернители обрядов, людоеды, бродящие по ногам, колдуны и оборотни [Индуизм 1996: 353].

317. *в гневе, что от Бхавы поражение потерпел* (bhava-paribhava-korAt) – Бхава это одно из имен Шивы [Махабхарата 1987: 712]. О конфликте Шивы с Камой см. коммент. к № 18.

318. Источник: комментарий к «Кутгани-мате» (349). Ср. «Искусство любви» Овидия, где любовная встреча также уподобляется сражению [Сыркин 1996: 27]. *нуपुरы* (nUpara) – см. коммент. к № 259. *дундубхи* (dundubhi) – крупный военный барабан [Махабхарата 1987: 736].

320. *дом наслаждений* (vilAsa-bhavane) – см. коммент. к № 76.

321. Стихотворение посвящено абхисарике (abhisArikA), в поэтическом каноне это женщина, отправляющаяся ночью на тайную встречу к возлюбленному. Абхисарика принадлежит к знати, потому что среди простонародья было принято, чтобы мужчина сам посещал свою любимую женщину. Обычно абхисарика изображается одетой в темные одежды, чтобы слиться с темнотой ночи (как в данном случае), но в лунную ночь может носить белые одежды и украшения. Еще ей приписывается стремление сделать так, чтобы звон её украшений не был слышен. Образ абхисарики, вероятно, фольклорного происхождения, но уже в старинных произведениях (например, у Калидасы) приобретает совершенно абстрактный и даже орнаментальный характер (абхисарики становятся постоянным компонентом описания дождливых ночей). Особый тип представляет собой *mugdhaAbhisArikA*, наивная девушка, отправляющаяся на свое первое свидание (о термине *mugdha* «простушка», см. коммент. к № 103) [Бэшем 1977: 182; Индийская лирика 1978: 56, 204; Apte 1988: 42; Ingalls 1965: 127, 252; Ingalls 2000: 100, 186].

323. Источник: «Шрингара-тилака» (1.53) Рудраты.

325. Источник: пьеса «Нагананда» Харши.

326. Также содержится в «Субхашита-вали» (1409). Стихотворение приписывается поэтессе Викатанитамбе. Данный совет противоречит наставлениям Ватсьяны («Камасутра» III.2.25.5–6) о бережном отношении к новобрачной [Ватсьяна 1993: 84]. *большая черная пчела* – в оригинале *bhramara* [Apte 1988: 414], в санскритской поэзии выступает символом влюбленного мужчины.

328. Также содержится в «Субхашита-ратна-коше» (570) [Ingalls 1965: 203] и «Садукти-карнамрите» и в обеих антологиях приписывается Карнотпале. *от стыда согнувшись, стремится задуть светильник* (vrIDAnatA~NgyA dIpaH phUt-kR^iti-vAta...) – робкая молодая женщина, стремящаяся потушить лампу, прикрыть глаза мужу – древний и часто встречающийся образ. Под светильником подразумевается горевший в супружеской спальне rati-padIpa или surata-dIpa (букв. «светильник любовной страсти»), представляющий собой хлопковый фитиль, плавающий в сосуде с маслом [Индийская лирика 1978: 199; Ingalls 1965: 262].
329. *опасаясь сломать банановую пальму любви* (kandarpa-kadaLIya-bha~Nga-shaMkaуA) – банановая пальма выступает символом хрупкости, см. коммент. к № 146.
330. Источник: «Амару-шатака» (36). *прерывисто дыша* (sIt-kAra...) – см. коммент. к № 281. *Тот заполучил амриту, ради которой / Глупые боги вспахтали океан* (prAptaM tair amR^itaM shramAya mathito mUDhaiH suraiH sAgaraH) – см. коммент. к № 175.
332. Источник: «Рагху-вамша» (19.27) Калидасы. [Калидаса 1996: 308]. Описываются любовные утехи царя Агнивара, см. коммент. к № 50.
333. Источник: «Садукти-карнамрита» (1165). *дом услад* (rati-veshmanaH) – см. коммент. к № 76.
334. Источник: «Шрингара-тилака» (334) Рудраты.
336. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (333.18). Звуковой фон, согласно «Камасутре», является неотъемлемым элементом любовной игры (II.7.15–16) [Ватсьяна 1993: 73–74], см. коммент. к № 138. *Прерывистое дыханье* (sIt-kR^itAni) – см. коммент. к № 281. *мольбы о пощаде, / Сладкие слова без смысла* (bhaNitaM karUNoktiH snigdhamuktamalamarthaM vachAMsi) – согласно Ватсьяне, «при повторении ударов, вызванных влечением, она произносит слова, означающие сдерживание, желание освободиться, просьбу о прекращении и призыв к матери, а также [издает] прерывистые вздохи, «плач», «рокот», смешанные с восклицаниями» (цит. по [Ватсьяна 1993: 74]).
339. *Выплевывая бетель* (tAmbUlaM chodgarayaantI) – см. коммент. к № 56.
342. Источник: «Амару-шатака», дополнение (parishiShTa) (158). *простушка* (mugdha) – см. коммент. к № 103.
343. Также содержится в «Садукти-карнамрите». *Вот уж дерево ашваттха* (eSha drumaH kShIra-vAnasmAdeva) – о дереве ашваттха см. коммент. к № 246, 247. Это дерево почитается как священное и часто растет у ворот города или деревни. Согласно поверьям, в нем живет божество, охраняющее это место [Алиханова 1978: 5; Индуизм 1996: 169].
344. Также содержится в «Субхашита-вали» (1041).
345. *Как в светильник подливают масло, чтоб не иссякло оно, / Так и ты светильник нашей любви береги* – в оригинале naShTe snehe punar api yathA dIyate cha pradIpe / tadvad snehaM tava mama kR^itaM dIpa-vat pAlanIyaM.

Здесь игра на двузначности слова sneha, которое означает как «любовь», так и «масло» [Apte 1988: 625].

347. Также содержится в «Субхашита-вали» (1044).

348. Источник: комментарий Арджунавармы к «Амару-шатаке» (61). Автор стихотворения прибегает к аланкаре аширвачана-акшепа («возражение через благословение»): якобы благославляя любимого на путешествие, женщина даёт понять, что умрёт в разлуке [Гринцер 1987: 86]. В данном стихотворении нашла свое отражение вера в реинкарнацию, являющаяся частью индуистской культуры, религии и философии [Индийская философия 2009: 712–713].

349. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (345.3). Стихотворение приписывается Дандину. Автор прибегает к аланкаре упая-акшепа («возражение с просьбой о помощи») [Гринцер 1987: 86]. *Кандарпа* (kandarpa) – одно из имен бога любви Камы [Apte 1988: 132].

350. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (288.1). Стихотворение приписывается Шакавриддхи.

352. Также содержится в «Субхашита-вали» (1049). Стихотворение приписывается неизвестному поэту из Южной Индии.

353. Также содержится в «Субхашита-вали» (1057).

354. Источник: приложение к «Амару-шатаке» (132). *кому в тиртхах ты хочешь совершить возлияние воды* (kas tavAbhilaShitas tIrtheShu toyA~njaliH) – возлияние воды в тиртхах (см. коммент. к № 152) совершается для умершего. Участник обряда с лицом, обращенным к югу, погружается в воду и, называя умершего по имени, совершает возлияние пригоршней воды [Пандей 1990: 202–203].

355. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (371.85). *способность помнить прошлые жизни* (jAti-smaratvaM) – согласно традиционным представлениям, такой способностью обладают только исключительные люди [Apte 1988: 219].

356. *рою опьяненных чёрных пчёл* (mattAli-mAla) – см. коммент. к № 326. *уста, точно бимбы плоды* (bimboShThI) – см. коммент. к №120. *лишилась чувств* (moḥaM gatA) – обмороки и «умирания» в санскритской поэзии неразрывно связаны с темой разлуки [Индийская лирика 1978: 55]. Автор стихотворения прибегает к аланкаре анупраса (см. коммент. к № 10): ШAlalita-lola-lochana... .

357. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (310.7). Самец и самка чакраваки вынуждены расставаться с приходом ночи и до утра жалобно зовут друг друга, см. коммент. к № 236.

358. Источник: комментарий к «Сахитья-дарпане» (409). *жасмин* (mAlatI) – см. коммент. к № 55.

359. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (231.4). В стихотворении обыгрывается двузначность слова mAnasa: 1) сердце, 2) название озера. Озеро Манаса (mAnasa) расположено вблизи от священной горы Кайласа (местопребывания Шивы и Парвати) в Гималаях Западного

Тибета. В Ваю-пуране это одно из четырех священных озер (южное) близ мифической горы Меру, оси мира; эти озера образовались после того, как ушла вода четырех потоков, на которые, в соответствии с основными сторонами света, разделилась при нисхождении с небес на землю река Ганга. В санскритских текстах обычно упоминается, что это родина гусей, мигрирующих на его берега каждый год в начале сезона дождей [Индуизм 1996: 260–261; Apte 1988: 435; Bhattacharyya 1999: 215].

362. *О простушка* (mugdhe) – см. коммент. к № 103. *гнев* – в оригинале mAna, в санскритской поэзии это гнев, вызванный ревностью, своего рода смесь обиды, гнева, каприза и досады, mAna могли демонстрировать только женщины (отсюда mAninI – гневная возлюбленная), для мужчины ревность считалась постыдной. Женщина плачет, бранится или просто ведет себя холодно и отстраненно. При этом всегда, однако, сохраняется возможность для примирения. По замечанию Д. Инголлса, нигде санскритская поэзия не достигает таких высот, как при описании mAninI [Индийская поэзия 1978: 25–26; Ingalls 1965: 127; Ingalls 2000: 15, 100, 164]. Как полагает Ю.М. Алиханова, mAna являлась частью любовного этикета, и в её основе лежит ритуальное поведение жены, встречающей мужа из долгого путешествия [Индийская поэзия 1978: 26]. *Какое время рыба выдержит без воды?* (dhatte matsI kiyatkAlaM jIvitaM vAriNA vinA) – намек на то, что женщина не сможет прожить без любви.

363. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре». *женщина-простушка* (kAminI... mudghA) – см. коммент. к № 103. *стерегущая колодец* (prapAlikA) – согласно Апте, prapAlikA это женщина, которая раздаёт воду путникам [Apte 1988: 364]. Общественные колодцы обычно охраняли молодые незамужние женщины (taruNI) [Индийская лирика 1978: 6]. Как замечает Д. Инголлс, эти женщины предлагали путешественникам холодную воду и иногда еще кое-что [Ingalls 1965: 120–121; Ingalls 2000: 95].

364. Источник: «Шрингара-тилака» Калидасы. Пустой кувшин предвещал несчастье, в отличие от полного (ma~NgalyaM kalashaM), который использовался на церемонии царского посвящения, свадьбе, обрядах, связанных с отправлением в путешествие и в других случаях [Ingalls 1965: 489].

366. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (344.14). *сломались, издавая звук «чат, чат»* (chaTa-chaTetyeva bha~NgaM samIyuH) – согласно Апте, корень chat означает «ломаться» [Apte 1988: 201].

367. Женщина сетует, что её возлюбленный увлекся чтением книги, и вместо её тела (см. коммент. к № 123) ставит отметины своих ногтей на страницах этой книги. *заклятый враг* – в оригинале jIvita-vairiNI.

368. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (355.721). В стихотворении речь идет о женщине prapAlikA (см. коммент. к № 363), соблазняющей путешественника. *источника живой влаги* – в оригинале prapA [Apte 1988: 364].

369. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (355.122). Стихотворение представляет собой диалог между молодой женщиной, охраняющей колодец (см. коммент. к № 363), и путешественником. Из-за многозначности слов, которыми отвечает женщина, путешественник неверно понимает её, и задает ей нелепо звучащие вопросы. Паяс (paуas) на санскрите может обозначать как воду, так и молоко [Apte 1988: 315]. Вара (vAra) может обозначать как воду, так и день недели [Ibid.: 502]. *со сложенными ладонями* – в оригинале kR^itA~njaliṛ, традиционное индийское приветствие.
370. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (159.23), «Хитопадеше», «Викрамачарите» и «Веталапанчавиншати» [Гринцер 2008: 284].
371. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (370.74). Женщина-крестьянка обращается к ученому путнику. *книгоноша* – в оригинале pustaka-dhara. *ученый звездочёт* – в оригинале gaNaka-shAstravishArado, букв. «сведущий в текстах по астрологии». Согласно Апте, gaNaka это астролог [Apte 1988: 178]. *Какое лекарство исцелит мою мать от куриной слепоты* – в оригинале kenauShadhena mama pashyati naktam ambA.
373. Источник: комментарий к «Куттани-мате» (116). Женщина пытается успокоить нашедшего у нее приют путешественника, жаждущего немедленно любовных утех. *Час терпения имей* – в оригинале muhurtam ekaM kuru. Мухурта (muhurta) – единица времени, равная 48 минутам [Apte 1988: 44]. *Кто, проголодавшись, ест двумя руками?* (bubhukShitaH kiM dvi-kareNa bhū~Nkte) – предписывалось брать пищу только одной правой рукой.
374. Источник: «Чаура-панчашика». *с очами, красивыми, как трясогузки* (kha~njana-ma~njulAkShI) – см. коммент. к № 97. *Ведь Равана из-за дочери Джанаки / Десять голов своих потерял* (nItAni nAshaM janakAtmajArthe dashAnanenAṛi dashAnanAni) – Равана («ревун») это десятиглавый демон-ракшас. Подвижничеством он обретает от Брахмы дар неуязвимости, так что его не в силах одолеть ни боги, ни другие демоны. Будучи правителем острова Ланка, он похищает красавицу Ситу, дочь царя Митхилы Джанаки, и погибает в битве от руки её супруга Рамы – воплощения Вишну, поразившего его стрелой Брахмы (до этого Рама тщетно отсекал у Раваны голову за головой, но они тотчас же вырастали снова) [Мифы 1992: 362].
375. *гуси, живущие на озере Манаса* (mAnasarovara-vAsino 'mI haMsAH) – см. коммент. к № 359. Перси красавицы заслуживают того, чтобы их покрывала мягкая материя.
376. Источник: «Амару-шатака» (9) [Анандавардхана 1974: 95].
377. Стихотворение представляет собой диалог между путешественником и одинокой женщиной, принадлежащей к касте прачек. *Но я презренная прачка* (nindyAhaM rajakI) – прачки принадлежали к одной из семи низших каст, называемых antyaṛa [Monier-Williams 2015: 44]. Однако в тантрах прачки упоминаются в числе женщин, пригодных для практик вамачары (тантры левой руки, проповедующей обожествление женщины и ритуальное соитие с ней), см., например, Гуптасадхана-тантра (1.12–13) [Каула 2004: 243].

Вамачарские тексты предписывают близость с женщиной низкого происхождения. И чем более «нечистой» является партнерша, тем больше она подходит для практики. В данном случае женщина как бы выступала в роли ведущей, дарующей посвящение, что позволяет тантрику перейти на более высокий уровень [Сыркин 1996: 15]. *твоя каста высока!* – в оригинале jAti tava chottamA.

378. Источник: комментарий к «Куттани-мате» (163). *бетель* (tAmbUlam) – см. коммент. к № 56.

379. *в разлуке со своим мужем-божеством* (vibudha-bhartR^i-viyoge) – индуистская женщина должна относиться к своему супругу как к божеству. Как сказано в «Законах Ману» (5.154): «Муж, [даже] чуждый добродетели, распутный или лишенный добрых качеств, добродетельной женой должен быть почитаем, как бог» (цит. по [Законы Ману 1992: 115]).

380. Источник: «Амару-шатака» (13) [Индийская лирика 1978: 143]. Как свидетельствует Дамодарагупта, крестьяне опасались давать приют путешественникам из-за страха перед ворами [Shastri 2010: 165].

381. *крор* (koTi) – единица счета, равная десяти миллионам [Apte 1988: 164]. *лакш* (lakSha) – единица счета, равная ста тысячам [Apte 1988: 473]. *гунджа* (gu~nja) – единица веса, равная 1 5.16 гранам (1 гран=0,0648 г). [Apte 1988: 187].

382. Источник: «Амару-шатака» (60). *красный лак* – в оригинале lAkSha, согласно Апте, это вид красного лака, преимущественно использовавшийся женщинами в древние времена для украшения, в особенности, для стоп и губ; получался от особого вида насекомых или деревьев [Apte 1988: 479], см. также коммент. к № 258. *кеюра* (keyUra) – вид золотого браслета с орнаментом в виде обруча, который носили и мужчины и женщины между плечом и локтем [Мукундорам 1980: 215]. *бетель* (tAmbUla) – см. коммент. к № 56. *лотос-игрушка* (lAtAmaraSa) – согласно Апте, игрушечный лотос, который держали в руке в качестве игрушки [Apte 1988: 481].

383. Источник: «Шрингара-тилака» (11) Калидасы. Женщина, оскорблённая изменой мужа, сравнивает себя с выброшенной цветочной гирляндой.

384. Источник: «Шрингара-тилака» (1.142) Рудраты. *дом свиданий* (saMketa-gR^ihaM) – в «Камасутре» (V.4.47.42) наиболее удобными местами для свиданий с замужней женщиной называются жилища нищенков, «постящихся монахинь» и отшельниц [Ватсьяна 1996: 109]. *посланницу* (dUtIM) – см. коммент. к № 287.

385. *волосы* (dhammila) – имеются в виду волосы, завязанные в пучок, см. коммент. к № 314.

386. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (63.259).

389. Источник: пьеса «Нагананда» Харши.

391. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (342.18).

394. *по воле Судьбы* (vidhau) – см. коммент. к №63. *орудию* – в оригинале nimittam, согласно Апте, nimitta это «the instrumental or efficient cause» [Apte 1988: 289]. *чарующими чакорами-очами* (chakora-chAru-lochanA) – в

санскритской поэзии глаза красавицы нередко сравниваются с птицами: трясогузкой и чакорой (о последней см. коммент. к № 128).

397. Источник: «Шрингара-тилака» (13) Калидасы. Молодая женщина намекает путешественнику на свое желание вступить с ним в любовную связь.

399. *Владыка дня* (divAdhIsha) – эпитет Солнца.

403. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагара» (326.24). Автор стихотворения прибегает к аланкаре дипака (см. коммент. к №10), словом, обслуживающим все высказывание, выступает здесь vasatī, букв. «живет». *Красный лак* (rAgas) – см. коммент. к № 258.

405. *Луну* – в оригинале kumuda-bandhur, букв. «друг ночных лотосов», о kumuda см. коммент. к № 93. *словно одолевшая / Рожденного в мыслях* – в оригинале jayinIva manobhavAj~NAM, букв. «одолевавшая повеления рожденного в мыслях», т.е. Камы.

407. *мячу* – в оригинале kandukas. Апте переводит слово kanduka как «a ball for playing with» [Apte 1988: 132]. В Индии не были приняты организованные игры на свежем воздухе, и в мяч играли только дети и молодые девушки. Последних обучали игре с мячом, потому что эта игра могла наилучшим образом продемонстрировать красоту их рук и упругость груди. В источниках упоминается, что девушек настолько увлекала эта игра, что они занимались ей до покраснения ладоней и полного истощения сил. Дандин в «Дашакумара-чарите» упоминает праздник игры с мячом (kandukotsava), устроенный в Дамалипте (Тамралипти, современный город Тамлук в штате Западная Бенгалия), на котором дочь царя страны Сухма танцевала с мячом перед богиней Виндхьявасини, чтобы отыскать себе достойного мужа [Бэшем 1977: 225; Махабхарата 1987: 660; Shastri 2010: 154].

408. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (308.45). Автор стихотворения прибегает к аланкаре дипака (см. коммент. к № 10), словом, обслуживающим высказывание, выступает здесь paripatati.

409. Источник: «Сахитья-дарпана» (138).

410. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (264.39).

411. Также содержится в «Субхашита-вали» (219). Окончание стихотворения повторяет № 410. Автор прибегает к аланкаре анупраса (см. коммент. к №10): samadA pramadA sukhadA vishadA.

412. *над бимбы плодами* (bimbA) – см. коммент. к № 120.

413. Автор стихотворения прибегает к аланкаре рупака (см. коммент. к № 105).

414. *Благодаря набору таких качеств / Юная женщина завоевывает мир* – в оригинале jayanti jagadantare taruNI te guNANAM ganAN, букв. «совокупности качеств молодой женщины побеждают в мире».

415. Также содержится в «Субхашита-вали» (1478). Стихотворение приписывается Сарвабхауме. Автор прибегает к аланкаре атишайокти (см. коммент. к № 222). Схожее стихотворение приводит в качестве примера Маммата, который определяет атишайокти, в частности, как такую аланкару,

где субъект «поглощается» объектом, с которым он идентифицируется [Гринцер 1987: 92]. В данном случае два лотоса это ноги красавицы, песчаный берег – бедра, небо – талия (которая столь тонка, что как будто её и нет), два букета – груди, коралл – губы, Луна – лицо, а туча – черные волосы. *О Боже, боже* – в оригинале shiva shiva, букв. «о Шива, Шива».

416. Также содержится в «Субхашита-вали» (1479). Напоминает стихотворение № 415, однако метафоричное описание тела красавицы идет здесь сверху вниз, а не снизу вверх. Непроглядная тьма это черные локоны, Месяц – лицо, пара чакравак (об этих птицах см. коммент. к № 236) – груди, пустота – талия, бездонный водоворот – пупок, стебли банана – бедра. *О боже, боже* – в оригинале shiva shiva, букв. «о Шива, Шива».

417. Относится к тому же типу, что и стихотворения № 415, 416. Лотос – стопы, банановая пальма – ноги, песчаный берег – бедра, пустота – талия, пара гор – груди, раковина – шея, Месяц – лицо, а шайвала (см. коммент. к № 236) – черные локоны.

418. Относится к тому же типу, что и стихотворения № 415–417. Лотос – стопы, банановая пальма – ноги, песчаный берег – бедра, небеса – талия, сосуд – груди, Луна – лицо и, наконец, черная пчела – волосы.

419. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (193.4). *Во время облаков* (kAle rayodharANAm) – то есть в сезон муссонных дождей, который в индийской поэтической традиции является порой любви, см. коммент. к № 39. *невозможно от паденья удержаться* – в оригинале apatitayA naiva shakuyate sthAtum, возможен и другой вариант «невозможно прожить без мужа». В данном случае автор прибегает к аланкаре шлишта, когда обыгрывается многозначность слова apatitA может переводится и как «удержавшаяся от падения», и как «живущая без мужа» [Гринцер 1987: 106–110].

421. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (284.46). *газелеокая* – в оригинале eNI-sadR[^]isha-nayanA. eNI означает самку черной антилопы [Shastri 2010: 201]. *подношенье для огня из ока Хары* (hara-nayana-tejohutam) – об истории сожжения Камы Шивой (Харой) см. коммент. к № 18. *простушка* (mugdhA) – см. коммент. к № 103. *вращивает* – в оригинале pallavayati, деноминатив от pallava «побег, росток».

422. Источник: «Чаура-панчашика» (56) Билханы. Автор стихотворения прибегает к аланкаре, которую Дандин именует таттвапахнава-рупака («рупака, отрицающая истину», о рупаке см. коммент. к № 105). Другие теоретики (Бхатаха, Вамана, Рудрата и др.) определяли эту аланкару как апахнути («отрицание»), Дандин же использовал это название для другой аланкары, см. коммент. к № 303 [Гринцер 1987: 79, 105–106].

423. Женщина с иронией упрекает посланницу, что та соблазнила ее любимого. Посланница (dUtI) – часто упоминается в санскритской любовной поэзии, см. коммент. к № 288. *ногтями и зубами / К нему приложилась?* (vilagnAsIH dantair api nakhair api) – см. коммент. к № 123.

426. Автор стихотворения прибегает к аланкаре крама («ряд»). Дандин определяет эту аланкару как «параллельное перечисление [нескольких] понятий в той же последовательности, что [и другие], уже упомянутые» («Кавья-дарша» 2.273) (цит. по [Гринцер 1987: 98]. А значит, эта фигура состоит из нескольких перечислений, члены которых в заданном порядке попарно сочетаются. В данном стихотворении присутствуют следующие сочетания: Луна – лицо, лотосы – глаза, коралл – нижняя губа, лук Кандарпы (т.е. Камы) – брови, платан – бедра.
427. *юную красавицу* – в оригинале слово стоит в неправильной форме: *gamaNaM*, верно: *gamaNA*. Согласно Апте, *gamaNA* это «a lovely young woman» [Apte 1988: 465].
429. Источник: «Амару-шатака» (82). *поднялись волоски* (*jAta-pulakAm*) – см. коммент. к № 210.
430. Источник: «Амару-шатака» (27).
432. Источник: «Вени-самхара» Бхаттанараяны. Данное стихотворение напоминает № 333. Речь идет о любовных наслаждениях Вишну и его супруги Лакшми. *Властитель Гаруды* – в оригинале *ugaga-patau*, букв. «властитель царя птиц», т.е. Вишну, ездовым животным которого является мифическая птица Гаруда, см. коммент. к № 242. *Шаури* (*shauri*) – имя Вишну-Кришны по деду Кришны Шуре, отцу Васудевы и матери Пандавов Кунти [Махабхарата 1987: 724].
433. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (273.3). Стихотворение приписывается Вальмики.
434. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (295.123).
435. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (297.3). *Ушел мой недруг-сон* – в оригинале «сон» женского рода: *gatA nidrApi vairiNI*.
437. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (309.3). Стихотворение приписывается Бхарави. *прохладные лучи Луны* (*kiraNAH hima-rashmeṭ*) – см. коммент. к № 32.
438. Автор стихотворения обращается к Каме. *если ты попадешь в поле зренья Пашупати* (*pashupater yadi lochana-gocharaM vrajasi*) – намек на историю сожжения Камы Шивой (см. коммент. к № 18), одно из имен которого – Пашупати, букв. «владыка животных», первоначально это имя понималось буквально, а затем стало осмысливаться как «господь всякой твари» [Махабхарата 1987: 720].
439. *Ночь обращается в муку без тебя* – в оригинале *na tvAM vinA yAti ... rAtriH*, букв. «без тебя не проходит ночь». *любовное посланье* – в оригинале *ana~Nga-lekhakaM*, букв. «письмо Бестелесного» (т.е. Камы). Как явствует из источников, общение посредством писем (*lekha*) было распространено в Индии с древних времен. Написанию писем, как официальных, так и частных, посвящено несколько текстов на санскрите. Доставкой корреспонденции занимались специальные письмоноши (*lekha-vAhaka*), и письма иногда доставлялись в весьма отдаленные места [Shastri 2010: 162–164].

440. Стихотворение примечательно тем, что содержит семь деноминативов (отыменных глаголов, о них см. [Кочергина 1996: 915–916]): kalpa-shatAyate («длится сотни калпы»), manvantarAbdAyate («становится манвантарой»), dahanAyate («опалает»), sphulli~NgAyate («жжет, как искры»), garalAyate («действует, как яд»), bhuja~NgAyate («обращается в змею») и duHkhAyate («причиняет муку»). Калпа (kalpa) – у индуистов огромный промежуток времени, равный одному дню Брахмы, а по счету людей это 4320 млн. лет. Состоит из 14 манвантар [Индуизм 1996: 225]. Манвантара (manvantara) – промежуток времени, равный периоду жизни Ману в индуистской хронологии, по счету людей это 306720 тыс. лет [Там же: 261].

441. *южный ветер* (dakShiNAnaH) – см. коммент. к №10. *подобен побуюению камнями* – в оригинале pAShANa-vat khara-sparsho.

442. Источник: «Шрингара-тилака» (23) Калидасы. *О Рохини, ты супруга Движущегося ночью* (re rohiNI tvam asi rAtri-charasya bhAryA) – любимая из 27 жен бога Луны Сомы (Движущийся ночью – его эпитет), олицетворение одноименного созвездия, которое включает Альдебаран и еще 4 звезды созвездия Тельца. Согласно известному мифу, из-за того, что из всех своих жен, бывших дочерьми Дакши, Сома отдавал предпочтение Рохини, их отец наложил на бога Луны проклятие, следствием которого стало ежемесячное убывание лунного диска [Индуизм 1996: 379; Шудхирчондро 2013: 288]. *Разве это достойно семьянина?* – в оригинале kiM eSha kula-dharmaH. Согласно Апте, kula-dharma это «a family custom, a duty or custom, a duty or custom, peculiar to a family» [Апте 1988: 155].

443. Также содержится в «Субхашита-вали» (1156). Стихотворение приписывается Бхатташанкуке. Женщина сетует, что в разлуке с мужем ей тяжело удержаться от супружеской измены.

444. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (355.7).

445. Автор стихотворения обращается к мужчине, вступившему в любовную связь с чужой женой, Поэт прибегает при этом к аланкаре вьятирека («различение»), см. коммент. к № 125. *меченному пятном* (kala~NkinaH) – см. коммент. к № 90.

446. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (298.44). Женщина обвиняет бога любви Каму в том, что он поражает ее своими стрелами, приняв за Шиву (о конфликте Шивы и Камы см. коммент. к № 18). При этом перечисляются детали облика Шивы: космы (jaTA, скорее всего, это кокон заплетенных (и часто скрепленных какой-либо мазью) волос, который носили подвижники [Рамаяна 2006: 736]); затем, след от яда калакута на шее (см. коммент. к №284), полумесяц на голове и пепел на теле.

447. *бедняжка* – в оригинале varAktI. «*Той, у которой в глазах стоят слезы*» – в оригинале sajalAkShi-yuktA.

449. *кадамба* (kadamba) – см. коммент. к №28.

450. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (188.12).

452. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (297.13). «*Ты – мой, а я – твоя, / Хоть вдалеке мы друг от друга*» – в оригинале ahaM iha

sthitavatyapī tAvakī tvamapī tatra vasannapī mAmakāH. О роли писем в жизни средневековых индийцев см. коммент. к № 439.

453. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (345.21). Женщина обращается к своему мужу. *даже холодные лучи Луны обжигают* (karAH himAMshor apī tAraayanti) – в санскритской поэзии лунные лучи всегда описываются как несущие прохладу, см. коммент. к № 32.

454. *опалют лунные лучи* (karAH... indor upatAraayanti) – см. коммент. к № 32, 453.

455. Автор стихотворения прибегает к аланкаре вьятирека, см. коммент. к № 125. Противопоставляются муж, который может вернуться, и юность, уходящая безвозвратно. Ср. стихотворение № 448. *Если исполнит мое желание богиня сострадания* – в оригинале saMprashyati yadi dayAbhimato 'bhilAShaH.

457. Автор стихотворения прибегает к аланкаре артхантараньяса (букв. «введение другой вещи»). Согласно Дандину, при использовании этой аланкары, «говоря о каком-либо обстоятельстве, упоминают другое, способное быть подтверждением первого» («Кавья-дарша» 2.169) (цит. по [Гринцер 1987: 87]). В отличие от сравнения, где сопоставляются два объекта, в артхантараньясе происходит сопоставление двух высказываний, которые, при отсутствии формальной связи, могут быть связаны союзом «как» [Там же: 87]. *Ночные лотосы* – в оригинале kumuda-vanAnAM, о лотосе kumuda ср. коммент. к № 93.

459. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (92.10).

461. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (304.4). *ночные лотосы томятся по Луне* (induM kairaviNI) – о лотосе kairava см. коммент. к № 110. *Чатаки ждут прихода облаков* (meghaM chAtaka-maNDalI) – согласно поверью, чатаки питаются исключительно дождевой водой, см. коммент. к № 580. *Кукушка тоскует по манго* (mAkandaM vi (=pi)ka-sundarI) – см. коммент. к № 9, 20.

462. *Как чакора – лунный диск* (yathA chakorā tu himAMshu-bimbaM) – см. коммент. к № 128. *Как чакравака – Владыку дня* (yathA rathA~NgI diva-sAdhinAthaM) – т.е. Солнце, см. коммент. к № 236. *Как павлин – дождевые капли* (yathA mayUro jala-bindum) – распространенный в санскритской поэзии образ.

463. *Солнце – самка чакраваки* (chakravakī divAkaraM) – см. коммент. к № 236.

468. *Чатака жаждет влаги с небес* (chAtako gagane yathA / salilam kA~NkShate) – или хохлатая кукушка, Cuculus malanoleucus или jacobinus, птица, ассоциируемая с сезоном дождей, поскольку, согласно поверью, она не может пить, наклоняя голову, а поэтому питается каплями дождя, ожидание которого ею символизирует в поэзию жажду, а впоследствии – любовную тоску. В санскритской поэзии образ чатаки также используется как символ гордости, благородства и трагической судьбы [Бхартрихари 1979: 113; Ingalls 2000: 218].

469. *охотник-нишада* (niShAdo mR[^]igayA-sakto) – нишады это общее название аборигенных племен в Северной Индии, живших в условиях первобытности и занимавшихся охотой и рыболовством [Махабхарата 1987: 730; Apte 1988: 296].
471. *распутная* – в оригинале svairiNI, согласно Апте, это слово означает «a loose or unchaste woman, a wanton woman, an adulteress» [Apte 1988: 633].
472. *Наша любовь подобна любви чакравак* (Avayos tAdR[^]ishI prItir yAdR[^]ishI chakravAkayoH) – самец и самка чакраваки в санскритской поэзии служат символом неразлучной пары, см. коммент. к № 236. О роли писем в жизни средневековых индийцев см. коммент. к № 439.
473. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (304.3). *Брахман* (brahma) – в индийской философии мировое духовное начало [Индуизм 1996: 80–81]. *Гуси по Манасе тоскуют* (haMsAH...mAnasaM) – см. коммент. к № 359. *Рева* (revA) – другое название реки Нармада [Apte 1988: 472], протекающей по плоскогорью Декан и впадающей в Аравийское море [Ульциферов 2003: 342]. *шаллака* (shallakI) – вид дерева, который очень любят слоны [Apte 1988: 550].
474. *Как гусь вспоминает подобные млеку воды Манасы* (haMso yathA mAnasa-kShIra-nIraM) – см. коммент. к № 359. *отправившийся в путь по морю* – в оригинале rotAdhirUDha, букв. «взошедший на корабль». *родную гавань* – в оригинале nagaraM, букв. «город». *кукушка весною постоянно думает о манго* (yat-kokila-nitya-vasanta-mAse) – см. коммент. к № 9, 20.
475. *Чакоры – Луну* (chandramasaM chakorAH) – см. коммент. к № 128.
476. *вследствие накопленья кармы* (karma-saMchaya-vashAt) – карма в индуизме это закономерность, согласно которой статус и судьба человека в настоящем predeterminedены его деятельностью в прошлом рождении [Индуизм 1996: 230–231].
477. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (92.2). *Диск Луны далёк от вод океана* – в оригинале kvendor maNDalam abdhIH kva, букв. «где диск Луны и где океан?» kva...kva... это обычная конструкция, которая означает несовместимость и противопоставление. Эта же конструкция и далее используется в этом стихотворении. *к жасмину* – в оригинале mAlatI, см. коммент. к № 55. *к близкому озеру Манаса улетать стая несравненных гусей* (dUre prasthita-haMsa-vR[^]indam atulaM...saro mAnasam) – см. коммент. к № 359. *по воле кармы* (karma-vashato) – см. коммент. к № 476.
479. *По воле Камы* – в оригинале puShra-yogataH, букв. «по воле Цветочно-[стрелого]».
480. *Дханвантари* (dhanvantari) – легендарный врачеватель богов, который первоначально, видимо, отождествлялся с Солнцем. Согласно сказанию о пахтании океана богами и асурами, появляется из океанских вод с чашей амриты в руках (Махабхарата I.16.37). Дханвантари приписывается создание аюрведы [Мифы 1991: 415].
482. *Божественное зренье* – в оригинале divya-chakShur, ясновидение, обретаемое благодаря аскезе или даруемое богами. Принадлежит к числу

сиддхи (siddhi) – сверхъестественных способностей, достигаемых йогинами. Самый известный пример использования «божественного зрения» – описание всех подробностей битвы на Курукшетре находящемуся на большом расстоянии от поля брани царю Дхритараштре его придворным сказителем Санджаей. Подобным образом в русской легендарной истории благодаря дару «дальновидения» Сергей Радонежский в своем монастыре Святой Троицы описывал монахом во всех деталях битву на Куликовом поле. Я.В. Васильков обращает внимание, что Сергей Радонежский считается первым на Руси православным мистиком и вполне мог быть первым русским исихастом, а духовная практика исихазма обнаруживает значительное сходство с индийской йогой [Махабхарата 1998: 201].

483. *Владыка тварей* (prajAratiH) – эпитет Брахмы.

487. Источник: «Мегха-дута» Калидасы. Якша, герой поэмы, сетует в разлуке со своей прекрасной супругой. Судьба (kR^itAntaH) – см. коммент. к № 63.

488. Также содержится в «Субхашита-вали» (1277). *Лучи Луны обжигают* – в оригинале chandrash chaNDa-kaRayate, сказуемое представляет собой деноминативов от chaNDa-kaRa, «обжигающий луч». В санскритской поэзии лунные лучи всегда описываются как несущие прохладу, см. коммент. к № 32. В стихотворении и далее встречаются деноминативы: vajrAyate («как молния, разит»), sUchI-kulAyate («колет словно множество иголок»), sphUlli~NgAyate («жжет, как искры»), timirAyate («обращается во тьму»), bhArAyate («становится неспособен» или «обременяет») и saMhAra-kAlAyate («обращается в светопреобразование»). Согласно Апте, saMhAra это «destruction, especially of the universe, universal destruction» [Apte 1988: 574]. К подобному «массированному» использованию деноминативов прибегает также автор стихотворения № 440.

489. Также содержится в «Субхашита-вали» (1362). Стихотворение приписывается Нидрадаридре. *Судьба* – в оригинале vidhinA (инструментальный падеж), см. коммент. к № 63.

490. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (287.1). Стихотворение приписывается поэтессе Шилабхаттарике.

492. Также содержится в «Субхашита-вали» (1251). Стихотворение приписывается Дипаке. *какой смысл в этой несчастной жизни* – в оригинале jIvita-vyaseena kiM.

493. Источник: «Амару-шатака» (162), также «Шарангадхара-паддхати».

494. Источник: «Чаура-панчашика» Билханы. Вор описывает красоту царевны. *чампака* (champraKa) – см. коммент. к № 9. *С рядом волосков выше пупка* (goma-rAjIM) – см. коммент. к № 152. *пальмира* (tAla) – см. коммент. к № 30.

496. Поэт уподобляет свои страдания в разлуке с любимой страданиям Рамы (Рагхава родовое имя Рамы как потомка Рагху), у которого царь ракшасов Равана похитил супругу Ситу, см. коммент. к № 374.

497. *Неспешной и качающейся походкой, / Словно у великоленного царя слонов* (shrImad-virada-bhUpAla-LILA-gatir alasayA) – см. коммент. к № 262.

- Автор стихотворения прибегает к аланкаре анупраса (см. коммент к № 10): bhUpAla-IIIА... alasayA... bAlA lolAkShI madAli~Ngana-lAlasayA.
498. Источник: «Шрингара-шатака» (38) Бхартрихари [Бхартрихари 1979: 83]. *юную красавицу* – в оригинале sundarINAM yaavanaM, букв. «юность красавиц».
506. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (298.4).
500. *Рожденный в мыслях* (manasijena, в оригинале в инструментальном падеже) – эпитет бога любви Камы. *лишился силы* – в оригинале adhR^iti, согласно Апте, это слово обозначает «want of firmness or control, looseness» [Апте 1988: 15].
506. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (298.4).
507. *дом* – в оригинале vasatI, должно стоять здесь в форме аккумулятива (винительного падежа) – vasatIm.
509. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (302.41). Встречающееся в оригинале слово nАma, должно быть, ошибка переписчика, искаженное maма «мой».
510. Также содержится в «Субхашита-вали» (1314). Стихотворение приписывается Джаядеве и напоминает № 446, только здесь слова приписываются мужчине, а не женщине. Перечисляются детали облика Шивы: змея, след от яда халахала на шее (см. примеч. к № 284) и пепел, нанесенный на тело. *кувалая* (kuvalaya) – см. коммент. к № 116.
511. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (1357). Стихотворение приписывается Джаядеве. *уста, подобные бимбе* (bimbAdharo) – см коммент. к № 120.
512. *благоуханье цветов жасмина* – в оригинале vAsantI-druma-kusuma-saurabhya... vAsantI – согласно Апте, это вид жасмина с благоухающими цветами [Апте 1988: 504]. *О Хари, Хари!* (hA hA hA hA hA hari hari hari) – ср. рус. восклицание: «о боже!».
513. Автор стихотворения прибегает к аланкаре анупраса (см. коммент. к № 10) изобретая при этом искусственные формы слов: varIvartti («насылает дожди»), sarIsartti («дует ветер»), narInartti («танцует») и marImartti («расстается с жизнью, умирает»).
514. *так скоро* – в оригинале shIghra-gAbhinI, в тексте возможно ошибка переписчика, правильно shIghra-gAminI.
515. Источник: «Шрингара-шатака» (14) Бхартрихари [Бхартрихари 1979: 79].
516. *от горя разлуки почернело тело Рамы* (viraha-duHkhena rАmaH shyАmatanus) – см. коммент. к № 374. *самец чакраваки без подруги в лесу тоскливо кричит* (chakravAkIM vinA chakrI tathA krandati kAnane) – в санскритской поэзии самец и самка чакраваки изображаются неразлучной парой, см. коммент. к № 236.
518. Источник: «Шрингара-шатака» (7) [Бхартрихари 1979: 79].

людей с хорошим вкусом – в оригинале sahR[^]idayaiH. Согласно Апте, одно из значений слова sahR[^]idaya это «an appreciator (of merits and so on), a man of taste» [Апте 1988: 595].

519. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (386.77). Стихотворение приписывается Бходжараджакави. *хладнолучистая Луна* (shIta-karaH shaahI) – см. коммент. к № 32.

521. В стихотворении перечисляются приметы скорого возвращения мужа. *С минуты на минуту* – в оригинале muhUrtair. Мухурта – это промежуток времени, равный 48 минут [Кочергина 1996: 517].

522. *на теле поднялись волоски* (romA~ncha) – см. коммент. к № 210.

524. *одежда моя ниспала на землю* (yAtaM cha dharAtale chIraM) – – по замечанию Д. Инголса, обнажение героини призвано продемонстрировать её стыдливость, также как и очарование, а когда её одежды «спадают сами по себе», это указывает на её неискушенность и искренность чувств [Ingalls 1965: 200; Ingalls 2000: 153]. *волоски поднялись на теле* (kaNTakitA~Ngas) – см. коммент. к № 210.

525. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (318.2). Стихотворение приписывается Сомакави.

526. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (245.124). Автор стихотворения задает риторический вопрос, почему именно ворона предвещает возвращение мужа, если есть немало других, более «эстетичных» птиц. *чакора* (chakora) – см. коммент. к № 128.

530. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (286.1). *успокоение* – в оригинале piṅvANaM. В санскрите слово piṅvANa имеет два основных значения; первое это бытовое, «успокоение, угасание», а второе – философское, обозначающее состояние высшего блаженства, связанное со свободой от перерождений [Апте 1988: 295]. Эта двузначность обыгрывается в данном стихотворении.

531. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (286.2). Стихотворение приписывается Акашаполи. Автор признается, что благодаря любимой женщине он обрел смысл жизни. *молочный океан* (kShIra-sAgara...) – см. коммент. к № 175. *этот бренный мир* – в оригинале 'rIha saMsAaraH. Сансара это важнейшее понятие индуистского мировоззрения, связанное с верой в реинкарнацию или переселение душ, в широком смысле выступает синонимом феноменального существования вообще [Индийская философия 2009: 712–713]. Автор также прибегает к аланкаре анупраса (см. коммент. к 10): kallolalochanayA 'nayaA.

533. *почтенная женщина* – в оригинале purandhryA (слово стоит в инструментальном падеже), см. коммент. к № 122.

535. Источник: «Амару-шатака» [Индийская поэзия 1978: 147; Классическая поэзия 1977: 64].

536. Автор стихотворения прибегает к аланкаре прахелика, см. коммент к № 135. Упоминаемая в тексте змея это мужчина, а мантра «ха ха» это возгласы

женщины во время любовных забав. *простушка* (mugdhe) – см. коммент. к № 103. *твои губы в ранах* (savraNo 'yamadharaM) – см. коммент. к № 123.

537. *С устами рдяными, точно бимбы плоды* (bimbAdharoShTha-mukhI) – см. коммент. к № 120. *ракшас страсти* – в оригинале rati-rakShasena (слово в инструментальном падеже), здесь подразумевается возлюбленный этой женщины, о ракшасах же см. коммент. к № 315. *Следы ногтей и зубов* (nakhair vilikhitaM dantaish cha khaNDI-kR^itaM) – см. коммент. к № 123.

538. *походкой, подобно шествию слона во время течи* (mattasyaiva gajasya yasya gamanaM) – см. коммент. к № 167, 262.

540. *к источнику воды* – в оригинале billa, согласно Апте, это «particularly, a basin for water round the foot of a tree» [Apte 1988: 392].

541. *являющая знаки страсти* – в оригинале rati-hAva-bhAva-vilasach... Согласно Апте, одно из значений слова hAva это «any feminine coquettish gesture calculated to excite amorous sensations, dalliance (of love), blandishments» [Apte 1988: 639]. *светло-золотистое, точно чампака* (champaka-gauravAd) – цветы чампаки имеют темно-желтый или оранжевый цвет, см. коммент. к № 9.

543. *ступаящая гусиной походкой* (haMsa-gatyA vrajantI) – см. коммент. к № 259. *нупуры* (nUpurau) – см. коммент. к № 259. *бетель* (tAmbUla) – см. коммент. к № 56. *тайную залу* (guhya-shAIAM) – то же, что и «дом наслаждений», см. коммент. к № 76.

544. *киннари* (kinnarI) – ж.р. от киннара (букв. «что за человек?»), класс полубожественных существ, изображаются как люди с конскими головами (кентавры наоборот), сладкозвучные певцы и музыканты [Индуизм 1996: 236]. *видьядхари* (vidyAdharI) – ж.р. от видьядхара (букв. «обладатель знания»), класс полубожественных существ, спутники Куберы, известные своей красотой и способностями менять облик по желанию и летать по воздуху. Женщины видьядхаров охотно вступают в любовную связь со смертными мужчинами [Индуизм 1996: 128]. *наги* (nAgAN) – полулюди-полузмеи, обитающие в подземном мире. Их женщины славятся своей красотой. Одной из жен Арджуны была царевна нагов Улупи [Индуизм 1996: 299]. *Гаури* (gaurI) – супруга Шивы Парвати. *Супруга Хари* (hari-sundarI) – Лакшми. *Владычица речи* (vAgeshvarI) – Сарасвати, см. коммент. к № 2.

545. *Якшини* (yakShiNI) – ж.р. от якша. Якши – мифические существа, божества низшего разряда, являются хранителями царства бога богатств Куберы [Индуизм 1996: 480]. *гандхарви* (gandharvI) – ж.р. от гандхарва. Гандхарвы – полубожественные существа, юные танцоры, певцы и музыканты в раю Индры [Индуизм 1996: 142]. *сиддха* (siddha) – полубожественные существа, обладающие особыми сверхъестественными способностями [Махабхарата 1987: 741]. *женщина, способная летать по небу* – в оригинале khecharI. Согласно Апте, это полубожественная женщина, могущая летать по воздуху [Apte 1988: 174].

546. *апсары* (apsarA) – небесная куртизанка и танцовщица. Апсары развлекают небожителей и воинов, павших смертью храбрых на поле битвы,

в раю Индры и также по поручению богов соблазняют и отвлекают от подвижничества отшельников, чье могущество грозит стать чрезмерным [Индуизм 1996: 59].

547. *С походкой возбужденного слона* (matta-mAta~Nga-gamaN) – см. коммент. к № 173, 262.

548. *уязвленной гордости* – в оригинале mAnaM, см. коммент. к №362. *о простушка* (mugdhe) – см. коммент. № 103.

549. Также содержится в «Субхашита-вали» (2366) [Subhashitavali 2007: 113]. *любовные утехы* – в оригинале aloomakaM bhagaM, букв. «лоно без волос». *вместе с клецками, зернами сезама и водой* (piNDa-sannidhau tilodakair mishram) – заупокойные обряды индуистов включает приношение умершим рисовых шариков или клецек (piNDa), а также зерен сезама и воды [Индуизм 1996: 328, 464–465; Пандей 1990: 211–212]. Как сказано в Гарудапуране (II.5.52): «После пожертвования сыновья должны совершить омовение в одежде. Затем, называя готру, следует сделать приношение воды с сезамом» (цит. по [Тюлина 2003: 135]). Также сосуды с сезамом жертвуют брахманам (II.4.31, 40).

550. *чертоги Смары* (smara-mandriraM) – см. коммент. к № 247. *нижнюю одежду* – в оригинале paridhAna, согласно Апте, это слово обозначает одежду и в особенности нижнюю [Apte 1988: 321].

551. *Ступающей походкой возбужденного слона* (matta-mAta~Nga-gAminIM) – см. коммент. к № 173, 262.

554. *с нурупами на ногах* (nUpura-saMyutAM) – см. коммент. к № 259. *С устами, точно бимбы плод* (bimbohThIM) – см. коммент. к № 210.

555. Источник: «Амару-шатака» (40) [Классическая поэзия 1977: 63]. *Волоски встали на теле* (prodbhuta-romodgamA) – см. коммент. к № 210. *Спали поясok и одежда* (vigalat-kA~nchI-praveshAmbarA) – см. коммент. к № 524. Автор стихотворения прибегает к аланкаре анупраса (см. коммент. к № 10): mA mA mAnada mAti mAm.

556. Источник: приложение к «Чаура-панчашике» (28). *у льва* – в оригинале mR^igendra, букв. «царь зверей» [Apte 1998: 445].

560. «*обратный*» *способ соитья* (viparIta-rataM) – популярная в индийской эротологии поза, которой в «Камасутре» посвящена целая глава (II.8.17–18) [Ватсыяна 1993: 75–76]. Женщина во время такого соития находится на мужчине и играет весьма активную роль. «Распустив волосы, [украшенные] цветами, прерывая смех вздохами, прижимая грудью его грудь, чтоб соприкоснуться лицами, вновь и вновь наклоняя голову, она повторяет те же действия, которое перед тем совершал он сам, и, смеясь, угрожая, нанося ответные удары, говорит: «Поверженная, я сама повергаю [тебя]» (цит. по [Там же: 75]). Как пишет Д. Инголлс, сцены «обратного» соития, весьма далекие от западных представлений о приличии, для индийского читателя обладают как сентиментальной, так и эротической ценностью, и они призваны подчеркнуть близость между влюбленными, происходящую из глубоких чувств, и желание героини порадовать своего возлюбленного в

- большей степени, нежели чем насладиться самой [Ingalls 1965: 200; Ingalls 2000: 158]. Заметим, что отдельные традиции (например, иудаизм и католицизм) к этой практике относятся отрицательно [Ватсьяяна 1996: 154].
561. У Ватсьяяны эта поза описывается в главе «Об особых наслаждениях»: «Когда, подражая быку, опускаются на женщину, находящуюся на земле, подобно четвероногому, – «коровье» (цит. по [Ватсьяяна 1993: 73]).
562. Источник: «Смара-дипика» (7.82).
- 564–576. Источник: «Смара-дипика» (7.83– 96).
577. Источник: «Смара-дипика» (7.101).
578. Источник: «Смара-дипика» (7.103).
579. *отметины ногтей* (vuyutpatArpita-nakhaM) – см. коммент. к № 123.
580. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (333.4). Стихотворение приписывается Шарнгадхаре. *нупуры* (nUpura) – см. коммент. к № 259. *чатака* (chAtaka) – см. коммент. к № 468.
582. Источник: «Шрингара-тилака» (1.27) Рудраты. *сбившееся дыхание* (sIt-kR^itam) – см. коммент. к № 281. *Следы от ногтей* (ghAtair nakhaish chA~NkitaM) – см. коммент. к № 123.
583. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (331.1). *Если себя не забываешь... во время самадхи* – в оригинале samAdhau cha mano 'yaM na Puate. Самадхи (samAdhi, букв. «собранность») – сосредоточение внимания, созерцание с целью познания объекта как бы изнутри, без посредничества органов чувств и концептуализирующей мысли. Широко используется во всех системах индийской философии, но особенно в буддизме и в йоге Патанджали. В состоянии самадхи больше нет центра, эмпирического «Я», откуда исходит познавательная активность, равно как и нет отдельного от него объекта [Индийская философия 2009: 690].
584. *два сердца становятся одним* – в оригинале dvayor eka-chittatA. *словно соитие мошенников в любви* – в оригинале kAma-shaThayor iva saMgamaH.
585. *Что недоступно для того, кто любит?* – в оригинале snehasya kiM duShkaram.
586. Источник: комментарий к «Чаура-панчашике» (7). Об «обратном» соитии см. коммент. к № 560. *звон нупур* (nUpurArAve) – см. коммент. к № 259. *обращается в мужчину* – в оригинале puruShAyate, деноминатив (отымённый глагол) от puruSha «мужчина».
587. *прерывисто дышит* (sIt-kR^ita) – см. коммент. к № 281.
588. Источник: «Шрингара-шатака» (25) Бхартрихари [Бхартрихари 1979: 81]. И. Д. Серебряков переводит: «с распущенными косами», хотя здесь употребляется слово dhamilla, означающее пучок волос, см. коммент. к № 314.
589. Также содержится в «Субхашита-вали» (2120). Стихотворение приписывается Бхаттабане.
590. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (334.1). *звон нупур* (nUpura-dhvaniH) – см. коммент. к № 259. *Сама играет роль мужчины* – в оригинале puruShAyate, см. коммент. к № 586.

592. Источник: «Смара-дипика» (7.101). «хамса-лилака» – в оригинале haMsa-Шака, означает букв. «игра гуся». В традиционном комментарии Шанкарамишры на «Гита-говинду» автор со ссылкой на эротологический трактат «Рати-рахасья» объясняет стих поэмы 7.19, где речь идет о страстных движениях Радхи, «нападающей на грудь» возлюбленного, как описание определенной позы при соитии [Сыркнн 1996: 19].
595. Источник: «Амару-шатака» (3) [Классическая поэзия 1977: 60]. *рисунки с тела* – в оригинале viSheShakaM, согласно Апте, это рисунки на лице и теле, сделанные цветными субстанциями [Арте 1988: 522]. *Хари* (hari) – имя Вишну-Кришны, который в паре с Харой (Шивой) представляет единство созидательного, поддерживающего и разрушительного начал [Махабхарата 1987: 724]. *Хара* (hara) – имя Шивы, означающее буквально «сносящий, разрушитель», связано с его ролью разрушителя мироздания в конце мирового периода [Там же: 724].
596. Ср. со стихотворением № 339.
597. *Молочный суп* – в оригинале dugdha-rasa-yUsha.
598. Также содержится в «Субхашита-вали» (598).
599. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (337.1). Стихотворение приписывается Шарнгадхаре.
600. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (325.23). *опочивальни* – в оригинале garbha-bhavana...
603. *взглянула на светильник* (dIram AlokayantI) – см. коммент. к № 328.
604. *лучшая среди прекраснобровых* – в оригинале subhruvAM... ketuH, букв. «знамя прекраснобровых», слово ketu помимо своего основного буквального значения означает также «лучший, первейший, путеводитель...» [Арте 1988: 162]. *гнев* – в оригинале mAna, см. коммент к № 362.
605. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (321.65). Стихотворение приписывается Видьяпати. *Меня со всех сторон окружает тьма* – в оригинале sarvAN mamAndhaH dishaH.
606. Источник: «Шрингара-тилака» Калидасы. Ср. со стихотворением № 90.
607. Источник: «Амару-шатака» (133) [Индийская лирика 1978: 149]. Видьякарой (№ 671) приписывается Шатананде [Ingalls 1965: 224].
608. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (320/42). Стихотворение приписывается Банабхатте.
610. *поклонами в ноги* (pAda-graNAmair) – как замечает Ю.М. Алиханова, если во время любовной ссоры уговоры оказываются бесполезными, герой прибегает к последнему средству вернуть расположение любимой – падает перед ней на колени или припадает к её стопам. После этого она обычно раздражается потоками слез, что означает: её гнев утих, и мужчина прощен [Индийская лирика 1978: 54]. Как утверждает Ватсьяна, «даже стыдливая, даже сильно разгневанная женщина уступает, когда ей падают в ноги, – это известно всем» («Камасутра» III.2.25.11) (цит. по [Ватсьяна 1993: 84]).
611. Источник: «Амару-шатака» (39) [Индийская лирика 1978: 145].

- припавшего к твоим стопам* (padAnataM) – см. коммент. к № 610.
612. Источник: «Амару-шатака» (53). *о простушка* (mugdhe) – см. коммент. к № 103.
613. Источник: «Амару-шатака» (57) [Индийская лирика 1878: 146]. Также содержится в «Субхашита-ратна-коше» (653) [Ingalls 1965: 221].
615. Источник: «Амару-шатака» (91).
617. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (338.30). *Небо на востоке стало красновато-золотистым* – в оригинале adhUtat prAchI ri~Nga-rasa-patir, букв. «восток стал владыкой красновато-золотистого цвета». *словно ученый человек / Среди толпы деревенских мужиков* – в оригинале budha-jana iva grAmya-sadasī. Слово grAmya означает как «деревенский», так и «грубый, вульгарный» [Apte 1988: 196]. О противопоставлении «городского» и «деревенского» в санскритской литературе см. коммент. к № 102.
618. *очищает* – в оригинале ravitrayati, деноминатив (отымённый глагол) от ravitra «очищение» [Apte 1996: 275].
619. Ср. со стихотворением № 339, 596. *Выплёвывая бетель* (tAmbUlaM chodgIrantI) – см. коммент. к № 56. *из сокровенного чертога* – в оригинале guhya-gehAn.
621. Источник: «Шрингара-тилака» (2.22) Рудраты. *Ее глаза не мигают, подобно глазам богини* (devIvAnimiShekShaNA) – немигающий взор, наряду с отсутствием пота, неувядаемостью надетых на шею цветочных гирлянд, неподверженностью загрязнению и способностью парить в воздухе это, по представлениям древних индийцев, пять внешних признаков божественности [Махабхарата 1987: 627]. *с поднявшимися на теле волосками* (romA~nchitA) – см. коммент. к № 210. *вина* (vINA) – древний шипковый семиструнный музыкальный инструмент, индийская лютия. Один из предметов, тесно связанных с эротической привлекательностью женщины [Мукундорам 1980: 192; Apte 1988: 527; Ingalls 1965: 165; Ingalls 2000: 129].
622. Источник: «Амару-шатака» (101) [Классическая поэзия 1977: 66]. *Узел сам развязался* (vigalitA nIvI svayaM) – о «самоспадании» одежд героини см. коммент. к № 555.
623. *чертоги Маданы* (madana-mandira) – см. коммент. к № 247. *целовать лицо подобно пчеле* (vadana-chumbita-ShaTpada) – см. коммент. к № 326. Автор стихотворения прибегает к аланкаре анупраса (см. коммент. к № 10): madana-mandira-mardana.
625. Источник: «Шрингара-тилака» (1.75) Рудраты.
627. *Сожжённого огнём из ока Хары* (hara-pauana-hato) – см. коммент. к № 18, 595.
629. Источник: «Шрингара-тилака» (7) Калидасы. *бетель* (tAmbUla) – см. коммент. к № 56. *о ступающая походкой Индры слонов* (gajendra-gamane) – см. коммент. к № 262.
630. *в доме наслаждений* (rati-mandire) – см. коммент. к № 76. *с наставником дайтьев* (daitya-guruH) – т.е. Ушанасом Кавья.

631. *Стоя с кувшином на бедре* (ghaTena kaTi-sthitena) – см. коммент. к № 364. *о ступающая слоновьей походкой* (gaja-gAminI) – см. коммент. к № 262.
633. О сравнении женщины с озером см. коммент. к № 314. Автор стихотворения прибегает к аланкаре прахелика, см. коммент. к № 135.
634. *Рудра* (rudra) – ведийское имя Шивы [Индуизм 1996: 379– 380]. *предназначенная для услад настоящих мужчин* – в оригинале su-puruSha-rati-sevyaM.
639. *лингам* – в оригинале sAdhanaM [Apte 1988: 597]. *упражнением* – в оригинале prayoга, термин противопоставляется shAstra «теория» [Apte 1988: 367].
640. *в первый день* (pratipā) – имеется в виду первый день светлой или темной половины месяца. Месяц традиционного индуистского календаря состоит из 30 лунных суток (tithi), делящихся на две половины (pakSha): светлую (shukla) и темную (kR^iShNa), в зависимости от прибывания или убывания Луны, поэтому светлая половина начинается с новолуния (AmAvAsya), а темная – с полнолуния (paurNamAsya) [Индуизм 1996: 419].
641. *Пусть ногами ставит отметины* (karajair vilikhen paraH) - см. коммент. к № 123.
643. *Словно лунный камень, / Обрадованный Луны восходом* (chandra-shilA yathA / chandrodaya-prahR^iShTA) – см. коммент. к № 295.
648. *Пусть оставляет отметины ногтей* (vilikhet) – см. коммент. к № 123.
655. *В темную половину* (kR^iShNa-pakShe) – см. коммент. к № 640.
660. Источник: «Рати-рахасья» (2.1). *В светлую половину... в темную половину* (shuklAshukla-vibhAgato) – см. коммент. к № 640.
661. Источник: «Рати-рахасья» (2.2). *бьют в грудь кулаком* (muShTyA vakShasi tADayanti) – см. коммент. к № 284.
663. Источник: «Нагара-сарвасва» (16.1).
664. Источник: «Нагара-сарвасва» (16.2–3).
665. Источник: «Рати-рахасья» (9.39, 44). *для праздника любви* – в оригинале suratotsava.
668. Источник: комментарий к «Рати-рахасье» (4.1) Каньчинатхи.
669. Источник: «Нагара-сарвасва» (16.4–5).
672. Источник: «Нагара-сарвасва» (16.6).
673. Источник: «Нагара-сарвасва» (16.7).
676. Источник «Нагара-сарвасва» (16.8). Ватсьяна также советует максимально бережно относиться к любимой женщине, и особенно к новобрачной. Его наставление исходят из той предпосылки, что счастье в любви невозможно, если удовлетворенной остается лишь одна сторона. Как сказано в «Камасутре» (III.2.25.5–6): «... приближаясь, пусть ничего не делает силой. Ибо женщины подобны цветам и требуют очень нежного обхождения. Когда, не пробудив доверия, насильственно приближаются к ним, они чувствуют ненависть к любовному соединению. Поэтому надо ласково обращаться с ними» (цит. по [Ватсьяна 1993: 84]).

678. *ребенка обнимет* (bAlasya chAli~NganaM) – женщина обнимает и целует ребенка в присутствии своего любимого, чтобы продемонстрировать свои чувства и вызвать ответные, ср. «Камасутра» (Ш.3.27.32) [Ватсьяна 1993: 88].

679. *Увидев ребенка, его поцелует* (dR[^]iShTvA bAlaka-chumbanaM) – см. коммент. к № 678.

687. *ценитель красоты* – в оригинале rasika, согласно Апте, это «a man of taste or feeling, an appreciator of excellence or beauty» [Apte 1988: 466]. Как пишет В. А. Ефименко, «расавант, т.е. человек со вкусом, ценитель и эстет, всегда способен найти для себя что-то новое в диалогах старинной и очень знакомой пьесы, уловить, как вибрирует душа талантливого художника в канонических чертах образа богини, оценить глубину своего наслаждения» (цит. по [Ефименко 1996: 49]).

688. *благими качествами обладает* – в оригинале dhatte guNAn sAttvikAn, букв. «саттвичными качествами». Саттва является одной из гун (guNAH), в индуизме это три взаимно соотносительных онтологических аспекта любого природного сущего, взаимодействие и полагание результатов взаимодействия, это три составляющие силы пракрити или майи, суть которых – движущая сила, механизм миропроявления. Всего гун три: 1) тамас (tamas) – источник апатии, инертности, невежества и иллюзии; 2) раджас (rajas) – активное, деятельное, стимулирующее начало, источник всякого действия; 3) саттва (sattva) – основа умиротворённости, добра и благодати [Индийская философия 2009: 319–320; Индуизм 1996: 154–155].

694. *лоно* – в оригинале varA~Nga, букв. «лучшая часть тела». Любопытно, что этим же словом обозначается и голова [Apte 1988: 492].

700. *на людях* – в оригинале sabhAyAM, букв. «в собрании».

705. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (366.19). Стихотворение приписывается Шарнгадхаре. *умирает в час его ухода* (mriyate mR[^]ite) – намек на сати, обычай самосожжения вдовы на погребальном костре мужа, который начиная с н.э. широко распространился в индийском обществе [Индуизм 1996: 395]. Это и дальнейшие стихотворения в этом разделе можно сравнить с описанием идеальной жены в «Куттани-мате» (440–445) Дамодарагупты [Shastri 2010: 106].

706. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (366.1). *В домашних делах искусна* (dakShA) – ср. «Камасутра» (IV.1.32.2–8, 10–12, 31–35) [Ватсьяна 1996: 94–96].

707. *рай* – в оригинале svarga, в индуистской мифологии рай Индры, расположенный на вершине горы Меру. Его столицей является Амаравати, где находится дворец Индры, в котором ему прислуживают маруты, риши и сонмы богов, а апсары и гандхарвы услаждают его музыкой и танцами (Махабхарата II.7) Помимо богов и мудрецов, svarg[^]у по приглашению Индры могут посещать смертные герои, а после смерти сюда попадают храбрые воины, павшие на поле брани. Они наслаждаются жизнью здесь до

тех пор, пока не придет срок их новому воплощению в мире людей [Мифы 1992: 419–420].

708. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (367.35). Стихотворение приписывается Билхане. Ср. «Камасутра» (IV.32.36–40) [Ватсьяна 1996: 96]. *к женам-соперницам* (sapatnIshu) – в Индии многоженство было известно уже во времена Ригведы. Полигамные браки упоминаются в источниках весьма часто, и можно предположить, что они были вполне обычным явлением в тех слоях общества (брахманы, цари и прочие аристократы, богатые купцы), которые могли себе это позволить. Естественно, что в подобных семьях между женами часто случались конфликты. В некоторых драмах из придворной жизни (напр. «Малявика и Агнимитра») часто изображается ревность старшей жены царя к молодой сопернице [Бэшем 1977: 187–188]. А Дамодарагупта в «Куттани-мате» описывает незавидную ситуацию мужчины, который не в ладах со всеми своими пятью женами [Shastri 2010: 106]. Вследствие наличия подобных проблем автор «Камасутры» пытается регулировать взаимоотношения между женами, в частности утверждая: «Младшая же супруга пусть смотрит на другую жену, как на мать» (цит. по [Ватсьяна 1993: 97]) и устанавливает для мужчины правила поведения в гареме (IV.39) [Там же: 99–100].

709. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (367.36). Ср. «Камасутра» (IV.1.32.11–12, 17) [Ватсьяна 1993: 94–95].

710. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (367.29).

711. *целомудренная женщина* – в оригинале mahAsatI, согласно Апте, это «a very chaste woman» [Апте 1988: 432].

713. *Омыв его стопы* (pAda-shaucham cha kR^itvA) – ср. «Камасутра»: «Отослав служанку, она сама омывает ему ноги» (IV.1.32.12) [Ватсьяна 1993: 94].

715. *чувств* – в оригинале bhAvam, об этом термине см. коммент. к № 132.

716. *В лес или во дворец* – в оригинале vane vA bhavane 'pi vA.

717. *искусна в домашних делах* (dakShA) – см. коммент. к № 706.

мужу верна – в оригинале pati-vratA, согласно Апте, «devoted, faithful and loyal wife, a chaste and virtuous wife» [Апте 1988: 312]. *кто сыновей рождает* – в оригинале putriNI. О рождении сына как о величайшей благодати говорится уже в гимнах Ригведы. Считалось необходимым иметь хотя бы одного сына: совершая заупокойные обряды, он обеспечивал благополучное существование не только отца, но и отдаленных предков, в ином мире. Поэтому религия поощряла именно появление потомства мужского пола [Бэшем 1977: 173]. «Для того, у кого нет сыновей, нет пути на небо, и еще раз – нет! [Поэтому] любым способом следует добиваться рождения сына» (Гаруда-пурана II.3.127) (цит. по [Тюлина 2003: 127]). Во время беременности даже совершался специальный обряд пумсавана, призванный обеспечить рождение мальчика [Пандей 1990: 76–78].

718. Ср. Законы Ману (5.154) [Законы Ману 1992: 115].

719. Ср. Законы Ману (5.148) [Законы Ману 1992: 115].

720. См. коммент. к № 709.

722. Свобода женщин, особенно принадлежащих к высшим кастам, была несколько ограничена. В «Камасутре» (IV.1.32.15) сказано, что жена может посещать свадебные приемы, брачные церемонии, жертвоприношения, находиться в компании подруг и отправляться в храм только с разрешения мужа [Ватсьяна 1993: 94]. Согласно «Артхашастре» (59.3), женщина, которая против воли мужа участвует в развлечениях и пирушках, должна быть оштрафована [Артхашастра 1993: 167]. В противоположность этому, в Кашмире VIII–IX вв., как явствует из «Куттани-маты» Дамодарагупты, женщинам, даже дамам из благородных семей, предоставлялась значительная свобода передвижения [Shastri 2010: 108].

723. См. коммент. к № 709.

725. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (332.7).

726. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (332.7). Ср. «Камасутра» (IV.1.32.36–40) [Ватсьяна 1996: 96].

728. Ср. «Камасутра» (IV.1.32.22) [Ватсьяна 1996: 95].

729. «Артхашастра» (59.3) устанавливает наказание в виде штрафа или плетей для мужчин и женщин, которые, не состоя в браке, занимаются флиртом и ведут «непристойные разговоры» [Артхашастра 1993: 167].

730. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (332.7). Источник: «Шрингара-шатака» (24) Бхартрихари [Бхартрихари 1979: 81].

735. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (364.5). Стихотворение приписывается Бхагаватовьясе.

736. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (367.1). *Джара* (jarA) – имя демоницы [Apte 1988: 217].

737. *что говорят* – в оригинале jīhvAyAM, букв. «на языке».

738. Источник: «Садукти-карнамрита». Стихотворение приписывается поэтессе Видье.

739. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (365.66).

740. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (368.21). Стихотворение приписывается Билхане.

742. *трех складок над пупком* (tri-vali) – см. коммент. к № 179.

743. Также содержится в «Субхашита-вали» (2342) [Subhashitavali 2007: 108]. Стихотворение приписывается Дамодарагупте. *тайных любовных наслаждений* – в оригинале chaugya-rati, согласно Апте, это «secret sexual enjoyment» [Apte 1988: 211].

744. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (367.4). *Для сладострастных женщин* – в оригинале jaghana-charalAyAH, букв. «для покачивающей бедрами» [Кочергина 1996: 217; Apte 1988: 214].

745. Также содержится в «Субхашита-вали» (2334). Стихотворение приписывается Рудрате. Женщина хочет, чтобы путник остался у неё на ночлег (хотя на словах торопит), а сообщая, что ее муж в отъезде, а свекровь слепа и глуха, хочет придать ему смелости. Стихи этого типа, восходящие, по видимому, к некоторым образцам древней пракритской поэзии, пользовались

большой популярностью в IX–X вв. и высоко ценились, например, выдающимся теоретиком поэзии IX в. Анандавардханой [Индийская лирика 1978: 201]. *бедняжка* (varAkI) – тип героини в санскритской поэзии, ср. праkritское «вараи».

746. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (371.86). *устами служанки* (dAsI-mukhena) – этикет требовал, чтобы благородная женщина разговаривала с незнакомым мужчиной не непосредственно, а через служанку или подругу.

747. Также содержится в «Субхашита-ратна-бхандагаре» (367.6). *тайной любовной связью* (chaurya-suratasya) – см. коммент. к № 743.

СЛОВАРЬ ИМЕН

Бестелесный (ana~Nga) – эпитет бога любви Камы. Согласно преданию, Шива испепелил Каму огнем из третьего глаза из-за того, что тот по поручению богов пытался возбудить в нем страсть к прекрасной Парвати.

Брахма (brahmA) – бог-творец, первый член индуистской триады высших богов (тримурти).

Бхава (bhava, букв. «сущий») – одно из имен Шивы.

Бхавани (bhavAnI, букв. «сущая») – одно из имен супруги Шивы Парвати.

Вишну (viShNu) – бог-хранитель вселенной, второй член триады высших богов индуизма (тримурти). Известен прежде всего своими нисхождениями на землю (аватарами) с целью борьбы с демонами.

Владыка дня (dinesha) – эпитет Сурьи, бога Солнца.

Владыка препятствий (vighna-rAjaH) – эпитет Ганеши.

Ганеша (ganesha) – сын Шивы, почитаемый как божество мудрости и образованности. Изображается с головой слона и толстым животом. С обращения к Ганеше начинаются, как правило, сочинения на санскрите.

Гаури (gaurI) – супруга Шивы Парвати.

Дельфинознаменный (makara-ketu) – один из эпитетов бога любви Камы, на чьем знамени изображен дельфин (makara).

Кама (kAmA) – бог любви, аналог древнегреческого Эроса, изображается прекрасным юношей, вооруженным луком из сахарного тростника с тетивой из пчел и с пятью цветочными стрелами.

Камадук (kAmA-dugdhA) – волшебная корова, исполняющая все желания владеющего ею

Капалин (kapAlI, «носящий череп») – эпитет Шивы.

Капали (kapAlI) – эпитет супруги Шивы.

Кришна (kR^iShNa) – одно из главных воплощений Вишну. Кришнаитами почитается как верховное божество.

Лакшми (lakShmI) – богиня красоты, богатства и счастья, супруга Вишну. Обычно изображается прекрасной женщиной, восседающей на лотосе и с лотосом в руке.

Ламбодара (lambodara, букв. «вислобрюхий») – одно из имен Ганеши.

Мадана (madana, букв. «пьянящий», «сводящий с ума») – одно из имён Камы.

Манматха (mAnmatha, букв. «смущающий душу») – эпитет бога Камы.

Манобхава (manobhava, букв. «возникший в сердце») – эпитет Камы.

Мурари (murAri) – эпитет Вишну и Кришны.

Парвати (pArvatI) – супруга Шивы, изображается в образе прекрасной молодой женщины.

Пашупати (pashupati, букв. «владыка животных») – имя Шивы, первоначально это имя понималось буквально, а затем стало осмысливаться как «господь всякой твари»

Пинакин (pinAkin) – эпитет Шивы, владельца лука Пинака (pinAka).

Равана (rAvaṇa, «ревун») – десятиголовой демон-ракшас, похитивший Ситу и умерщвленный ее супругом Рамой.

Раху (rAhu) – демон солнечного и лунного затмений.

Сарасвати (sarasvatī) – богиня речи и мудрости, покровительница ученых и поэтов. Изображается в образе прекрасной женщины, одетой в белое и с музыкальным инструментом вина в руках.

Смара (smara) – одно из имен бога любви Камы.

Хара (hara) – имя Шивы, означающее буквально «сносящий, разрушитель», связано с его ролью разрушителя мироздания в конце мирового периода.

Хари (hari) – имя Вишну-Кришны, который в паре с Харой (Шивой) представляет единство созидательного, поддерживающего и разрушительного начал.

Чанди (chaNDī) – имя Парвати в её грозном проявлении.

Цветочнострелый (kusuma-vishikha) – эпитет бога любви Камы, вооруженного луком с цветочными стрелами.

Шаури (shaurī) – имя Вишну-Кришны по деду Кришны Шуре, отцу Васудевы и матери Пандавов Кунти

Шива (shiva) – бог-разрушитель вселенной, третий член индуистской триады высших богов (тримурти), у шиваитов является верховным божеством.

СЛОВАРЬ ПРЕДМЕТОВ И ТЕРМИНОВ

Амрита (amR^ita) – божественный напиток бессмертия в индуистской мифологии.

Апсары (apsarA) – небесные куртизанки и танцовщицы. Развлекают небожителей и воинов, павших смертью храбрых на поле битвы, в раю Индры и также по поручению богов соблазняют и отвлекают от подвижничества отшельников, чье могущество грозит стать чрезмерным.

Видьядхары (vidyAdhara, букв. «обладатель знания») – класс полубожественных существ, спутники Куберы, известные своей красотой и способностями менять облик по желанию и летать по воздуху. Женщины видьядхаров охотно вступают в любовную связь со смертными мужчинами.

Гандхарвы (gandharva) – полубожественные существа, юные танцоры, певцы и музыканты в раю Индры.

Данавы (dAnava) – один из двух основных родов асур, потомки Кашьяпы и Дану, дочери Дакши.

Дундубхи (dundubhi) – крупный военный барабан.

Йони (yoni) – в индуистской религии символ женского энергетического начала, в обычном понимании – женское лоно.

Кальпа (kalpa) – у индуистов огромный промежуток времени, равный одному дню Брахмы, а по счету людей это 4320 млн. лет. Состоит из 14 манвантар.

Камашастры (kAmashAstra) – трактаты, посвященные искусству любви.

Канкана (ka~NkaNa) – браслет, который носили между плечом и локтем, ближе к локтю.

Канчука (ka~nchuka) – легкая женская одежда, прикрывавшая грудь и плечи. Этим словом называлась и просто широкая лента-лиф, которая стягивала грудь и завязывалась на спине. Входила в состав предметов, тесно связанных с эротической привлекательностью женщины.

Киннары (kinnara, букв. «что за человек?») – класс полубожественных существ, изображаются как люди с конскими головами (кентавры наоборот), сладкозвучные певцы и музыканты.

Лингам (liMga) – в индуистской религии символ божественной производящей силы, ассоциирующийся с Шивой, в обычном понимании – фаллос.

Манвантара (manvantara) – промежуток времени, равный периоду жизни Ману в индуистской хронологии, по счету людей это 306720 тыс. лет.

Нупуры (nUpura) – вид особых ножных браслетов с колокольчиками, носятся на щиколотке.

Пишачи (pishAcha) – низший из трех классов демонов (еще асуры и ракшасы), отвратительные бесы, пожиратели трупов, мучители больных, обитающие на местах кремации.

Ракшасы (rAkShasa) – один из трех основных классов демонов, (прочие – асуры и пишачи), враги религии, осквернители обрядов, людоеды, бродящие по ногам, колдуны и оборотни.

Самадхи (samAdhi, букв. «собранность») – сосредоточение внимания, созерцание с целью познания объекта как бы изнутри, без посредничества органов чувств и концептуализирующей мысли. Широко используется во многих системах индийской философии, но особенно в буддизме и в йоге Патанджали. В состоянии самадхи больше нет центра, эмпирического «Я», откуда исходит познавательная активность, равно как и нет отдельного от него объекта.

Сиддхи (siddha) – полубожественные существа, обладающие особыми сверхъестественными способностями

Тиртха (tIrtha, букв. «переправа, брод») – священное место паломничества индуистов, обычно располагаются на берегах рек, иногда – у слияния двух рек.

Якши (yakSha) – божества низшего разряда. Являются хранителями царства бога богатства Куберы.

СЛОВАРЬ ТОПОНИМОВ И ЭТНОНИМОВ

Абхиры (AbhIra) – скотоводческое племя, занимавшее территорию юго-восточной части современного Гуджарата.

Андхра (AndhrI) – историческая область, находившаяся на юге Индии в долине реки Тапти и населенная дравидской народностью андров.

Враджа (vraja) – местность вблизи от Матхуры, где Кришна провел свое детство и юность.

Ганга (ga~NgA) – самая священная река индуизма. Ее истоки находятся в Гималаях, а впадает она в Бенгальский залив. Индуисты совершают к ней паломничества, особенно к её истокам и городам Харидвар, Варанаси и Аллахабад (древний Праяг) (место впадения Джамны). В её водах после кремации рассеивается прах умерших, и осуществляются ритуальные омовения. Впервые (и только единожды) упоминается в Ригведе.

Говардхана (govardhana) – холм в местности Вриндавана, место триумфа Кришны над Индрой, что символизировало закат культа ведийских богов и появление нового культа Кришны-Вишну. Когда Индра попытался ливнем затопить Вриндаван вместе с людьми и скотом, Кришна поднял холм над его обитателями и держал ее семь дней, в результате чего Индра был вынужден отступить.

Гуджаратцы (gurjara) – народ, составляющий основное население нынешнего штата Гуджарат, находящегося на западе Индии.

Кавери (kAverI) – река в Южной Индии, истоки находятся в Западных Гхатах на территории современного штата Карнатака. Владеет в Бенгальский залив в штате Тамилнад. Называется Дакшина-Гангой или «южной Гангой». Впервые упоминается в Махабхарате.

Калинди (kAlindI) – другое название реки Ямуна (совр. Джамна), правого притока Ганги, впадающей в него у города Аллахабад (Праяг).

Карната (karNATa) – страна, расположенная на юго-западе Индии на территории современного штата Карнатака (до 1973 г. – Майсур).

Каушики (kaushikI) – река в Бихаре, приток Ганги.

Кашмирцы (kAshmIra) – народ, составляющий основное население нынешнего штата Джамму и Кашмир, расположенного на севере Индии. Название «Кашмир» появляется впервые у лингвиста Панини (предположительно V в. до н. э.).

Лата (lATa) – страна, находившаяся к западу от реки Нармада, протекающей в центральной Индии и впадающей в Аравийское море; вероятно, включала Бароду и Ахмадабад.

Малва (mAlava) – или Малава, историческая область Центральной Индии. Название получила от племени малавов, переселившегося сюда с берегов реки Иравати в результате похода Александра Македонского, войска которого истребили значительную часть племени, или же, по другой версии,

от дравидского слова *malai* «холм». Главным городом Малвы был Уджджаини.

Манаса (*mAnasa*) – озеро, расположенное вблизи от священной горы Кайласа (местопребывания Шивы и Парвати) в Гималаях Западного Тибета. В Ваю-пуране это одно из четырех священных озер (южное) близ горы Меру, оси мира; эти озера образовывались после того, как ушла вода четырех потоков, на которые, в соответствии с основным сторонами света, разделилась при нисхождении с небес на землю река Ганга. В санскритских текстах обычно упоминается, что это родина гусей, мигрирующих на его берега каждый год в начале сезона дождей.

Мандакини (*mandAkinI*) – рукав Ганги, стекающий через долину Кедаранатха в Гималаях, в северной части Гарвала.

Махараштра (*mahArAShTra*, букв. «великая страна») – историческая область, а ныне одноименный штат, находящийся на юго-западе Индии. Древними столицами Махараштры в различные периоды были Пратиштхана (совр. Паитхан на реке Годавари), Кальян и Ватапи (или Бадами).

Саураштра (*saurAShTra*) – другое название Анарты, древней страны на территории Гуджарата и примыкающей к ней части Малвы. Под названием Сураштра (*surAShTra*) упоминается в надписях Сатаваханов, династии, правившей центральными областями Декана на протяжении около 450 лет (III в. до н. э. – III в. н. э.).

Чеди (*chedi*) – страна, находившаяся к западу от долины Ганги (примерно современный штат Мадхья-Прадеш) Была населена индоарийской народностью чеди, впервые упоминаемой уже в Ригведе.

Чола (*cola*) – историческая область, находящаяся в южной части Короманделького побережья по берегам реки Кавери на юго-востоке Индии. Была населена народностью дравидийского происхождения. Впервые упоминается в надписях Ашоки. Главным городом являлся Ураипур (Урагапура).

СЛОВАРЬ ФЛОРЫ И ФАУНЫ

Амалака (Amalaka) – дерево *Emblis Myrobalan* или *Phyllanthus emblica*, напоминает гемлок. Кислым плодам некоторых сортов этого дерева, растущих в горах, приписывались чудодейственная сила – возвращать молодость, даровать долголетие и т.д.

Атаси (atasI) – голубой флокс *Linum Usitatissimus*.

Ашваттха (ashvattha) – священное фиговое дерево.

Ашока (ashoka) – *Jonesia asoka* или *Saraca indica*, небольшое вечнозеленое дерево, изобильно цветущее оранжево-багровыми цветками, образующими соцветия. Период цветения – январь-февраль. Имеет плотную темно-зеленую листву, которая используется для украшения ушей. Ашока связана с древними ритуалами плодородия. Согласно поверью, она растет только там, где молодая женщина ударила ногой. В мифологии Будда родился под ашоковым деревом, а Равана держал Ситу в заточении в ашоковой роще.

Бандхука (bandhUka) – дерево *Pentapetes Phoenicea* или *Terminalia Tomentosa*.

Бильва (bilva) – растение *Aegle Marmelos*, вид дикой яблони, плоды которой в неспелом состоянии используются в народной медицине, а листья – в ритуалах поклонения Шиве.

Бимба (bimba) – растение *Momorfica monadelpha*, приносящее ярко-красные плоды, с которыми обычно сравнивают губы красавиц.

Вибхитака (vibhItaka) – дерево *Terminalia bellerica*, упоминается среди растений, дающих отбеливание и дубильные вещества.

Кадамба (kadamba) – дерево *Nauclea cadamba* или *Anthocephalus indicus*, расцветает в сезон дождей и в поэтическом каноне связано с эротической символикой.

Киншука (kiMshuka) – дерево *Butea frondosa*. С января по март покрывается массой оранжевых и ярко-красных цветов, которые очень любят птицы. В санскритской литературе с цветами киншуки часто сравнивают раны воинов, полученные ими в битве, и отметины ногтей, которые мужчина оставляет на теле своей любимой. Д. Инголлс называет киншуку одним из самых красивых индийских деревьев.

Кувалая (kuvalaya) – голубая водяная лилия.

Маданака (madanaka) – *Artemisia Indica*, вид яблони.

Мадхука (madhUka) – *Bassia latifolia*, мохва или индийское масляное дерево. Большое листопадное дерево с толстой серой корой, произрастающее в засушливых горных районах, ценное своими вкусными и питательными цветками, которые распускаются ночью и опадают на рассвете. Лепестки этих цветов женщины собирают и перетирают в муку, из которой пекут лепешки. Из цветков мадхуки также получают крепкий алкогольный напиток, а из стручков – масло. Кроме того, мадхука считалась деревом любви, и с ней были связаны многие свадебные обряды.

Малура (mAlUra) – дерево бильва или капитха. Последнее это джекфрут, *Feronia elephantum*, которое выращивают по всей Индии, среднего размера листопадное дерево с колючками. Имеет многочисленные, мелкие, тускло-красные, бледно-розовые с переходом к зеленовато-желтому цветки.

Нага (nAga) – *Mesua ferres*, небольшое дерево.

Париджата (pArijAta) – мифическое дерево, появившееся во время пахтания океана богами и асурами. Индра взял его и посадил в своем небесном саду. Ствол париджаты из золота, а с ветвей свисают гроздья разнообразных плодов.

Пиппала (pipPala) – *Ficus religiosa*, фикус священный или фиговое дерево. Иное название – ашваттха. Уже в Ведах выступает как символ мирового древа.

Саптапарна (saptapaeNa) – *Alstonia* или *echites scholaris*, семилистное дерево.

Чакора (chakora) – птица *Perdix rufa* или *Genus alectoris*, индийская куропатка, по распространенному в Индии поверью, это птица влюблена в Луну и питается только лунными лучами, источающими амриту.

Чакравака (chakraVAka) – песчанка; считается, что самец и самка чакраваки очень любят друг друга, но вынуждены расставаться с наступлением темноты до утра и всю ночь жалобно зовут друг друга, таким образом выступая символом неразлучной пары.

Чампака (chamPaka) – *Michelia chamPasa*, разновидность магнолии, произрастающая в восточных предгорьях Гималаев, Ассаме, Бирме и в Южной Индии. Высокое и быстрорастущее вечнозеленое дерево с темно-желтыми или оранжевыми ароматными цветками.

Чатака (chAtaka) – или хохлатая кукушка, *Cuculus malanoleucus* или *jacobinus*, птица, ассоциируемая с сезоном дождей, поскольку, согласно поверью, она питается каплями дождя, ожидание которого ею символизирует в поэзию любовную тоску. В санскритской поэзии образ чатаки также используется как символ гордости, благородства и трагической судьбы.

Харитака (harItaka) – *Terminalia chebula*, желтый миробалан, плодам которого якобы присуща волшебная способность даровать долголетие и молодость.

Шайвала (shaivalaka) – *Vallisneria octandra* или *bexia*, водное растение.

Шапфари (shapharI) – вид небольшой рыбы со сверкающей чешуёй.

Шириша (shirISha) – дерево акации *Acacia sirissa* или *Albizia leblek*, родственное дождевому дереву. Цветы похожи на пушистый пучок ворсинок, маленькие полусферы, цвет от почти белого у центра до светло-зеленого-желтого на поверхности этих полусфер. Одна из стрел Камы – цветок шириши.

ИСТОЧНИКИ «КАМА-САМУХИ»

«Амару-шатака» («Сто стихотворений Амару») – сборник стихотворений о любви, которых традиция приписывает легендарному поэту по имени Амару. Считается самым известным и чтимым собранием санскритской любовной лирики. Существуют четыре рецензии сборника, наиболее ранняя из них восходит к XIII в. Полагают, что «Амару-шатака» это не сборник произведений одного поэта, а антология лирики разных авторов. По предложению Д. Инголлса, ядро этой антологии составил цикл стихов, действительно принадлежащий одному поэту по имени Амару [Индийская лирика 1978: 142–149; Классическая поэзия 1977: 60–69; Ingalls 1965: 44–45].

«Вени-самхара» («Заплетение косы») – драма в 6 актах, принадлежащая перу Бхаттанараяны (жил предположительно в VII или VIII в.). Написана на сюжет Махабхараты, охватывая события начиная с переговоров Кришны с кауравами и вплоть до убиения Бхишмой Дурьодханы.

«Куттани-мата» («Наставление сводницы») – произведение кашмирского поэта Дамодарагупты, бывшего главным министром царя Джаяпиды (779–813) В ней опытная сводница наставляет юную гетеру по имени Малати, как соблазнять богатых молодых людей. Таким образом, поэма представляет собой нечто вроде руководства для гетеры. В произведении получила реалистическое отражение общественная жизнь Кашмира того времени, кроме того, автор демонстрирует глубокое знание санскрита и камашастр.

«Рати-рахасья» («Тайна любовной страсти»), иначе «Кока-шастра» – трактат по искусству любви, составленный Коккокой в XII–XIII вв. Состоит из десяти частей; порядок изложения в целом соответствует «Камасутре», но произведение содержит описание любовных приемов, отсутствующих у Ватсьяны. В Индии пользуется не меньшей известностью, чем «Камасутра». Из комментариев на текст наиболее известен комментарий Каньчинатхи [Bhattacharyya 1975: 105–110; Mulchandani 2006: 122].

«Кумара-самбхава» («Рождение Кумары») – большая эпическая поэма (махакавья) величайшего индийского поэта и драматурга Калидасы, жившего предположительно в V в., в гуптскую эпоху, называемую еще «золотым веком» Индии. Посвящена истории любви бога Шивы и богини Парвати и считается шедевром классической санскритской поэзии. В основной версии поэма состоит из 8 глав и завершается только браком Шивы и Парвати. Однако в некоторых рукописях «Кумара-самбхава» содержит 17 глав, и в конце ее действительно появляется на свет Кумара (или Сканд), индуистский бог войны. Поэтому есть основание полагать, что оставшиеся главы принадлежат неизвестному поэту [Калидаса 1956; Классическая поэзия 1977: 25–53; Эрман 1976].

«Мегха-дуга» («Облако-вестник») – небольшая лирическая поэма Калидасы. Насчитывает чуть более 100 строф и посвящена воспеванию красоты индийских пейзажей [Калидаса 1956].

«**Нагананда**» – пьеса царя Харши (VII в.), в которой рассказывается о том, как царевич Джимутавахана отдает свое тело Гаруде, чтобы остановить жертвоприношение змей.

«**Нагара-сарвасва**» («Городская энциклопедия») – трактат по искусству любви (камашастра), составленный между X и XIV вв. Падмашри, который был буддистом и почитателем Манджушри и Тары. Состоит из 36 глав. Автор во многом следует Ватсьяне и Коккоке, однако касается нескольких тем, отсутствующих в других камашастрах (например, изготовление косметики и влияние драгоценных камней на сексуальное поведение человека [Bhattacharyya 1975: 110–112]).

«**Панчатантра**» («Пять трактатов») – самый популярный индийский сборник басен. Героями часто выступают говорящие животные. Считается книгой наставлений в нити (nIti), науке нравственности. Через переводы оказала огромное влияние на мировую литературу, в том числе и европейскую.

«**Рагху-вамша**» («Род Рагху») – большая эпическая поэма (махакавья), принадлежащая Калидасе. Состоит из 19 песней и посвящена жизнеописанию царей Солнечной династии, включая Рагху и Раму [Калидаса 1996; Эрман 1976].

«**Расика-прия**» – комментарий Кумбхи на знаменитую поэму Джаядевы «Гита-говинда» (XII в.), посвященную любви Кришны и Радхи.

«**Сахитья-дарпана**» («Зеркало поэзии») – литературоведческий трактат Вишванатхи Кавираджи.

«**Смара-дипика**» («Светоч бога любви») – эротологический трактат (камашастра) Минанатхи.

«**Чаура-панчашика**» («Пятьдесят строф о воре») – поэма кашмирского поэта Билханы (XI–XII вв.) рассказывающая о тайной любви разбойника и царевны.

«**Шишупала-вадха**» («Убиение Шишупалы») – большая эпическая поэма (махакавья), принадлежащая поэту Магхе. Датируется предположительно второй половиной VII – началом VIII вв. Написана на сюжет, заимствованный из Махабхараты (II.33–45) и описывает историю гибели царя Шишупалы, нанесшего оскорбление Кришне и убитого им после жертвоприношения у Юдхиштхиры. Отличается замысловатостью и изысканностью языка.

«**Шрингара-тилака**» (**Калидасы**) – короткая поэма, автор которой, восхваляя свою возлюбленную, также жалуется на её жестокосердие. Приписывается Калидасе. Время создания неизвестно.

«**Шрингара-тилака**» (**Рудраты**) – трактат по поэтике, приписываемый Рудре, который, как правило, отождествляется с Рудратой, автором «Кавьяланкары».

«**Шрингара-шатака**» («Сто стихотворений о любви»), «**Вайрагья-шатака**» («Сто стихотворений об отрешении от мира») – два сборника из трех, которые приписываются поэту Бхартрихари (отождествляемого традицией с грамматиком и философом Бхартрихари). Третий сборник – «Нити-шатака» («Сто стихотворений о мирской мудрости») в «Кама-самухе» не цитируется.

Датировка жизни Бхартрихари-поэта колеблется от IV–X до VII в. Есть основания полагать, что все три сборника представляют собой антологию, выросшую, возможно, из сборника стихотворений одного поэта. В Индии они пользовались огромной популярностью и дошли до нас во множестве версий [Бхартрихари 1979; Индийская лирика 1978: 126–141; Классическая поэзия 1977: 67–77].

ИЗВЕСТНЫЕ АНТОЛОГИИ САНСКРИТСКОЙ ПОЭЗИИ

«**Субхашита-ратна-коша**» («Сокровищница благих речений») – составлена в XI в. буддийским монахом Видьякарой в Бенгалии. До нас дошла в двух версиях, первая из которых включает чуть более 1000 стихов, а вторая – 1728 стихов, распределенных по 50 разделам Единственная антология санскритской поэзии, полностью переведенная на английский язык (во второй версии) [Ingalls 1965].

«**Садукти-карнамрита**» («Нектар благих речений для ушей») – составлена в 1205 г. Шридхарадасой в Бенгалии.

«**Субхашита-вали**» – составлена в XV в. Валлабхадевой в Кашмире. Содержит 3527 стихов, приписываемых 362 поэтам и распределенных по 101 разделу. Существует частичный (600 стихов) перевод на английский язык [Subhashitavali 2007].

«**Субхашита-ратна-бхандагара**» – составлена уже в наше время Нараяном Рам Ачарьей, увидела свет в Мумбаи в 1952 г.

ЛИТЕРАТУРА

Санскритские тексты и их переводы

- Kama Samuha 2008** – Kama Samuha of Sri Anant Kavi. Text with English Translation, Critical Introduction and Appendices by Amal Shib Pathak. N.D.: Chaukhambha Publications, 2008.
- Анандавархана 1974** – Анандавархана. Дхваньялока («Свет дхвани»). Пер. с санскр. Ю.М. Алихановой. М.: Наука, 1974.
- Артхашастра 1993** – Артхашастра. Пер. с санскр. В.И. Кальянова. М.: Наука, 1993.
- Атхарваведа 1995** – Атхарваведа. Избранное. Пер. в вед. Т.Я. Елизаренковой. 2-е изд. М.: Вост. лит., 1995.
- Атхарваведа 2007** – Атхарваведа (Шаунака): в 3-х т. Т. II. Пер. с вед. Т.Я. Елизаренковой. М.: Вост. лит., 2007.
- Вальмики 1999** – Вальмики. Рамаяна. М.: Гаудия-веданта Пресс, 1999.
- Ватсьяяна 1993** – Ватсьяяна Малланага. Камасутра. Пер. с санскр., вступительная статья и коммент. А.Я. Сыркина. М.: Вост. лит., 1993.
- Бхагавадгита 1994** – Бхагавадгита. Книга о Бхишме. 3-е изд., доп. Введение, пер. с санскр. и коммент. Б.Л. Смирнова. СПб., Асад, 1994.
- Бхартрихари 1979** – Бхартрихари. Шатакатраям. Пер. с санскр., исследование и комментарий И.Д. Серябрякова. М.: Наука, 1979.
- Гитаговинда 1995** – Гитаговинда. Пер. с санскр. А.Я. Сыркина. М.: Вост. лит., 1995.
- Дандин 1996** – Дандин. Зеркало поэзии («Кавьядарша») (перевод и комментарий П.А. Гринцера) // Восточная поэтика: Тексты. Исследования. Комментарии. М.: Вост. лит., 1996. С. 111–165.
- Дхармашастра 1998** – Дхармашастра Нарады. Пер. с санскр. А.А. Вигасина и А. М. Самозванцева. М.: Вост. лит., 1998.
- Законы Ману 1992** – Законы Ману. Пер. с санскр. С.Д. Эльмановича. 2-е изд. М.: Наука, Ладомир, 1992.
- Индийская лирика 1978** – Индийская лирика II–X веков. Пер. с пракрита и санскрита Ю. Алихановой и В. Вертоградовой. М.: Наука, 1978.
- Калидаса 1996** – Калидаса. Род Рагху (Рагхуванша). Пер. с санскр. В.Г. Эрмана. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996.
- Каула 2004** – Каула-тантра-санграха. Антология текстов индуистской тантры. Пер. с санскр. С.С. Федорова, С.В. Лобанова. М.: Старклайт, 2004.
- Махабхарата 1984** – Махабхарата. Выпуск V. Книга 2. Нараяния. Пер. с санскр. Б.Л. Смирнова. 2-е изд. Ашхабад: Ылым, 1984.
- Махабхарата 1987** – Махабхарата. Книга третья. Лесная [Араньякапарва]. Пер. Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. М.: Наука, 1987.

- Махабхарата 1992** – Махабхарата. Книга первая. Адипарва. Пер. В.И. Кальянова. М.: Наука, 1992.
- Махабхарата 1996** – Махабхарата. Книга девятая. Шальяпарва, или Книга о Шалье. Пер. В.И. Кальянова. М.: Ладомир, 1996.
- Махабхарата 2005** – Махабхарата. Заключительные книги XV–XVIII. Пер. с санскр. Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. М.: Наука, 2005.
- Махабхарата 2009** – Махабхарата. Книга шестая. Бхишмапарва, или Книга о Бхишме. Пер. с санскр. В.Г. Эрмана. М.: Ладомир, 2009.
- Мукундорам 1980** – Мукундорам Чокроборти Кобиконкон. Песнь о благодарении Чанди [Чондимонгол]. Пер. с бенг. И. А. Товстых. М.: Наука, 1980.
- Раджашекхара 1996** – Раджашекхара. Рассуждения о поэзии («Кавьямиманса») (перевод и комментарий С.Д. Серебряного) // Восточная поэтика: Тексты. Исследования. Комментарии. М.: Вост. лит., 1996. С. 166–217.
- Рамаяна 2006** – Рамаяна. Книга первая Балаканда (Книга о детстве). Книга вторая Айодхьяканда (Книга об Айодхье). Пер. с санскр. П.А. Гринцера. М.: Ладомир; Наука, 2006.
- Ригведа 1989** – Ригведа: Мандалы I–IV. Пер. Т.Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1989.
- Ригведа 1995** – Ригведа: Мандалы V–VIII. Пер. Т.Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1995.
- Ригведа 1999** – Ригведа: Мандалы IX–X. Пер. Т.Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1999.
- Тюлина 2003** – Тюлина Е. В. Гаруда-пурана. Человек и мир. М.: Вост. лит., 2003.
- Упанишады 2000** – Упанишады. Пер. с санскр. А.Я. Сыркина. 2-е изд., доп. М.: Вост. лит., 2000.
- Шримад-Бхагаватам 2010** – Шримад-Бхагаватам. Десятая песнь – часть вторая. М.: Бхактиведанта Бук Траст, 2010.
- Ingalls 1965** – Ingalls D.H.H. Anthology of Sanskrit Court Poetry. Vidyakara's «Subhasitaratnakosa». Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1965.
- Ingalls 2000** – Ingalls D.H.H. Sanskrit Poetry from Vidyakara's «Treasure». Cambridge, Massachusetts: The Belknap press of Harvard University Press, 2000.
- Narayan 2016** – Narayan Ram Acharya. Subhashita Ratna Bhandagara. M.: Book Renaissance, 2016.
- Ratiratnapradipaka 2005** – Ratiratnapradipaka. Text with Transliteration and English Translation by K. P. Iyengar. Delhi: Chaukhamba Sanskrit Pratishthan, 2005.

Subhashitavali 2007 – Subhashitavali. An anthology of comic, erotic and other verse. Selected and translated from the sanskrit by A.N.D. Haskar. Navi Mumbai: Penguin Books, 2007.

Исследования

- Бируни 1995** – Бируни. Индия. Пер. с араб. А. Халидова и Ю. Завадовского. М.: Ладомир, 1995.
- Бэшем 1977** – Бэшем А. Л. Чудо, которым была Индия. М.: Наука, 1977.
- Ванина 2007** – Ванина Е.Ю. Средневековое мышление: индийский вариант. М.: Вост. лит., 2007.
- Гринцер 1987** – Гринцер П.А. Основные категории классической индийской поэтики. М.: Наука, 1987.
- Гринцер 2008** – Гринцер П.А. Избранные произведения. Т. 1. Древнеиндийская литература. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2008.
- Ефименко 1996** – Ефименко В.А. // Индийская жена: исследования, эссе. М.: Вост. лит., 1996. С. 48–67.
- Индийская философия 2009** – Индийская философия: энциклопедия. М.: Вост. лит., 2009.
- Индуизм 1996** – Индуизм. Джайнизм. Сикхизм. Словарь. - М.: Республика, 1996.
- Кинсли 2008** – Кинсли Д. Махавидьи в индийской тантре. СПб.: Академия исследования культуры, 2008.
- Классическая поэзия 1977** – Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Художественная литература, 1977.
- Котин 2005** – Котин И. Ю., Успенская Е. Н. Календарные обычаи и обряды хиндустанцев // Индийские праздники: общее и локальное в календарной обрядности. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. С. 10–75.
- Кочергина 1996** – Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь. 3-е изд., испр. и доп. М.: Филология, 1996.
- Лидова 2010** – Лидова Н.Р. Раса в системе эстетических категорий Натьяшастры // Поэтологические памятники Востока: образ, стиль, жанр. Отв. ред. Н.Р. Лидова. М. Вост. лит., 2010. С. 48–152.
- Мифы 1991** – Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. Т. 1. М.: Сов. Энциклопедия, 1991.
- Мифы 1992** – Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. Т. 2. М.: Сов. Энциклопедия, 1992.
- Морозов 1998** – Морозов Д.В. Дваждырожденные. М.: Эльф, 1998.
- Невелева 1996** – Невелева С.Л. Героические жены в древнеиндийском эпосе // Индийская жена: исследования, эссе. – М.: Вост. лит., 1996. С. 5–28.
- Пандей 1990** – Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды. – М.: Высшая школа, 1990.

- Русанов 2002** – Русанов М.А. Поэтика средневековой махакавы. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2002.
- Субрамуниясвами 1997** – Садгуру Шивайя Субрамуниясвами. Танец с Шивой. Пер. с англ. Киев: София, 1997.
- Сыркин 1996** – Сыркин А.Я. Единство «сакрального» и «мирского» в любовных отношениях и образе жены // Индийская жена: исследования, эссе. М.: Вост. лит., 1996. С. 5–28.
- Темкин 1982** – Темкин Э.Н., Эрман В.Г. Мифы Древней Индии. М.: Наука, 1982.
- Ульциферов 2003** – Ульциферов О.Г. Индия. Лингвострановедческий словарь. М.: Рус. Яз. – Медия, 2003.
- Шудхирчондро 2013** – Шудхирчондро Шоркар. Лица богов: Словарь-справочник индийской мифологии. Пер. с бенгальского Е. К. Бросалиной. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2013.
- Эрман 1976** – Эрман В.Г. Калидаса. М.: Наука, 1976.
- Apte 1988** – Apte V. Sh. The Student s Sanskrit-English dictionary. Delhi: Motilal Banarsidas, 1988.
- Bhattacharyya 1975** – Bhattacharyya N.N. History of Indian Erotic Literature. N.D.: Munshiram Manoharlal Publishers, 1975.
- Bhattacharyya 1996** – Bhattacharyya N.N. History of the Shakta Religion. N.D.: Munshiram Manoharlal Publishers Pvt Ltd, 1996.
- Bhattacharyya 1999** – Bhattacharyya N.N. The Geographical Dictionary. Ancient and Early Medieval India. N.D.: Munshiram Manoharlal Publishers, 1999.
- Bhattacharyya 1999** – Bhattacharyya N.N. The Indian Mother Goddess. 3 ed. N.D.: Manohar, 1999.
- Bhattacharyya 2005** – Bhattacharyya N.N. History of the tantric religion. An historical, ritualistic and philosophical study. N.D.: Manohar, 2005.
- Coburn 1991** – Coburn T. B. Encountering the Goddess: A translation of the Devi-Mahatmya and a Study of Its Interpretation. N.Y.: State University of New York Press, 1991.
- Doniger 2016** – Doniger W. Redeeming the Kamasutra. N.Y.: Oxford University Press, 2016.
- Eck 2012** – Eck D. L. India: a sacred geography. N.Y.: Three Rivers Press, 2012.
- Gautam 2016** – Gautam S. K. Foucault and the Kamasutra. The Courtesan, the Dandy, and the Birth of Ars Erotica as Theater in India. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2016.
- Monier-Williams 2015** – Monier-Williams M. A Sanskrit-english dictionary. Etymologically and philologically arranged with special reference to cognate indo-european languages. Delhi: Nataraj Books, 2015.
- Mulchandani 2006** – Mulchandani S. Erotic literature of ancient India. N.D.: Lustre Press, Roli Books, 2006.
- Pintchman 1994** – Pintchman T. The rise of the Goddess in the Hindu tradition. – Albany: State University of New York Press, 1994.

Sacred Sexuality 2013 – Sacred Sexuality: The Ananga Ranga or The Ancient Erotic Art of Indian Love and sex. Bibliotech Press, 2013.

Shastri 2010 – Shastri A. M. India as seen in the Kuttani-mata of Damodaragupta. Delhi: Motilal Banarsidass, 2010.

ОБ АВТОРЕ ПЕРЕВОДА

Андрей Игнатъев родился в 1977 г. в городе Балашове Саратовской области. В 1979 г. всей семьей переехали в г. Речицу Гомельской области Белоруссии. С 1989 г. в Калининграде. В 1994 г. окончил Исаковскую среднюю школу. Поступил в Калининградский государственный университет на исторический факультет, который закончил в 1999 г.

С 1995 года изучал санскрит, сначала под руководством проф. А. Н. Хованского, а затем самостоятельно. В настоящее время активно занимается переводами с санскрита, а также с английского, французского, немецкого и испанского языков. Член Ассоциации исследователей эзотеризма и мистицизма (АИЭМ). В 2003, 2004 и 2006–2015 гг. принимал участие в Зографских чтениях (Санкт-Петербург).

Уважаемые читатели! Своими впечатлениями о книге Вы можете поделиться с автором, написав письмо по адресу: ali-kgd@mail.ru.

Сайт в Интернете: www.mahadevi.ru, www.sanskrit.su

Страница в ВКонтакте: <http://vkontakte.ru/id26842290>

Страница на Facebook: <http://www.facebook.com/andrei.ignatiev.3>

